ПИОНЕР

ДЕКАБРЬ 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1968 г.

Рисунки Э. Булатова и О. Васильева

ВНИМАНИЕ, РЕБЯТА! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! До Нового года остались считанные дни. Скоро пробьет двенадцатый удар часов, и двенадцатый номер журнала, самый последний в этом году,— перед тобой. Правда, очень скоро начнется *новый год*, и будут новые номера журнала, и новые рассказы и стихи, и новые мысли, но ЭТОТ год больше не повторится и ЭТА книжка журнала — тоже. Поэтому отнесись к ней повнимательней.

К Новому году мы дарим тебе новую игру, которую предлагают наша художница *Наташа Доброхотова* и ее дочка *Катя*, — «ТЕАТР НА СТОЛЕ».

Как встретить *Новый год* необычно и весело, расскажут ребята, которые не просто ждали праздника, а сумели его придумать.

Вместе с молодыми гляциологами ты побываешь в царстве вечного льда, *в ледниках Иныльчека.*

Ну, а в Австралии, как известно, все наоборот: у нас лед, снег, а у них по летним дорогам шагает странный человек с заплечным мешком и смешными перьями на шляпе — свэгмен. Это новенькое (для тебя) слово мы тоже дарим тебе. Прочти стихи австралийского поэта ДЖ. ДЕННИСА, и ты узнаешь, что это за человек.

История о лосе Вангуре, которую рассказала НОРА АРГУНОВА, невыдуманная, каждое слово здесь — правда. ЮРИЙ КОВАЛЬ тоже заверял нас, что его рассказ «Стожок» никакой не «охотничий» рассказ, а истинная правда. И мы ему поверили: мало ли чудес случается на свете!

С АЛЬБЕРТОМ ЛИХАНОВЫМ ты не раз встречался на страницах журнала. Сегодня ты можешь прочесть его новую повесть «Музыка».

Все твои друзья — и ДЕД БУКВОЕД, и ТРОЕ НЕИЗВЕСТНЫХ, и СМЕХОТРОН — собрались, чтоб поздравить тебя с Новым годом, и принесли тебе свои самые замечательные истории.

ДО СКОРОЙ ВСТРЕЧИ В НОВОМ ГОДУ!

Рисунки Э. Булатова и О. Васильева

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

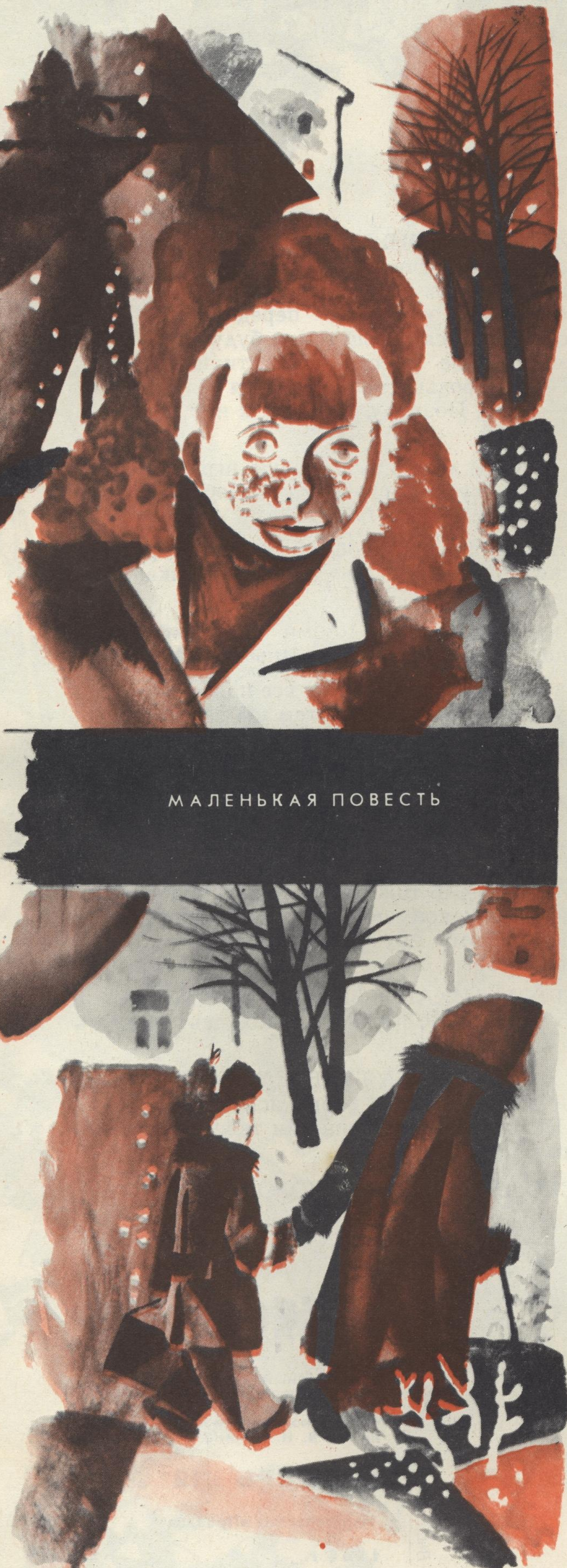
ДЕКАБРЬ 12

Издательство «Правда»

1968 г.

Альберт ЛИХАНОВ

Рисунки В. ПЕРЦОВА



У всякого человека есть в жизни история, которая, как зарубка на дереве: потемнеет от времени, сравняется, смолой ее затянет, но приглядишься посильней — вот она, тут, осталась, присмотришься еще — и время обратно пойдет, закрутится часовая стрелка против солнца все скорей и скорей...

Вот и у меня есть такая история, и я всегда вспоминаю ее, когда слушаю музыку. Вспоминаю, как учился я играть, да так и не выучился, зато выучился другому, может быть, поважней музыки, выучился... да, выучился драться. Не просто кулаками махать, а отстаивать справедливое дело.

❊

Началось все это как-то случайно, и никак я не мог подумать, что в этот обыкновенный, простой самый день начинается какая-то там история.

Итак, это было где-то вскоре после войны. Когда я, вернувшись из школы, ел жидкий супчик с перловыми крупицами на дне, позвякивая ложкой, а бабушка и мама сидели по краям стола и участливо глядели на мою макушку, явно сочувствуя и жалея меня за выпирающие из спины лопатки, бабушка неожиданно сказала:

— Ой, Лиза, у Правдиных Ниночка идет в музыкальную школу. Давай и Колю запишем!

Я пошевелил ушами, не придавая этому большого значения и не отрывая взгляда от крупинок перловки на дне. Это меня и погубило.

Я не удосужился посмотреть, как заблестели бабушкины глаза, и был наказан.

А бабушка и мама оживленно говорили надо мной, обсуждая новую проблему, и бабушка, особо склонная к искусству, рисовала живые картины. Я и эти картины пропускал и оторвался от тарелки только раз, когда бабушка вдруг зажужжала.

Я вопросительно поднял голову и увидел, как бабушка, закрыв глаза и отведя в сторону левую руку, держит в другой руке вил-

МУЗЫКА

ку и жужжит — то громче, то тише. Лицо ее выражало высшее блаженство, и только тут я понял, что она подражает скрипачу и звуку, видимо, скрипки.

Мама сидела напротив бабушки, облокотившись, глядя куда-то вдаль, и лицо ее было задумчиво.

Я смотрел на них, и незаметно ложка упала у меня из руки, произведя чужеродный обстановке звук, сопровождаемый жидким фонтанчиком.

Бабушкина скрипка умолкла, она поглядела на меня и засмеялась. Засмеялась и мама, и они долго хохотали сами над собой, вытирая слезы и гладя меня по макушке.

Разговоры о музыке поутихли, хотя, как мне казалось, бабушка чаще прислушивалась теперь, когда по радио что-нибудь играли и, бывало, даже останавливалась посреди комнаты с суповой кастрюлей, а на лице ее было отсутствующее выражение.

Я по-прежнему жил своей мелкой, частной жизнью заурядного четвероклассника и все еще не мог осознать назревающей угрозы.

Примерно через неделю, когда я, как и в прошлый раз, глотал суп, мечтая о белой булке и раздумывая, почему она называется французской, над моей головой произошел еще один разговор на музыкальную тему.

— Ты знаешь, — сказала бабушка мне, — я была у Правдиных. Они скрипку не рекомендуют. Очень действует на нервную систему.

— А как же? — растерянно спросила мама. — Можно было бы мою шубу обменять. На рынке скрипки есть.

— Да, — сказала бабушка, — но большой размер, взрослые. Для детей нужно поменьше. А купишь маленькую, вырастет, новую надо. Не наберешься...

Они вздохнули.

— А фортепьяно, — сказала бабушка, — легче. Можно с кем-нибудь договориться, к кому-нибудь ходить на игру. И на нервы меньше действует... А то тут эти, как их, пиццикато. Одной рукой все дрожать надо...

Теперь засмеялся я. Я представил себя в черном фраке и с галстучком, как у франта или у офицера в кино. А в руках у меня скрипка, желтая, как сливочное масло. Лизни — вкусное. А я не лижу, стою на сцене и смычком по струнам вожу и такую выскрипываю музыку! А в зале, прямо напротив меня, сидит враг мой первейший — Юрка-рыжий и губы от зависти облизывает.

Ох, этот Юрка!

Трудно, в общем, невозможно установить, почему сложились у нас тогда такие отношения, но Юрка преследовал меня буквально по пятам.

В первом классе мы учились вместе, и по переменкам от нечего делать, а может быть, от холода, который стоял в классе, мы становились возле стенки и толкались. Кто кого отошьет от стенки. Юрка был посильней, во всяком случае, мне это так казалось, и всегда всех отшивал от стенки, а меня проще других. Отшивая, он нахально смеялся, и это действовало на меня особенно. Впрочем, всякая очень уж сильная уверенность человека в самом себе, самоуверенность, словом, до сих пор приводит меня в некое смятение и вызывает неуверенность. Не по себе мне как-то становится...

Так вот, Юрка отпихивал всех от стены, мы орали, но уступали ему — и морально и фактически. Потом Юрка перешел почему-то в другую школу и на некоторое время исчез с горизонта. Но только на время.

*

Между тем музыкальные события развивались, и в один прекрасный вечер, совершив необычайный поступок в своей практике — велев отложить уроки «на потом», — бабушка взяла меня за руку и повела в музыкальную школу.

Идти с ней за руку мне было стыдно, но такая уж существовала у бабушки традиция — водить меня по улице, как детсадовца, — и я шел, озираясь по сторонам, чтобы в решающую минуту, когда из-за угла по-

явится чья-нибудь знакомая личность, вдруг зачихать и полезть в карман за платком или просто напрячь силы и посильней рвануть руку, дабы доказать свою хотя и относительную, но все-таки независимость.

А тут произошло все как-то неуловимо. То ли я зазевался, то ли он просто вылез из-под земли, но в тот самый миг, когда я мирно тащился на бабушкином буксире, передо мной появился Юрка-рыжий...

Я мгновенно освободился от контактов с бабушкой, но это было ни к чему, потому что Юрка уже видел, как меня в четвертом классе водят за руку. Наверное, у меня здорово покраснели уши, Юрка-рыжий уловил мое состояние и, будто бандит на безоружного человека, напал на меня.

— Ну, ты! — сказал он и пошел за мной следом.

— Ну, ты! — повторил он, нахально улыбаясь, и чуть стукнул по одной моей ноге так, что я зацепился ею за вторую ногу и едва не упал.

Видно, тут-то и была моя главная ошибка. Наберись я тогда храбрости, остановись на мгновение и ткни хотя бы легонько этого Юрку куда-нибудь в грудь, он бы, наверное, отвязался от меня, и весь конфликт был бы исчерпан. Но я не остановился, не ткнул Юрку, даже ничего не сказал ему, а прибавил шагу, даже чуть побежал, догнал бабушку и — о слабость! — сам взял ее за руку, как бы страхуясь от Юркиного нападения.

Юрка-рыжий сухо хохотнул, увеличил дистанцию и пошел за нами, время от времени покрикивая:

— Ну, ты!..

*

Музыкальная школа размещалась где-то в глубинах драматического театра, под самой крышей, и пока мы добирались до нее, я подумал, что театр походит на огромного слона, а мы идем внутри у него, по бесконечным и узким, словно кишки, коридорам. Впечатление это подтвердилось, когда мы нашли все-таки эту музыкальную школу. Она оказалась обыкновенным коридором, перегороженным крашеной фанерой. В этом аппендиксе было полно народу, главным образом взрослые, хотя школа называлась детской. Приглядевшись, я увидел, что взрослые не одни, а все с ребятами или девчонками, и все ведут себя так, будто ждут чего-то.

Бабушка нашла местечко, мы устроились, я начал разглядывать коридор повнимательнее и вдруг почувствовал, как снова, второй уже раз сегодня, краснеют мои уши.

В другом углу, положив ладошки на колени, с белым бантом, который был больше ее головы, сидела наша классная тихоня Нинка Правдина, сидела, выпрямившись, словно на уроке, серьезная до невозможности, и смотрела на меня, преисполненная чувства собственного достоинства. Даже кнопочный нос с редкими веснушками у нее кверху задирался.

В краску меня бросило сразу от многих обстоятельств. Во-первых, потому, что вся эта история с музыкой казалась мне ненужной и даже постыдной в глазах серьезных людей, и в мои планы вовсе не входило, чтобы кто-то видел меня тут.

Во-вторых, потому, что Нинка Правдина в ту пору казалась мне непревзойденной красавицей, чему не мешали даже ее веснушки. Кроме того, она держалась в школе особняком, даже с девчонками не водилась, а потому казалась мне какой-то необыкновенной... Во всяком случае, к ее ответам на уроках, за которые ей всегда ставили пятерки, я внимательно прислушивался, а ее неофициальных высказываний на переменках, равно как и взглядов, пронизывающих до пяток, просто-напросто остерегался.

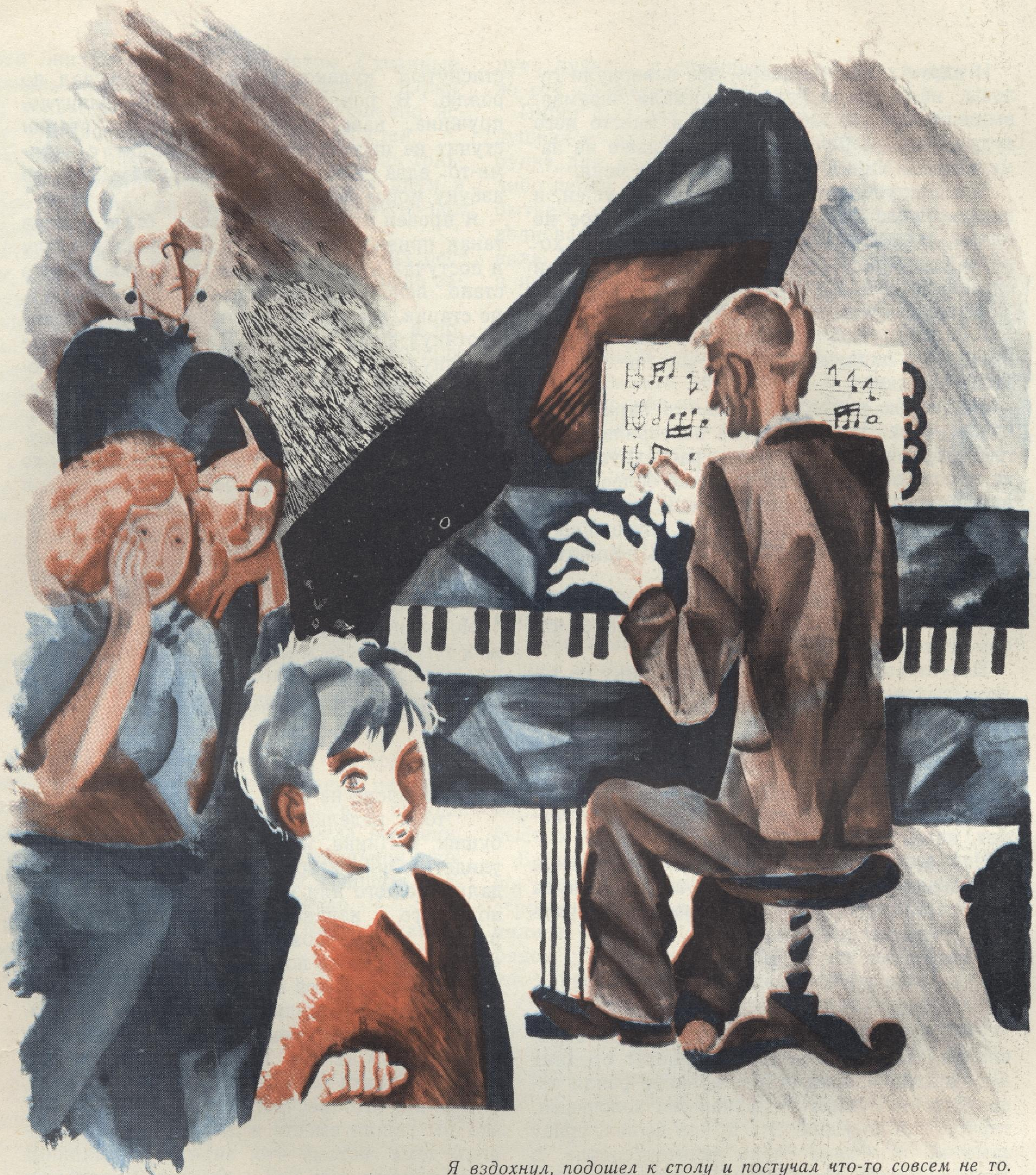
Ну, а в-третьих, от чего меня бросило в жар, была ее мамаша, которую я как-то видел в школе и которая теперь улыбалась мне и кивала так, будто мы с ней какие-нибудь родственники, и смотрела на меня так поощрительно, будто я уже не просто Колька, а какой-нибудь заслуженный артист республики.

Меня этот взгляд добил окончательно, но в эту минуту рядом кашлянула бабушка, кокетливо поправила гребенку в седых волосах и, поднявшись, пошла к Нинкиной маме.

Нинкина мама поднялась навстречу бабушке, они заворковали сразу о чем-то, наверное, о своих пиццикатах, присели, а Нинка прямо бабочкой вокруг них кружилась, так и вертелась вся. Бабушка, улыбаясь, поглядывала на нее, гладила ее по волосам, потом посмотрела на меня и сказала Нинке что-то, наверное, сказала, чтобы она пошла ко мне. Я подумал про себя, что уж это дудки, что уж Нинка ко мне не пойдет, очень ей надо; но, странное дело, она, ни чуточки не стесняясь, — а ведь народу в коридоре было порядочно — пришла ко мне — и хоть бы хны!.. Уселась рядышком. Словно мы с ней давнишние дружки.

От Нинки несло каким-то благоуханием, бант у нее прямо светился белым сиянием, щеки горели, как фонарики, черные глаза блестели. Нинка чувствовала себя как рыба в воде, будто она тут всю жизнь, в этом коридоре, пасется. Она поглядывала на меня дружелюбно, а я не знал, куда от стыда деться: народ в коридоре скучал, и все прямо таращились на нас, особенно мальчишки. «Во, скажут, девушник нашелся! Девушник музыкальный!»

Нинка же ничего не замечала вокруг — надо же, я ее такой простой, такой ненадменной первый раз видел! — и говорила со мной о всяких пустяках там, о том, какой в сорок девятом примере по арифметике ответ у меня и всякое такое.

Она заглядывала мне в глаза, слушала

Я вздохнул, подошел к столу и постучал что-то совсем не то.

мое бурканье с большим вниманием, все время кивала головой с большим бантом, и мне казалось, что и правда это не бант, а большая белая бабочка.

— А ты не боишься? — спросила меня Нинка и посмотрела с участием.

— Чего? — буркнул я.

— Экзамена.

А я даже и не знал, что какой-то там экзамен будет. Я и не готовился.

— Ну не бойся! — сказала Нинка. — Это ерунда! Простецкое упражнение. Нужно повторить, что тебе там выстучат. Слух проверяют.

Слух проверяют... Я даже и не думал, что слух еще как-то проверяют. Я же не глухой, чего тут проверять? Но тем не менее что-то мне такое предстояло. Я заволновался еще больше, заерзал на стуле, видно, уши у меня покраснели пуще прежнего, и Нинка, заметив мое волнение, совсем прямо обалдела — взяла меня за руку, пожала ее и сказала.

— Не бойся!

❄

Мне казалось, — да что казалось, это было точно, — пока Нинка сидела со мной и крутила своим бантиком, все часы остановились. И люди вокруг ничего не делали — только таращились на нас.

И вдруг хлопнула дверь, все повернули головы, из комнаты, где принимали экзамен, вышел какой-то мальчишка, а вместо него туда впорхнул белый бантик. Я даже не заметил, как Нинка проскочила мимо меня.

Я вздохнул, кровь отлила от моих ушей, и жизнь пошла дальше. Никто в коридоре не пялил на меня глаза, на душе стало очень хорошо, покойно, ко мне пришла бабушка и сказала с укором, будто я в этом виноват:

— А Ниночка уже давно играет!

Я хотел было спросить, на чем это она играет, но раздумал: хватит мне на сегодня этой Ниночки!

За дверью раздалась какая-то барабанная дробь. Через мгновение она повторилась, потом забренчал рояль, дверь распахнулась, и на пороге появилась Нинка, еще более румяная, и бант ее будто светился еще ярче.

Она бросилась к своей маме, они зашушукались там, в своем углу, потом поднялись и подошли к нам.

— Ну вот, — сказала Нинкина мама. — Ниночке прямо там, в комиссии, сказали, что она зачислена.

Бабушка снова стала гладить Нинку по голове, заулыбалась ей, захвалила, а ее мама, радуясь, сказала:

— Но мы не уйдем. Подождем, как у Коляши!

«Ничего себе, — подумал я. — Коляша! Во придумали! Не дай бог, Нинка в классе скажет, изведут! Коляша!..»

Но расстроиться как следует я не успел: бабушка подтолкнула меня в бок и кивнула на дверь. Настала моя очередь проверять слух.

*

Я думал — там врачи. Ухо-горло-носы. Ведь слух проверяют! Но врачей никаких не было. Были две женщины средних лет, сильно накрашенные, и возле рояля сидел сутулый старик с курчавыми волосками, торчащими из ушей. Это я, как вошел, сразу заметил, это меня очень заинтересовало, я даже хихикнул про себя. «Вот тебе и ухо-горло-нос», — подумал я. Но старик на меня никакого внимания не обратил, даже не обернулся, не поглядел на меня: может, сразу понял, кто вошел...

Накрашенные женщины, глядя сквозь меня, спросили мою фамилию и спросили, не играю ли я на каком-нибудь инструменте, на что я мотнул головой, хотя в душе опять захихикал и подумал, что надо бы сказать: да, играю: на нервах. Ходила тогда у нас такая шуточка. Но ничего я, конечно, не сказал, а накрашенные женщины велели, чтобы я повторил то, что мне сейчас постучат.

— Пал Саныч! — воскликнула одна из них, и старик с волосатыми ушами, все так же не оборачиваясь, не проявляя ко мне никакого совершенно интереса, протянул вперед длинную, прямо двухметровую руку со стиснутым кулаком и громко постучал по роялю. В рояле что-то тоненько звякнуло, пружина, наверное, и я понял, что старик стучит не просто так, а со смыслом, с какими-то едва уловимыми перерывами. Будто азбуку морзе выстукивает.

Я провел кулаком под носом, была у меня такая привычка, вздохнул, подошел к столу и постучал что-то совсем не то. Даже мне это стало ясно. Крашеные тетки нахмурились, но старик, все так же не поворачиваясь, опять протянул руку вперед. И как-то так он ее протянул, что мне показалось, будто он протягивает мне руку помощи, как утопающему.

Я вцепился взглядом в эту длинную, жилистую руку и напряг все свои слуховые возможности. Старик постучал быстро, но как-то внятно, и я тут же, без остановки, повторил то, что он простучал. Точно, без помарок.

Крашеные тетки уже не глазели на меня, но вдруг повернулся старик. Он глядел на меня, щурясь слезящимися белесыми глазами, и словно хотел что-то сказать. ,

Но он ничего не сказал, а одна из крашеных теток велела мне идти, и я вышел с красными от слуховой работы ушами, растерянный, не зная, что и подумать.

*

В коридоре на меня набросились так, будто я неделю в тайге проплутал, а бабушка, и Нинка, и ее мама не чаяли меня и увидеть. Они смотрели на меня, как на страдальца какого или как на генерала — юного, но седого и израненного всего. Опять я зарделся, как морковка, но они ничего не замечали, — что им полный коридор людей, если я оттуда, от этой комиссии, живым вышел!

Еле они угомонились, еле отошли; бабушка узнала, что окончательные результаты всем скажут завтра, и мы пошли домой все вместе — Нинка со своей мамой, бабушка и я.

О-хо-хо, этот несчастный день! Мало того, что мы пошли вместе и дошли до самого нашего дома, потому что, видите ли, Нинкина мама решила, что нас с бабушкой надо проводить после такого дела, одни не дойдем, — мало этого, так бабушка еще велела идти мне вместе с Нинкой впереди. Бабушка с Нинкиной мамой шли позади и все говорили о жизни замечательных музыкантов, а я плелся рядом с Нинкой, вогнав голову в плечи, готовый даже за руку с бабушкой идти, только не так, только не с Нинкой.

Я плелся, и все в моей душе переворачивалось от тяжких предчувствий.

Сейчас, много лет спустя, когда заговорили, наконец, о существовании телепатии, странных, не видимых никому излучений, которые передают на расстояние не только мысли, но и страх и могут, говорят, формировать всяческие предчувствия, я думаю, что вот те два длинных квартала, пока я шел с Нинкой Правдиной, были крупнейшим в

моей жизни сеансом телепатии. Странные, невидимые мне, но рыжие, наверное, Юркины волны вызывали во мне совершенно ясное чувство предстоящих неприятностей.

И точно. Есть она, черная магия! Как только мы подошли к углу, где сегодня днем я встретил Юрку, он снова появился как из-под земли.

Глаза у него были круглые. А рыжих ресниц и бровей, тоже рыжих, почти не было заметно.

Он стоял молча, пока мы с Нинкой, а потом бабушка с Нинкиной мамой не прошли мимо него. Потом он так же молча забежал вперед и снова посмотрел, как мы пройдем перед ним. Потом он забежал вперед еще раз и снова пристально посмотрел на нас. И когда я в третий раз, окончательно добитый, в паре с Нинкой прошел под его светящимся, радостным и одновременно недоумевающим взглядом, он, остановившись, отпустил нас на некоторое расстояние и крикнул адресованное мне, страшное:

— Хахарь! Э, хахарь!

Уже потом, дома, шаг за шагом разматывая клубок минувшего дня, я припомнил Нинку и эту минуту.

До сих пор она все пыталась говорить со мной.

Но когда Юрка крикнул это, она сразу замолчала. Не обернулась на рыжего, нет. Она просто замолчала и выпрямилась и высоко подняла голову. И так посмотрела на меня, словно ничего не было. Ни музыкальной школы, ни экзамена. И будто не трещала она, заговаривая со мной целый вечер.

Нинка посмотрела на меня, будто насквозь прожгла.

И тошно мне стало так.

*

На другой день, вернувшись из школы, я застал бабушку очень разрумянившейся. Она хлопотала у печки, в комнате вкусно пахло ржаным пирогом с картошкой.

Бабушка моя была мастерица по части всякой выпечки, в хорошие годы, когда водилась мука, всех она удивляла неиссякаемым умением стряпать какие-то вкуснейшие коржики, пышки, пончики и пирожки.

Гремя противнями, сложив морщинки на переносице от важности производимого дела, взмахивая куриным крылышком, окунутым в маслице, бабушка напоминала сталевара, выдающего плавку, где с горячим металлом не шути — обожжет или переварится. В такие минуты она была сердита, сосредоточенна, и тут уж лучше было к ней не подступаться.

Из всех своих произведений больше всего любила бабушка печь пирог — какой хошь, на усмотрение и на требование — хоть с морковью, с картошкой, хоть с нежнейшей рыбой или мясным фаршем, заправленным как следует лучком, с совершенно особой, тающей во рту поджаренной верхней корочкой.

Пирог был для бабушки высшей точкой ее душевного вдохновения, как, скажем, контрапункт для композитора. Перед праздником либо перед другим каким торжественным событием бабушка сначала начинала охать и волноваться, и когда волнение достигало накала, она упрекала себя: «Что же это я?» — и начинала хлопотать у печки.

После войны пирогов с тающей верхней корочкой бабушке печь не приходилось, но она не унывала, доставала в обмен на довоенные жакеты или стоптанные туфли ржаной мучицы, но себе не изменяла. Ведь не может же композитор перестать сочинять музыку. Даже в самое трудное время...

Когда я вошел, бабушка стряпать уже заканчивала, строгость сошла с ее лица: она улыбалась мне и заторопила меня, чтоб я собирался в музыкальную школу за результатом.

В коридоре, перегороженном крашеной фанерой, было пусто, на стенке висели листки с фамилиями принятых учиться музыке. Бабушка велела мне быстренько найти себя в этих списках, я посмотрел, но не нашел, посмотрел еще раз и снова не нашел. Бабушка рассердилась, — экая я бестолковщина! — вытащила футляр, обмотанный тонкой резинкой, нацепила очки и сама стала читать списки, поводя головой слева направо, потом быстро налево и снова направо...

Бабушка читала не торопясь, основательно, боясь упустить строчку — ведь каждая строчка была целой фамилией! Листки кончились, бабушка долго смотрела на стенку рядом с последней строкой, и что было в душе у нее в этот миг, одному богу известно!

Она постояла так недолго, потом, решившись на что-то, взяла меня крепко за рукав и, подтолкнув вперед, вошла в комнату, где я вчера так неудачно стучал по столу.

В комнате, будто она никуда и не уходила со вчерашнего дня, сидела одна из крашеных теток. Едва она подняла голову, как бабушка стала быстро-быстро говорить. Я никогда не видел, чтобы она так быстро говорила — как Синявский по радио. А бабушка тараторила, и так это у нее здорово получалось, я диву давался.

Конечно, она сказала, что никак не возможно, чтобы я не учился музыке, что музыка — наша семейная страсть, что бабушка, она сама из простых, из пролетариата, но всю жизнь мечтала, чтобы внук умел играть при нашей Советской власти на музыкальном инструменте.

— Видите ли, уважаемая...

— Пелагея Васильевна, — торопливо, будто угодить хотела, сказала бабушка.

— Видите ли, уважаемая Пелагея Васильевна, мы бы зачислили вашего ребенка, взяли бы, как говорится, сверх нормы, но увы... У него нет слуха!

Только что бабушка угодливо подсказывала этой крашеной тетке свое имя-отчество, а тут ее словно перевернуло. Она выпрямилась, разгладила морщинки на переносице, поджала губу, голову набок наклонила и спросила с вызовом, будто ее только что оскорбили:

— То есть как это слуха нет?

И покрутила головой, будто сказать хотела: ну и ну, дескать, мухлюете тут немилосердно! Тетка была хоть и накрашенная, но в душе хорошая. Она принялась объяснять, говорить, что слух — это очень важно, хотя и его можно выработать, беды большой нет, тренировка в музыке тоже очень важна, и посоветовала прийти через неделю, когда будет конкурс в группу народных инструментов.

— Это на балалайке-то? — возмутилась бабушка и потянула меня к выходу. — Ну уж увольте, милочка!

На пороге бабушка остановилась на минуту, обернулась, задохнулась от возмущения и, покраснев, сказала тихо, будто эта тетка в чем-то виновата:

— Мы же войну вынесли... А вы — балалайку...

О, эта музыка! Из-за нее и я, поддавшись настроению бабушки и мамы, пришел в уныние, будто завалил невесть какой экзамен, будто я и в самом деле виноват, что нет у меня слуха.

Вернувшись домой, мы жевали без всякого вкуса поджаристый бабушкин пирог, испеченный к несостоявшемуся событию, захлебывали его крепким чаем и молчали опять, потому что говорить было нечего. Что тут скажешь?

Где-то в душе я, потихоньку остывая, успокаивался, думал, что в общем-то ничего страшного не случилось, какой в самом деле из меня музыкант, вот Юрке бы как следует надавать за «хахаря» — это дело, а с музыкой — ну что, переживем, пусть Нинка Правдина играет, это вполне для нее подойдет...

И только я подумал про Нинку, ну вот только-только, как в дверь постучали, и вошла сначала Нинка, а за ней ее мама.

Лица у них были встревоженные. Оказалось, они все уже знали, потому что были вслед за нами в музыкальной школе. Сразу же, с порога еще, Нинкина мама стала утешать нас, говоря, что все это ерунда, что просто большой конкурс в музыкальную школу, а слух — ведь это не беда, его можно развить упражнениями.

— Да, да, — сказала бабушка невесело, — мне ведь и заведующая это же говорила, да что толку... Как же этот слух развивать, если Колю не приняли...

Все задумались ненадолго, а я посмотрел на Нинку. Она разглядывала нашу комнату, потом увидела фотографию на стене, где я маленький, голышом, да еще с бантом на голове, как девчонка, поняла, что это я, ухмыльнулась, взглянула на меня искоса. Я покраснел слегка, а Нинкина мама сказала:

— Вы знаете, можно же частно договориться. С каким-нибудь музыкантом. У вас есть знакомые музыканты?

Бабушка глянула на нее с интересом, а мама даже в ладоши хлопнула.

— Зинаида Ивановна! — воскликнула мама.

Бабушка надменно повела плечами, покачала головой.

— Зинаида Ивановна! — горько усмехнулась она. — Зинаида Ивановна в кинотеатре играет. Тоже музыкантша!

— Не страшно! — обрадовалась Нинкина мама. — Вовсе не страшно! Главное, музицирует, а раз музицирует — научит!

*

Зинаида Ивановна была дальней нашей родственницей, такой дальней-предальней, что о ее существовании вспоминали, только встретив на улице или же придя в кино, где она играла перед началом вечерних сеансов.

Меня, понятное дело, на вечерние сеансы не пускали, поэтому я Зинаиду Ивановну представлял себе смутно, очень даже плохо представлял.

В кино на переговоры с дальней родственницей мама и бабушка собирались тщательно, волнуясь, потому что, по их представлениям, это был последний шанс сделать из меня великого — ну, не великого, так по крайней мере крупного — музыканта.

Зинаида Ивановна работала в «Иллюзионе», самом шикарном кинотеатре. Двери в фойе там были стеклянные, и сквозь них можно было бесплатно послушать музыку, которую исполнял оркестр.

Мы пришли пораньше, прослушали сквозь стекло всю программу, а когда зрителей пустили в зал и оркестранты стали собирать на сцене свои трубы, бабушка попросилась у контролерши пройти в фойе.

— В оркестр, — сказала бабушка, — к Зинаиде Ивановне.

Мы прошли в фойе все втроем, и бабушка с мамой отправились на сцену, куда-то за кулисы. Я стоял, как будто какой-нибудь безбилетник, и каждый киношный работник, проходивший по фойе, мог меня турнуть.

Наконец появилась Зинаида Ивановна. Она шла, будто русалка, в чешуйчатом платье до пола, круглолицая, и в чуть выпяченных губах у нее ловко сидела папироска. Роста Зинаида Ивановна была весьма маленького, гораздо ниже мамы и бабушки, но неотразимое ее платье все-таки заслоняло их, делало сразу невидными какими-то и тусклыми.

Маленькими, неторопливыми шажками, глядя в глаза, Зинаида Ивановна подошла ко мне и вдруг потрепала по щеке.

— Уй-тютюлечки! — сказала она. — Какой большой мальчик! И учится, наверное, хорошо.

— Хорошо, хорошо, — торопливо подтвердила бабушка, и в голосе ее ни чуточки не было от того пренебрежения, с каким говорила она вчера о Зинаиде Ивановне.

— Ах, музыка! — воскликнула в это время Зинаида Ивановна, закатывая к потолку маленькие глазки и всплескивая ручками. — Ах, музыка! Я вас понимаю!.. Ну что же, что же... Приходите! Я ваша!..

— Когда же? — спросила мама, как девочка, стоявшая все время в тени.

— Хоть завтра! — сказала Зинаида Ивановна, но тут же спохватилась. — Нет, завтра я не могу... Послезавтра... Впрочем, давайте на той неделе, в понедельник...

— Ишь ты, стрекоза, — ерепенилась бабушка, когда мы шли домой. — Завтра, послезавтра, в понедельник. — И тяжело вздыхала. — Будет ли какой от нее толк?

А мне почему-то вспоминалось серебряное, в чешуйку, платье Зинаиды Ивановны, и казалось, что толк будет...

На первый урок мы пошли вместе с бабушкой, и Зинаида Ивановна, уже без чешуйчатого платья, поила нас чаем, а потом долго музицировала.

Она играла польки и вальсы, и бабушка, смягчаясь, молча, понимающе кивала головой, когда Зинаида Ивановна брала высокие аккорды. Бабушке первый урок очень понравился, она в корне пересмотрела свое отношение к дальней родственнице и полностью доверила меня ей.

Теперь я ходил на музыку уже один и чаем Зинаида Ивановна меня не поила, поглубже запахивалась при моем появлении в засаленный стеганый халат и садилась рядом со мной к инструменту. Она учила меня для начала, как надо держать руки, как нажимать клавиши и в то же время жать на педали.

Жать на педали мне особенно нравилось, это напоминало автомобиль — сцепления и тормоза — и, увлекаясь этим, представляя, что я вовсе шофер, а никакой не музыкант, я забывал об остальном.

Зинаида Ивановна обреченно откидывалась на высокую спинку стула, стирала пот со лба, тяжело дышала, по лицу ее ползли красные пятна, а я сидел, опустив голову, сознавая собственное ничтожество, и боялся взглянуть на учительницу.

Наконец Зинаида Ивановна отходила, лишь в голосе ее слышалась какая-то тугость, будто трудно ей было мне все наново объяснять, и мы начинали опять.

Отметок, ясное дело, Зинаида Ивановна не ставила; бабушка, пристроив меня к музыке, успокоилась, решив, что теперь, видно, надо ждать; мама с утра до позднего вечера была на работе, так что о моих музыкальных успехах знали лишь мы — я и моя учительница. А дома на вопрос: «Ну как там музыка?» — я непринужденно отвечал: «Все в порядке».

Не помню точно, какое упражнение мы разучивали с Зинаидой Ивановной первым. По-моему, это было упражнение № 24, какая-то очень простенькая музыкальная фраза. Нужно было ударить несколько раз разными пальцами по клавишам в определенной последовательности. Выходило упражнение № 24.

Видно, комиссия в музыкальной школе кое-что понимала все-таки: запомнить на слух упражнение это я никак не мог, поэтому после нескольких сеансов мучений я попробовал запомнить, какими пальцами куда надо было жать.

Но запомнить это тоже оказалось непросто, что-то я там такое путал, и Зинаида Ивановна, видно, отчаявшись, велела мне поучиться писать музыкальные ключи.

— Вот посмотри, — сказала она и ткнула пальцем в ноты. — Ты, конечно, знаешь, что такое музыкальный ключ.

Я кивнул.

— Вот и напиши целую страницу ключей.

Придя домой, я быстро написал по памяти страницу ключей в тетради, чтобы поскорее выбросить из головы эту музыку и заняться своими делами.

На другой день по дороге к Зинаиде Ивановне мне попался Юрка-рыжий. Я шел с нотной папкой на веревочке, с довоенной еще папкой, которую невесть где раскопала бабушка, а Юрка стоял на тротуаре, пристально, как удав, глядя на меня.

— Хе-хе, — сказал он, — хе-хе, музыкантом заделался!

Я сжался весь, готовый к схватке, но Юрка пропустил меня мимо, не тронув пальцем.

— Ну, музыкант! — крикнул он вслед то ли с удивлением, то ли с угрозой. — Ну, музыкант!

Трепеща, я пришел к Зинаиде Ивановне. В ее комнате гремела музыка, соревнуясь с отчаянным мужским голосом. Я остановился в нерешительности, взявшись за дверную ручку, не зная, входить или лучше не надо.

А рояль гремел так, что казалось, у него вот-вот струны лопнут:

— Мой совет до обручень-я.
Не целуй я-го! — орал мужской голос.
— Не целуй я-го!
Аха-ха-ха-ха!
Ха-ха-ха-ха!

Я даже вздрогнул от этого хохота, приоткрыл дверь и увидел, что у рояля, облокотившись, стоит мужчина с галстуком-бабочкой. Я сразу подумал, что ему бы больше подошло грузить на пристани кули с картошкой или молотобойцем работать с такой пунцовой физиономией, но Зинаида Ивановна не дала мне разглядывать своего певца, прервала музыку, вышла в коридорчик и, радостно улыбаясь, будто первый раз меня видела, спросила:

— Ну как ключи?

Я достал из папки тетрадку. Странно всхлипнув, Зинаида Ивановна побежала в комнату, и я услышал, как она кричала там, за дверью, смеясь:

— Ты смотри, какие ключи!

Урока у нас не было, я ушел переписывать ключи, потому что они были у меня, целая страница, животиками направо, совсем в другую сторону.

Возвращаясь домой, я снова увидел Юрку. Он стоял на том же месте, будто никуда и не уходил.

— Эй, ты, — сказал он мне, когда я поравнялся, — эй, ты, музыкант, сыграй что-нибудь...

Домой я пришел с синяком и с отвратительным настроением, потому что противопоставить синяку ничего не смог.

*

С этих пор начались мои настоящие муки. Каждый раз, когда я шел на музыку, меня встречал Юрка. Я пробовал изменить маршрут, ходить другой улицей, но Юрка ждал меня и там, будто у него было сто глаз.

Он пинал меня — не сильно, нет, легонечко этак подпинывал, едва-едва или просто шел сзади, и это было еще хуже. Содрогаясь всей душой, униженный, запрятав куда-то глубоко в себя собственное достоинство, я шел, всей спиной ощущая Юрку, каждую минуту ожидая, что он ударит сзади. Но Юрка не ударял, он шел за мной с полквартала, потом отставал, и этот момент, когда он останавливался наконец, я ощущал почти физически.

Вздохнув, не оглядываясь, я прибавлял шагу, и до самых ворот Зинаиды Ивановны еще было тошно... Каким униженным я чувствовал себя! Все кипело во мне, кулаки сжимались сами собой, скулы ходили желваками — так ненавидел я Юрку и презирал себя. Героические картины сменялись одна за другой в моем воображении: то мне казалось, что я знаменитый боксер, и вот мы, уже взрослые, встречаемся на улице, и я бью его, легонько так бью одной левой прямо в подбородок, а он катится кубарем от моего хука; то мне виделась война — я остаюсь подпольщиком в нашем городе, а Юрка, ясное дело, становится предателем и я мщу ему — не только за себя мщу, но, конечно, и за себя, — хватаю его темной ночью на улице и веду на партизанский суд...

Но между видениями я снова оказывался на улице, шагая к Зинаиде Ивановне с этой проклятой музыкальной папкой, и прохожие толкали меня и возвращали к действительности, к Юрке, которого я встречу не когда-то там, а который сейчас стоит посреди дороги на пути домой.

Я стучался в дверь к Зинаиде Ивановне, и новые мучения наваливались на меня.

Музыкальные ключи кое-как нарисовать мне удалось, но занятие, пропущенное из-за этого «ха-ха-ха-ха», из-за этого сатаны с бабочкой-галстуком, немедленно сказалось: я снова забыл, куда каким пальцем жать в 24-м упражнении.

Зинаида же Ивановна, решив, видно, что она достаточно помаялась со мной и уж что-что, а 24-е упражнение я должен знать назубок, заупрямилась, требуя от меня упражнение, и не желала показывать, куда когда надо нажимать.

Это занятие было переломным в моей музыкальной биографии.

Я пыхтел, обливаясь пóтом, краснел с макушки до пяток, нажимал клавиши, лихорадочно пытаясь вспомнить, как это делается, но рояль издавал какие-то чужеродные звуки, вовсе не напоминавшие музыку.

В тяжелые минуты всегда приходят какие-то странные, ненужные мысли. Отчаявшись, опустив руки, я вспомнил вдруг давнее свое видение. На сцене, перед толпой народа стою я в черном фраке с галстучком, как у того «ха-ха-ха-ха», который приходил к Зинаиде Ивановне.

Я глянул вперед, перед собой. В блестящей стенке рояля отражался жалкий шпингалет со встрепанными волосами, в залатанной на локтях курточке и курносый вдобавок...

Мне стало горестно, так горестно, что захотелось не то что зареветь, завыть волком — протяжно и глухо, от отчаяния, от того, что я такая безобразная, ни с чем не сравнимая бездарь!

Я сидел перед очами суровой Зинаиды Ивановны, отражаясь жалким, всклокоченным существом в зеркальной стенке рояля, чувствуя все свое ничтожество, готовый вдарить кулаками по этим проклятым, незапоминающимся клавишам, как вдруг Зинаида Ивановна, моя дальняя родственница, сделала такое, чего я никогда, никогда в жизни не забуду.

Краснея лицом, светлея глазами, запахивая потуже халат, она встала и прошептала, отворачиваясь, искренне возмущаясь:

— Какая бесталанность!

Гнев душил Зинаиду Ивановну. Еще бы, потрачено столько сил, столько энергии, в конце концов столько родственных чувств — и никакой отдачи. Полная пустота. Полная неспособность. Не сдержав себя в минуту гнева, она прошептала этот свой страшный приговор, и я услышал его, услышал!

Все вскипело во мне. Сначала, отчаявшись, я опустил голову, готовый вскочить и убежать отсюда, уйти навсегда, чтобы не видеть этого белозубого оскала открытого рояля. Но уйти — означало сдаться.

Нас было трое в комнате. Зинаида Ивановна, я и рояль. Сумерки вползали в окна, было безумно тихо, и вдруг — вдруг я почувствовал себя легким и свободным — будто я, как лягушка-царевна, сбросил свою ля-

Жать на педали мне особенно нравилось. Представляя, что я вовсе шофер, а никакой не музыкант, я забывал об остальном.

гушачью шкуру и стал другим, совсем другим человеком.

Мне стало просто и ясно, и как-то особо, со всеми деталями я увидел все, что было вокруг. И Зинаиду Ивановну, и каждое пятно на ее туго запахнутом халате, и ее красное лицо, и рояль, смеющийся во весь рот надо мной, и оконный переплет — черный крест на фоне синеющего неба, и коричневый — именно коричневый! — горшок на подоконнике с причудливо прогнутым стволиком герани. Мне почудилось, что я даже слышу терпкий запах гераниевых листьев.

Я выпрямился, посмотрев на себя в стенку рояля, посмотрев себе в глаза, и смело положил руки на клавиши. Они прошлись по белым зубам рояля быстро и непринужденно! Это было упражнение номер 24!

Я сыграл еще раз, глядя на клавиши, и еще раз — уже не глядя на них.

Торопливые шаги прозвучали у меня за спиной и умолкли. Шаги говорили. Я понял, что они не удивлены, нет, они поражены.

А я играл и играл упражнение номер 24.

Молча, ничего не говоря, Зинаида Ивановна взяла меня за руки, отвела их в сторону, и сыграла какую-то новую фразу. Я тотчас повторил ее. Тогда она сыграла третью, и я опять поразил ее. Я сыграл все три фразы подряд, сначала упражнение 24, а потом два новых.

Зинаида Ивановна вздохнула, погладила меня по голове и сказала:

— Вот видишь...

Будто я неслух, который долго упрямился, а вот теперь сдался, уступил. Будто все, что

случилось сегодня, давно уже быть могло. Ничего она не поняла, Зинаида Ивановна.

А я сидел, свесив руки, как знаменитый пианист после долгой игры, и мне казалось, что меня кто-то вытряхнул. Что внутри у меня пусто.

Я медленно оделся, взял в руки свою нотную папку и вышел на улицу. Зинаида Ивановна удивленно глядела мне вслед.

Впереди, где-то по дороге домой, меня ждал Юрка. А двух побед подряд не бывает. Не осталось у меня на Юрку сил...

Он ткнул меня куда-то в грудь, и хотя было совсем не больно, слезы застлали улицу, ставшую расплывчатым, мутным пятном.

*

Но настает в череде тяжких дней, сплошных неудач и неприятностей минута, когда вы вдруг улавливаете еле слышные шаги приближающихся перемен. Все вокруг по-прежнему — одни неприятности. Но вы ощущаете, вы наверняка знаете, что скоро, скоро — не сегодня, так завтра, не завтра, так на той неделе — вдруг случится что-то невероятное. И вам уже легче. И неприятности, которые по-прежнему не дают житья, не такие уж неприятности. Вы воспринимаете их как временные осложнения, как грипп, например, от которого никуда не денешься, но скоро — вы это знаете наверняка, — скоро он пройдет...

Так было и со мной на другой день. После школы опять предстояла дорога к Зинаиде Ивановне, и Юрка посреди этой дороги, урок музыки, обратная дорога и вторая встреча с Юркой.

Но в школе, вспоминая время от времени о предстоящем, я не сжимал кулаки в лютой ненависти к Юрке, не вздрагивал, стыдясь сам себя. Что-то должно было случиться скоро. Это неизвестное что-то вселяло в меня столько уверенности и покоя, что даже когда Нинка, ощутив мой взгляд, опять посмотрела в меня блестящими своими глазищами, я не отвернулся, как обычно, а принял этот взгляд. Мне стало тепло отчего-то там, внутри, и чувство ожидания выросло, окрепло. Нинка посмотрела на меня как-то особенно, и я понял это.

С того дня, когда мы вдвоем попались на глаза Юрке и он обозвал меня хахарем, Нинка как бы отодвинулась от меня. Нет, в общем-то ничего не случилось, просто она вела себя так же, как до встречи в музыкальной школе, где она проявила к моей особе ошеломившее меня внимание.

Да, ничего не случилось, а все-таки случилось.

Не зря же, забыв об уроке, я смотрел часто на Нинку, на ее бант. Нинка чувствовала мой взгляд, но не вертелась, зная, что я обращаю на нее внимание, а лишь изредка оборачивалась и взглядывала на меня, нет, не на меня, а в меня своими черными смородиновыми глазами.

Я вздрагивал, отворачивался и ждал, тщетно ждал, когда Нинка, как тогда, перед музыкальным экзаменом, подойдет ко мне.

Но она не подходила. И я понимал, что музыка, которой я усердно внимал на уроках Зинаиды Ивановны, — это единственная тропинка, по которой может подойти ко мне Нина...

А сегодня... сегодня она посмотрела на меня удивительно!

Правда, больше она не взглянула ни разу в мою сторону за весь день, но это было неважно! Зато все перемены Нинка смеялась и бегала с девчонками. Это было так непохоже на нее, неприступную классную королеву, которой и девчонки-то стеснялись. А на большой перемене случилось вообще невероятное.

У нас в классе стояло пианино, старенькое и обшарпанное. На уроках пения мы пели бодрые песни, а пианино, дребезжа, вторило нам под руками учителя. Иногда кто-нибудь из ребят на переменке откидывал с шумом крышку и стучал по клавишам или ездил по ним кулаком. Но это случалось редко, дежурные тотчас хватали «музыканта» и выдворяли его за дверь.

Когда в большую перемену Нинка села к пианино и открыла крышку, по привычке кто-то из дежурных завопил, но она даже не повернула головы в его сторону, а девчонки, с которыми она бегала сегодня, окружили пианино плотным кольцом. Дежурные отступились, а Нинка заиграла.

Я помнил, бабушка говорила когда-то, дескать, Нинка играет, но я и подумать не мог, что она умеет так играть! Нет, не чижика-пыжика, не пресловутое упражнение номер 24 играла Нинка. Старенькое, обшарпанное пианино стонало всеми струнами, рождая удивительные звуки. Я не знал, что играет Нинка, но это походило на море. Волны то накатывались на меня, сверкая брызгами, то отступали, успокаиваясь, и все это было в музыке!

Девчонки, окружившие Нинку, стояли, открыв рот, замерли привередливые дежурные и даже самые шебутные мальчишки не лезли и не орали. Все слушали музыку, и всем, всем, ничего не понимавшим в ней, она нравилась.

Нинка играла, а волны все катились, и вот море уже бушевало. Меня будто мороз по коже продрал — стало холодно и торжественно. Я видел только Нинкин венчик, сделанный из косички, ее корону, и Нинка, конечно, не смотрела на меня, но я знал, я чувствовал, что эта удивительная и неожиданная музыка имеет отношение ко мне.

Волна благодарности к Нинке захлестнула меня, закружила голову. Мне захотелось сейчас, сию минуту сделать что-нибудь удивительное, достойное, рыцарское, чтобы и Нинка поняла мое к ней отношение, и, как

только она встала, перестав играть, я, краснея, подошел к пианино и одним духом выпалил все, что знал: упражнение номер 24 и два других новых упражнения. Я сыграл их на одном дыхании, без остановки, и, ясное дело, вышла какая-то мешанина.

Кто-то из мальчишек хлопнул меня по плечу, крикнул в ухо модную в четвертом классе присказку: «И ты, брутто, сказало нетто, завернулось в тару и упало!»

Смешная поговорка, которой я не придавал

то, сказало нетто, завернулось в тару и упало!» Дурацкая эта прибаутка вертелась в голове, и я представлялся сам себе то брутто, то нетто, которое заворачивается в какую-то тару и падает с позором. Было тошно. Мне казалось, что все смотрят на меня, и я сидел, уткнувшись в тетрадь. Наконец, мне стало невмоготу, и я поднял голову, чтобы попроситься выйти, спрятаться в уборной, сунуть там голову под холодный кран. Я поднял голову, и глаза мои сами собой посмотрели на

Забыв об уроке, я часто смотрел на Нинку, на ее бант.

раньше ровно никакого значения и вместе со всеми потешался этой забавной нескладухе, вдруг приобрела для меня особый смысл.

Я зарделся.

Нинка играла хорошую музыку, а у меня вышло так, будто я ее передразнил своей ерундой. После нее мои упражнения прозвучали резко и странно и совсем некстати.

Я готов был сгореть со стыда, но все-таки набрался сил и взглянул на Нинку. Она стояла совсем рядом со мной, а смотрела в сторону. Туда и смотреть-то нечего было — пустой угол, а она смотрела. Просто отворачивалась.

Мне стало опять горько.

Протарахтел в коридоре звонок, начался урок, а я все не мог прийти в себя. Было так хорошо, и вот...

Ах, как клял я себя, как проклинал, какими последними ругал словами! «И ты, брут-

Нинку. Я думал, что увижу опять ее бант, но нет, я встретился с ее смородинами.

Она смотрела на меня и улыбалась, ничуть не сердясь.

Я повел плечами: тяжкий груз свалился с меня. Я понял, что мне опять хорошо и что радостное предчувствие доброго возвращается снова.

Я засмеялся тихонько, и вдруг с неожиданной остротой, с легкостью и удивлением, что так долго не мог догадаться о таком простом, подумал, что ведь я ни в чем, совсем ни в чем не виноват перед Нинкой. Просто она музыкант, а я нет и никогда им не стану.

Да, да, да! Сегодня были две музыки. Нинкина и моя. Какие там две — одна, Нинкина. То, что бренчал я, — никакая не музыка, и музыкой никогда не станет. Дело все в том, что музыка не для меня, и это яснее ясного.

Я припомнил свои муки у Зинаиды Ивановны, тот день преодоления, когда я сыграл проклятое упражнение номер 24 и еще два. Казалось бы, мне не хватало логики. Решиться на это, когда вроде бы телега сдвинулась с места.

Нет, я не буду учиться музыке. Я не нужен ей. Нинка доказала сегодня, что музыка — это то, что выбирает человека само. Не человек выбирает музыку.

Диким напряжением, оскорбленным достоинством я преодолел музыку у Зинаиды Ивановны. Я собрался, чтобы сыграть, и сыграл. Но я не сделал ничего, кроме того, что собрался и соединил все, что я уже умел, уже должен был уметь делать.

Это был первый шаг. Важный, но первый.

Решает все последний шаг.

Я сделал второй.

Я улыбался смородиновым Нинкиным глазам и точно знал, что это она, а не я будет играть на сцене.

И будет шуметь море. То приливать бешеными волнами, то отступать, успокаиваясь...

*

Вместо музыки в тот день я хотел уйти в кино. В «Иллюзионе» крутили «Железную маску», и хотя я смотрел ее уже два раза, замирая от страха, ну что ж, придется смотреть еще раз. Все решено!

Великое дело, если человек решил что-нибудь для себя! Решил — и ни в какую, хоть лопни, не переменит своего решения. А если переменит — грош ему цена.

Но «Железную маску» посмотреть еще мне не удалось. Бабушка сказала, что она идет по каким-то своим делам и как раз в мою сторону, так что мы пойдем вместе. Делать было нечего, я взял папку, и мы поплелись.

Стояла весна, сугробы походили на губку, из которой текли грязные ручейки. Солнце серебрило окна старинных деревянных домов, на печных трубах и коньках крыш сидели, мурлыча, разномастные кошки.

Мы шли рядом, и сколько бабушка ни пыталась взять меня за руку, я никак не давался.

Ах, бабушка! Она никак не хотела увидеть, что четвертый класс — это не первый, что время идет и люди растут, все люди без исключения! А кроме того... Кроме того, это она, она, моя дорогая бабушка, была виновата в том, что в тот день, когда мы шли на экзамен в музыкальную школу, Юрка увидел меня на постыдном «прицепе» — бабушка вела меня за руку.

Мы шли в сторону, где жила Зинаида Ивановна, и по дороге нам, конечно, попался Юрка. Он не задел меня, не рискнул, потому что я шел не один, только посмотрел на меня презрительно и скривился...

Бабушка зашла со мной к Зинаиде Ивановне, и та похвалила ей меня за успехи; они поболтали, бабушка ушла, а Зинаида Ивановна обернулась ко мне, запахивая халат и говоря:

— Ну-с... Ну-с...

Я все стоял, не раздеваясь, с папкой в руке. Сердце мое колотилось. Я должен был сказать все Зинаиде Ивановне. Сесть к роялю и снова стучать эти упражнения было бы против совести, против моего решения, против второго шага. «Все решает последний шаг, — думал я, — надо, надо, надо сделать его».

Я набрался духа и сказал, оборачиваясь, глядя в глаза Зинаиде Ивановне.

— Вы знаете, — сказал я, — вы знаете, я не буду ходить к вам больше... Ведь из меня же не выйдет музыкант...

— Что ты, что ты! — закричала Зинаида Ивановна.

— Ну не выйдет! — твердо сказал я. — Вы же сами знаете...

Зинаида Ивановна замахала руками, запричитала что-то, но вдруг успокоилась.

— Попей тогда чаю, — сказала она и пошла на кухню.

В пальто и с папкой в одной руке я попил чаю. Зинаида Ивановна грустно смотрела на меня и молчала, думая о чем-то своем. Когда я встал, она вдруг подошла ко мне, погладила по голове и сказала дрогнувшим голосом:

— Я не знала, что ты такой... А я, вот видишь, играю в кино...

Она засморкалась, я внимательно посмотрел на нее. Тогда, в кинотеатре, когда я увидел ее в первый раз, Зинаида Ивановна походила на русалку в своем блестящем, чешуйчатом платье. С тех пор я много раз смотрел на Зинаиду Ивановну. Никакая она была не русалка. И лицо у нее было нездоровое, дряблое. И на щеках у нее было много старых, больших веснушек...

Мне стало жалко ее, я торопливо сказал, что буду заходить просто так... пить чай. Зинаида Ивановна качнула неопределенно головой: мол, хорошо, но не верю.

Я торопливо выскочил на улицу и в гулкой весенней тишине снова услышал, как где-то совсем близко слышатся шаги перемен...

Я посмотрел вверх на небо и провалился взглядом в бесконечную синеву. У неба не было дна, как не было конца у жизни и у всего, что будет, что придет скоро...

Сердце стучало, голова кружилась, грудь расширяло счастье. Я шел нараспашку, красный галстук трепыхался на плече, как огонек, я шагал, ни на секунду не вспомнив о Юрке, как вдруг кто-то взял меня за рукав.

Я обернулся. Я обернулся и засмеялся.

Это была Нинка. В руке она держала авоську с хлебом. И еще она улыбалась.

— Ты с музыки? — спросила она, и я кивнул.

— А ты за хлебом ходила? — спросил я,

не подумав, что как-то уж слишком далеко она ушла за хлебом, и теперь кивнула Нинка.

Мы пошли рядом, не зная, что сказать.

Мокрый снег кашицей разъезжался под ногами, текли синие ручьи, на крышах сидели кошки.

Мы шли, и я ждал, когда что-нибудь скажет Нинка, но она молчала, а я не знал, что говорить. Но даже вот так, молча, было хорошо идти рядом с Нинкой. Я шел, улыбаясь, глядясь в лужи, и совсем-совсем забыл о Юрке. А он стоял, он ждал, он охотился за мной.

Я поднял голову и увидел, как смеются Юркины синие, с рыжими крапинками глаза. Он смотрел на меня и на Нинку и очень радовался. Раньше он унижал только меня, и мы знали об этом вдвоем — он и я. Теперь он унизит меня втройне: перед собой, передо мной и перед Нинкой!

Юрка подходил ко мне не спеша, сунув руки в карманы пальто, нагло улыбаясь, а я не трепетал, как раньше, нет.

Мысли, одолевавшие меня, мучившие меня, терзавшие меня столько времени, вдруг соединились в последовательную цепь, взялись как бы за руки, обрели стройность и четкость. В одно мгновение из мальчишки, который не знал, чего хотел, боялся Юрки, стеснялся Нинки, разучивал нелюбимые музыкальные упражнения и вообще жил беспорядочно и неопределенно, я стал человеком, который знал, что хотел, и знал, что ему делать.

Еще вчера я был рабом музыки. Я мучился, я бился головой в дверь, не зная, что она никогда не откроется для меня. Сегодня в школе я понял, что есть вещи важнее музыки. Например, когда человек говорит сам себе правду. Пусть эта правда не такая легкая. Но это важнее музыки. Это заставляет человека быть самим собой. И если человек сказал сам себе правду один раз, если он сумел сделать это, он скажет ее себе снова.

И я сказал. Я понял, что, отказавшись от музыки, найдя в себе силу сделать это, сказав самому себе правду один раз, я скажу ее снова. Я был рабом музыки. Я перестал быть им. Я был рабом Юрки. Теперь я ничей не раб.

А Юрка все шел и шел на меня и все ухмылялся нагло, ожидая легкой, как всегда, победы. Он достал из кармана свой кулак и отвел его чуть назад.

Мне захотелось закрыть глаза и спрятаться куда-нибудь.

Но я не закрыл глаза и не спрятался.

Я был свободный человек. А рядом со мной была Нинка.

Еще до того, как Юрка отвел для размаха свой кулак, с ненавистью, ослепившей меня,

Я не спеша подошел к Нинке.
Юрка не двинулся, не сказал ни слова.

я подскочил к нему, и изо всех сил врубил ему куда-то по верхней губе.

Я думал, он упадет, но Юрка не упал, только сильно качнулся и отступил.

— Ну-ну, — сказал он только, — ну-ну...

И непонятно было, с угрозой или удивлением сказал он это.

Я думал, Юрка будет ругаться, и тогда я скажу Нинке, чтобы она бежала, а сам буду драться с Юркой, сражаться до последнего. Но он сказал только: «Ну-ну, ну-ну...» — и уступил дорогу.

Меня трясло всего, колотило мелкой дрожью, и Нинка успокаивала меня. Дойдя до угла, мы обернулись. Юрка все еще стоял на том же месте, растерянно глядя нам вслед.

И тут только я спохватился. Во время драки я бросил нотную папку.

Она была ни к чему мне теперь, совсем ни к чему. Это упражнение номер 24 и тетрадка с этими ключами, животиком в другую сторону. Да, она была ни к чему мне, нотная папка, которую невесть где достала бабушка, но я вернулся.

Нинка хотела было остановить меня но я посмотрел на нее внимательно и сказал дрожащими губами:

— Пусти!

Она отпустила меня, и я вернулся к Юрке. Я не спеша наклонился и не спеша взял папку. Потом я повернулся и не спеша пошел к Нинке.

Юрка не двинулся, не сказал ни слова.

*

Когда дома я открыл папку, нотные знаки и ключи — и неправильные, брюшком в другую сторону, и правильные, с хорошим брюшком — расплылись и потекли.

Я подошел к окну и посмотрел на улицу, в самый ее конец, куда ушла Нинка с авоськой.

Бабушки еще не было.

Бабушка еще должна была прийти.

*

С НОВЫМ ГОДОМ, ЧИТАТЕЛЬ!

Ты еще только готовишься его встретить, а журнал уже целиком живет в этом новом году. Уже лежат на редакционных столах повести, стихи, сказки, рассказы путешественников, письма ребят и целые горы рисунков и фотографий.

Тебе, конечно, хотелось бы узнать, что именно приготовлено тут для тебя. Ну что ж, немножечко приоткроем редакционные тайны.

Писательница М. П. Прилежаева написала для ребят биографическую повесть «Жизнь Ленина». Мы будем печатать ее в каждом номере, и ты будешь в каждом номере, выпуск за выпуском, читать об этой великой жизни. Конечно, в журнале будут и другие рассказы и воспоминания о В. И. Ленине. Узнаешь ты и о том, какими делами отмечают столетие со дня рождения Ленина пионеры, твои товарищи.

Читал ли ты в этом году повесть Л. Воронковой о персидских войнах, о царе Кире? Сейчас Любовь Федоровна написала новую историческую повесть. О чем? О каких временах? Не будем рассказывать: скоро ты возьмешь в руки первый номер журнала и отправишься в путешествие прямиком в эти времена.

А Владислав Крапивин пишет повесть о сегодняшних мальчишках, веселую, полную приключений. Впрочем, читая ее, ты, наверно, задумаешься и всерьез: ведь вражда и дружба, благородство и подлость — это серьезно.

Слышал ли ты о собаке, которая вполне самостоятельно объездила по железной дороге всю Италию? Польский писатель Р. Писарский написал повесть об этой собаке, любившей поезда.

Новые рассказы прислали в редакцию писатели Сотник, Качаев, Снегирев, Маркуша, Корпачев и, конечно, Драгунский.

Новые пьесы и советы готовит театр «Фонарик».

Загадочно улыбается, расхаживая по редакции, Пешкин, — он уже придумал для всех оруженосцев Шаха интереснейшие задания, а Трое Неизвестных и Дед Буквоед в полном секрете сочиняют головоломные задачи.

Словом, мы все готовы к новой встрече с тобой, читатель, встрече в 1969 году.

Слово клубам интернациональной дружбы

Если ты захочешь принять участие в разговоре клубов интернациональной дружбы, присылай свои сообщения, советы, вопросы в экспедицию «Здравствуй!»

ЗДРАВСТВУЙ, ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ!

Интернациональный клуб новоселицкой школы № 3 очень рад экспедиции «Здравствуй!».

Мы хотим через «Пионер» сказать «Здравствуй!» другим интернациональным клубам страны.

В прошлом году у нас в школе открылся музей клуба. В нем собраны материалы по теме «Что дала Советская власть народам нашей страны», книги о В. И. Ленине на языках народов нашей страны и других стран, материалы, полученные от Советского комитета ветеранов войны, интересные письма, сувениры, альбомы.

Мы бы хотели узнать, как школы в других республиках готовятся к столетию со дня рождения В. И. Ленина.

гор. Новоселица, Черновицкая обл.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ, ЧЛЕНЫ ЭКСПЕДИЦИИ «ЗДРАВСТВУЙ!»

Наш клуб интернациональной дружбы решил участвовать в этой экспедиции.

Дружить с ребятами других городов, республик и стран нам помогают письма. Для членов нашего клуба обмен корреспонденциями не пустое развлечение.

Кидовцы из Еревана устраивают нам в письмах увлекательные путешествия по Армении и задают разные вопросы. Например, вот такие:

1) Кто возглавил 89-ю Таманскую горнострелковую армянскую дивизию, прошедшую с боями от Кавказа до Берлина?

2) Кто из армян командовал интернациональным партизанским отрядом в годы Великой Отечественной войны и прославился как национальный герой Франции?..

А чтобы ответить на эти вопросы, надо просмотреть книги

У нас в клубе есть своя маленькая библиотека, в которой хранятся книги на украинском, молдавском, немецком, русском языках. К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина мы собрали книги о Ленине на разных языках народов СССР и других стран.

Наши друзья живут в Закарпатье и на Дальнем Востоке, в Ереване и в Москве, в ФРГ и во Франции, на Украине и в Латвии. Просмотрев альбомы и стенды нашего клуба, можно совершить «кругосветное путешествие», можно «объехать» все наши республики, побывать в тех местах за рубежом, где бывал Ленин, попасть в ФРГ и Вьетнам.

Давайте откроем альбом с надписью «Yepazistnàties — Latvija!» («Знакомьтесь — Латвия!»). И вы удивитесь красоте латвийской природы, послушаете пластинки с латышскими песнями (у нас в альбомах находятся и пластинки).

Под государственным флагом УССР — подарки украинских друзей: медали, значки, книги, куклы в национальных костюмах, фотографии.

Недавно к нам во Владимир приезжали ребята — члены поезда дружбы из ГДР. У нас завязалась крепкая дружба с пионерами ГДР. Вот что пишет нам в клуб участница поезда дружбы из ГДР Сильвия Кохшецки: «Ваша страна такая прекрасная, нам очень у вас понравилось, и мы вас благодарим за это. Нам очень понравился ваш древний Владимир и Москва с Красной площадью. В Москве был прием во Дворце пионеров Первомайского района. Нам показали большую программу. Нам было очень весело...»

Мы постоянно ищем новое и всегда будем рады узнать от друзей, как идут дела в их клубах. Мы будем ждать ваших писем. Мы тоже готовы поделиться всем, чем можем,— опытом, своими находками и даже... неудачами (бывают и они!).

гор. Владимир, п/о Юрьевец, ул. Ноябрьская, дом 1. Клуб имени Маяковского. Членам интернационального клуба.

Декабристы

Сергей АЛЕКСЕЕВ

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Окончание

ФОНВИЗИН

Узникам Алексеевского равелина дважды в неделю разрешались короткие прогулки по тюремному двору.

Двор маленький, прогулка крохотная. Шаг вперед, шаг назад — вот и вся прогулка.

Во время одной из таких прогулок декабриста генерала Михаила Александровича Фонвизина кто-то окликнул:

— Здравия желаю, ваше превосходительство!

Фонвизин поднял глаза.

— Петров?!

— Так точно, ваше превосходительство.

— Откуда же ты, Петров?

Объяснил солдат, что несет караул в Петропавловской крепости.

— Да я не один,— добавил.— Здесь и Мышкин, и Дугин, и унтер-офицер Измайлов, может, помните, ваше превосходительство?

— Как же, помню, помню! Орлы! — ответил Фонвизин.

Оказывается, охрану Петропавловской крепости в этот день несли солдаты, которыми генерал когда-то командовал.

Солдаты очень любили своего командира. Фонвизин был одним из немногих, кто отменил у себя в полку телесные наказания.

Посмотрел Петров на генерала.

— Михаил Александрович, ваше превосходительство, значит, и вы тут? Вон оно как.— Потом перешел на шепот: — Мало вас было. Э-эх! — Петров замолчал. Затем неожиданно: — Один минут, ваше превосходительство.— И куда-то исчез.

Вскоре солдат вернулся. Но не один. С ним еще двое: Дугин и унтер-офицер Измайлов.

— Здравия желаем, ваше превосходительство,— приветствовали солдаты своего бывшего командира. Затем Измайлов тихо сказал:

— Бегите, Михаил Александрович. Караулы у крепости наши.

— Бегите,— зачастил Измайлов,— не мешкав, бегите, ваше превосходительство! В другой раз такого не будет. Караулы что ни день меняются.

Фонвизин покачал головой.

— Бегите,— повторил Измайлов,— о нас не тревожьтесь. Комар не подточит носа. Не видели, не знаем, не ведаем. А ежели и палок дадут, спина у солдат привычная.

— Спасибо, братцы,— сказал Фонвизин.— Спасибо. Ценю. До гроба ценить буду. Не помышлю о спасении. Об отечестве думал. Не получилось. Не один я тут. Не мне выходить одному отсюда. Прощайте!

— Кончай прогулку. Кончай прогулку! — раздался голос дежурного офицера.

— Прощайте,— еще раз повторил Фонвизин.

«ОХ-ОХ»

— Ох-ох,— вздыхала княгиня Ордын-Нащекина,— от чего уберег господь! Они-то, батюшка мой (княгиня имела в виду декабристов), все, как один, грабители.

— Да что ты, матушка, Глафира Сократовна? — возражал княгине ее сосед граф Пирогов-Пищаев.— Не грабить вовсе они собирались, а подняли смуту по убеждениям, так сказать, политическим.

— Грабить, грабить хотели,— твердила княгиня,— награбить — и все бы себе. Вот, к слову, хотя бы Бестужевы. Бедный же род у Бестужевых. Вот к чужому богатству они и рвались.

— А Муравьевы? — вставлял Пирогов-Пищаев.— Да нам с тобой, матушка, такие богатства, как у Муравьевых, даже во сне не виделись.

Не убедил Пирогов-Пищаев княгиню Ордын-Нащекину.

Стоит старая барыня на своем:

— Грабить злодеи хотели, грабить. Не дворяне они, а разбойники. С ножами их и схватили. Точно тебе говорю...

— Ты уж того...— насупился граф Пирогов-Пищаев.— Меру, матушка, знай. Зачем же с ножами? Чай же, шпаги у них имелись.

Разные слухи о декабристах по дворянским усадьбам тогда ходили.

Решил Пирогов-Пищаев обо всем разузнать из надежных мест.

Собрался. Поехал в Москву, в Петербург. Повстречался с друзьями, с министрами, с генералами. Вернулся снова к себе в имение.

— Ну, матушка, Глафира Сократовна,— сказал Пирогов-Пищаев.— Все-то ты на старости лет напутала. Тоже скажешь—разбойники! Да не о себе они вовсе думали. Хотели освободить от неволи крестьян — вот отчего бунтовали.

Посмотрела княгиня Ордын-Нащекина на графа Пирогова-Пищаева:

— Освободить крестьян! Так что я тебе говорила. Вот видишь: грабить они хотели, грабить. И Дуньку, и Прошку, и Маньку, и Феклу, и Соньку моих отнять. Эка ж разбойники. Страшно подумать. Вот от чего уберег господь.

ПРОСТИ

Лежал он побитым. Без стонов и вздохов. Сил не хватало на стоны. Лежал в казарме, на полу, на соломе. Спина превратилась в кровавое месиво.

Два солдата пришли к несчастному. Ступали тихо, не по-солдатски, словно по пуху шли.

— Дядька Андрей.

Поднял тот веки, повел глазами.

— Дядька Андрей, прости.

Опустились они на колени, пригнули солдатские головы.

Олимпий Лазыкин и Аким Петухов были из тех, кто не примкнул к восставшим. Служили они в лейб-гренадерском полку с дядькой Андреем в одном полувзводе. Дядька Андрей, как и все, ушел на Сенатскую площадь. Петухов и Лазыкин в казармах остались. Разошлись их солдатские судьбы. Бывалый пошел под палки. За верность царю молодые добились чести.

Только честь вот им какая выпала — палками бить своих.

Началась в лейб-гренадерском полку экзекуция. В два длинных ряда стоят солдаты. Это те, кто будет виновных бить. Среди них Петухов и Лазыкин. Друг против друга. Держат в руках шомпола.

Вот идет Пантелей Долговязов. Жах! Вот Семен Рытов, Даниил Соловьев... Жах! Жах! Трофим Федотов, Федор Трофимов... Жах! Жах!

А вот и дядька Андрей ступает.

Еще издали видят его Петухов и Лазыкин. «Пропущу»,— решает Лазыкин. «Пропущу»,— Петухов решает. Поравнялся с ними дядька Андрей. Пропустили солдаты его без удара. Только прошел гренадер, как тут:

— Стой! Назад!

Хитрость солдат офицер заметил. Вернул он дядьку Андрея.

— Бей! — закричал на Лазыкина.

Вскинул тот шомпол. Ударил.

Жах!

— Бей! — на Петухова кричит офицер.

Вскинул тот шомпол. Ударил.

Жах!

Двенадцать тысяч ударов назначили дядьке Андрею. Двенадцать раз он прошел сквозь тысячный строй солдат. По двенадцать раз опустили Лазыкин и Петухов свои шомпола на его оголенную спину.

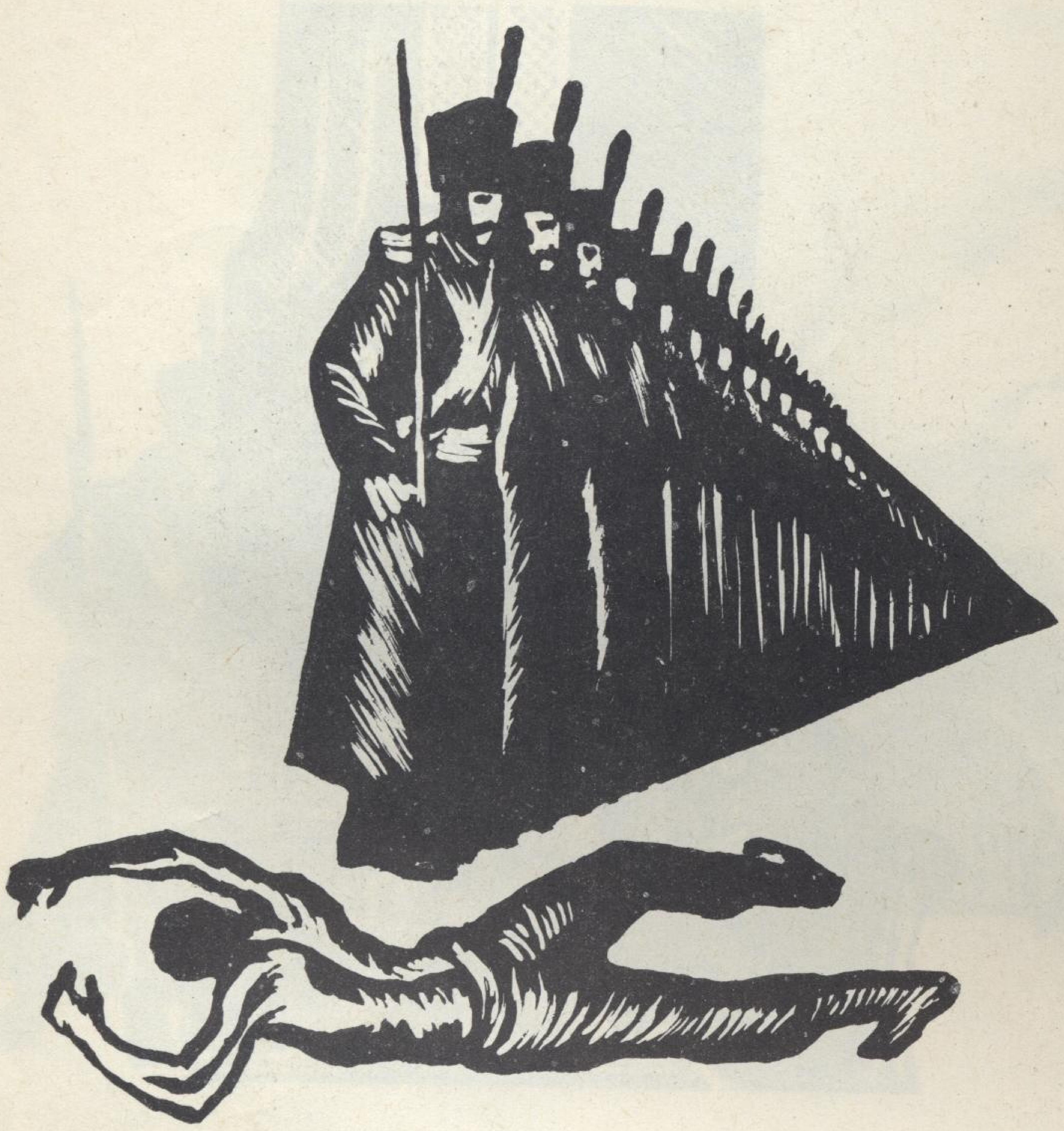
И вот теперь оба стоят на коленях.

— Дядька Андрей, прости!

Шевельнулся солдат. Повел потухающим взглядом.

— За что вас простить, родимые?

— За палки, за палки,— частит Петухов. А про себя: «Помрет, помрет, не простивши. Грех на душе оставит».



— Так то офицер,— добавляет Лазыкин.— Кабы да по нашей воле...

Привстал на руках страдалец.

— Дурни! За палки давно простил. Не мне — с кем не пошли на площадь, тем упадите в ноги.

Сказал и рухнул опять на пол. Подхватили душу его архангелы.

НОНУШКА

Грозил царь Николай I, что запретит детям декабристов носить фамилию своих отцов. Грозил и сдержал угрозу.

У Александры Григорьевны Муравьевой и Никиты Муравьева родилась в Сибири дочь. Она была общей любимицей. Называли ее нежно — Нонушка.

Приветлива очень Нонушка.

Ласкова очень Нонушка.

Сердечко у Нонушки очень нежное.

Отец у Нонушки — Муравьев. Мать у Нонушки — Муравьева. А вот у Нонушки совсем иная была фамилия — Никитина. Такова воля царя-императора.

Александра Григорьевна Муравьева очень рано скончалась. Вскоре умер и Никита Михайлович Муравьев. Осталась Нонушка сиротою.

После долгих хлопот девочку удалось перевести в Петербург к бабушке. Отдали Нонушку учиться в пансион.

— Здравствуй, Никитина,— строго сказала начальница пансиона.

Не отвечает Нонушка.

— Здравствуй, Никитина.

— Я не Никитина. Я Муравьева.

— Никитина ты! — прикрикнула начальница.

— Нет, Муравьева,— упирается Нонушка.

Как ни старались воспитатели, ничего не могли с ней поделать. Хотели отчислить из пансиона, да все же оставили. Правда, Муравьевой никто ее не называл, но и Никитиной — тоже. Выкликали к доске по имени.

Однажды в пансион приехала императрица Александра Федоровна, жена царя Николая I. Стали к царице подводить воспитанниц. Подошла очередь Нонушки.

— Никитина, — представила ее начальница.

— Нет, Муравьева,— поправила Нонушка.

— Никитина,— вновь повторила начальница.

— Муравьева, — еще громче сказала Нонушка.

Стоят начальница и воспитатели бледные-бледные, глаза боятся поднять на Александру Федоровну.

Нашла царица выход из неловкого положения, сказала девочке:

— Здравствуй!

Здороваясь с императрицей, девочки называли ее матерью. Так полагалось.

Присела слегка перед Александрой Федоровной Нонушка (так тоже полагалось) и ответила:

— Здравствуйте, мадам.

Из белых стали теперь начальница пансиона и воспитатели красными. Еще ниже приопустили головы, шепчут Нонушке, как надо правильно сказать, думают, от волнения, наверное,

забыла девочка. Начальница даже незаметно ее за платьице дернула.

— Маман,— шепчет,— маман.

— Нет, мадам,— повторила Нонушка.— Моя мать — Александра Григорьевна Муравьева,— гордо ответила девочка.

РАЗРЕШИЛ

Братья Муравьевы Никита и Александр очень любили друг друга. Всегда и во всем один помогал другому.

Срок каторги у Александра Муравьева окончился раньше, чем у Никиты. Стали братья решать, куда проситься Александру на поселение.

После окончания каторги декабристам не разрешали возвращаться в Европейскую часть России. Их расселяли по разным местам Сибири.

— Просись в Баргузин,— говорит Никита.— Там рядом Байкал.

Повел Александр отрицательно головой.

— Просись в Курган. От Кургана к Москве и к Петербургу ближе.

Опять закачал головой Александр.

— Поезжай в Тобольск, на Иртыш, на Илим.

— Нет,— говорит Александр.— Буду проситься, чтобы оставили здесь.

Отбывали братья каторгу вместе со всеми вначале в Читинском остроге, а затем на Петровском заводе. Не хотел младший брат уезжать от старшего. Решил поселиться в поселке рядом с Петровским заводом. Послал письмо со своей просьбой в Петербург.

Попало письмо Александра Муравьева к царю Николаю I.

— Ах, это тот Муравьев?

Александр Муравьев был в числе тех трех молодых офицеров, которые во время допроса отказались Николаю I поцеловать руку.

— Тот, тот,— подтвердил Дурново.— Тот самый.

«Разрешил» Николай I братьям остаться вместе: приказал младшего Муравьева и впредь содержать в остроге.

— Пусть посидит, раз в Петровском ему так нравится.

Еще несколько лет промучился Александр Муравьев на каторге.

БЕСТУЖЕВ ПЯТЫЙ

После разгрома декабристов усилился царский надзор над армией, над офицерами.

Однажды в одно из военных училищ приехал брат Николая I великий князь Михаил. Переходил он из комнаты в комнату. Сзади почтительно шли начальник училища и воспитатели.

Осмотрел великий князь учебный плац, учебные классы, кабинет начальника, столовую, карцер, перешел в общежитие воспитанников. Шел Михаил и вдруг заметил на столике, который стоял между кроватями, какой-то журнал. Шагнул великий князь к столику, взял журнал в руки, видит: запрещенный журнал. Раскрыл и сразу попал на стихи Рылеева.

— Чей журнал?! — закричал великий князь Михаил. Поднес он журнал к самому носу начальника училища. Вертит журналом и так и эдак.— Дармоеды! Бездельники!

Побледнел начальник училища, повел плечами, растерянно забегал глазами по сторонам, наконец, обратился к старшему воспитателю:

— Чей журнал?

Старший воспитатель тоже побледнел, тоже повел плечами, обратился к младшему воспитателю:

— Чей журнал?

Младший воспитатель от страха вовсе лишился речи. Стоял, лишь руками разводил.

Вновь ругнулся великий князь Михаил. Затем указал рукой на одну из кроватей.

— Укажите хотя бы, кто на этой кровати спит?

Начальник училища посмотрел на старшего надзирателя, старший — на младшего.

— Павел Бестужев,— пискнул младший надзиратель.

— Павел Бестужев,— повторил надзиратель старший.

— Павел Бестужев, ваше высочество,— доложил начальник училища.

— Бестужев?! Все ясно. Вопросов нет,— ответил великий князь Михаил. (Павел Бестужев был младшим братом декабристов Бестужевых.) Взял великий князь журнал и уехал.

Когда провели следствие, выяснилось, что Павел Бестужев ни в чем не виноват. Хозяином журнала оказался другой воспитанник. Однако, несмотря на это, Павла Бестужева уволили из училища. Мало того, что уволили, но и сослали солдатом в отдаленную крепость.

— Прав, молодец! — похвалил Николай I великого князя Михаила.— Так им, так им! — Император, словно шашкой, взмахнул рукой.— Знаю Бестужевых. Под корень этот бунтарский род!

«УЛАН-НОРОК»

Братья Николай и Михаил Бестужевы жили на поселении в Селенгинске.

На сотни верст на восток от Байкала тянулись в те годы кочевья бурят. Не жили буряты тогда оседло. Переезжали с места на место, перевозили кибитки, перегоняли скот.

Ехали как-то бурятские семьи, остановились на дневку рядом с берегом Селенги. Видят: тут же шагах в ста на пригорке сидит человек. На коленях лежит доска. На доске бумага. По бумаге чем-то загадочным водит.

Заинтересовались буряты. Подошли чуть поближе.

— Смелее, смелее,— проговорил человек. Это был Николай Бестужев. Он рисовал.

Подошли буряты совсем вплотную. Глянули. Замерли.

Перед ними течет Селенга. Сопки видны правее, и на бумаге они правее. Вот совсем рядом стоит сосна. И на бумаге точь-в-точь такая.

Старик Ивенго стоял как вкопанный.

Заметил это Бестужев. Достал новый лист бумаги. То на Ивенго посмотрит, то над бумагой склонится. Опять на Ивенго глянет, опять — к бумаге. Снял наконец бумагу. Повернул. Показал. Глянули все и ахнули. С листа бумаги смотрит на всех Ивенго. Морщинка в морщиночку, как живой!

Отбежали буряты.

— Колдун!

Однако затем вернулись.

— Бери,— протянул Бестужев портрет Ивенго.

Не может, в чем дело, понять старик. Стоит, растерянно улыбается.

— Бери, бери,— повторил Бестужев и вдруг по-бурятски: — Бери!

Вновь отбежали буряты.

— Колдун!

Однако скоро вернулись.

Подружился Бестужев с бурятами. Ездил в улусы к ним. Про Петербург, про царя рассказывал. Рисовал и детей и взрослых. На охоту ходил с Ивенго.

В свою очередь, буряты часто приезжали в Селенгинск. Здесь братья Николай и Михаил Бестужевы обучали их разным ремеслам: слесарному, столярному, кузнечному.

Николай Бестужев был на редкость талантливым человеком. Он писал рассказы и умел шить сапоги. Знал, как вспахать землю, и мог починить часы. Когда декабристам разрешили снять кандалы, он из цепей выковал кольца. Эти кольца попали потом в Россию, и не было им цены.

Но больше всего Николай Бестужев любил рисовать. Это благодаря ему мы можем сейчас представить, как выглядели многие из декабристов. Как и где они жили. Какими были те тюрьмы, в которых они томились.

«У него были золотая голова, золотые руки и золотое сердце»,— так отзывались товарищи о Николае Бестужеве.

«Улан-Норок», то есть «Золотое солнышко», называли его буряты.

Рисунки П. ПРОКОРОВА

Одна из первых книг Николая Носова называлась «Фантазеры». И хотя это всего название книги, этим словом можно было бы определить талант писателя, если бы талант когда-нибудь определялся одним словом.

Герои книг Носова — веселые фантазеры. Чего стоят одни приключения Вити Малеева и Кости Шишкина!

Наверное, читая рассказы и повести Носова, вы не раз ловили себя на мысли, что вам хочется подражать его героям. Либо вы сейчас же должны строить инкубатор и выводить цыплят, как герои «Веселой семейки», либо поступить в цирковое училище и дрессировать для этой цели собаку, и назвать ее непременно захочется так же, как зовут собаку Кости Шишкина,— Лобзик.

Повесть «Витя Малеев в школе и дома», написанная двадцать лет назад, до сих пор остается одной из лучших книг о школе, о жизни ребят.

Многие читатели часто спрашивают:

— Интересно, а откуда писатель все узнал?..

Это второе замечательное качество писательского таланта Н. Носова — умение увидеть в ребячьей жизни что-то незаметное для «постороннего» взрослого взгляда и рассказать об этом правдиво и весело.

Николай Николаевич Носов.

Возьмите любую книгу Николая Николаевича, и вы удивитесь тому, как он знает детскую жизнь и всегда выделяет самые смешные и важные ее стороны; как понимает он своих героев и сочувствует им. Сочувствует даже тогда, когда ребята оказываются не на высоте, когда они, например, трусят или хвастаются.

Писатель верит в ребят, в их доброту, отзывчивость и во множество других замечательных качеств. Недаром его повести и рассказы почти всегда хорошо кончаются.

Николай Николаевич за тридцать лет своей писательской деятельности создал много произведений. Есть у него и роман для детей — три книги про маленьких веселых коротышек, ростом с огурец, но таких живых и разных, как настоящие мальчишки и девчонки. Называются эти книги: «Приключения Незнайки и его друзей», «Незнайка в Солнечном городе» и «Незнайка на Луне».

Коротышки живут в своих коротышечьих городах. И то, что происходит с ними,— это цепь необыкновенных, фантастических приключений. Но одновременно это очень похоже на нашу земную жизнь, настоящую или будущую.

Ребята, прочитавшие эти книги, так и говорят:

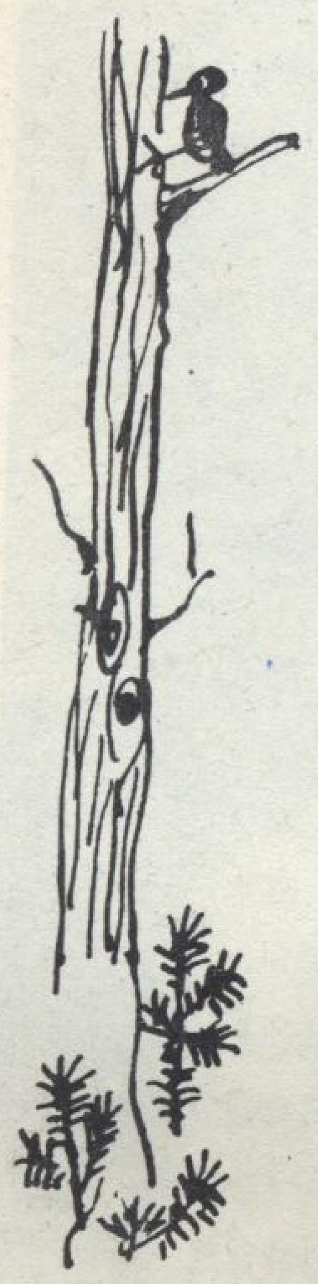
— «Приключения Незнайки» — очень удивительная книга. Это книга сказок, но она похожа на правду. У нас тоже будет все, что в Солнечном городе!

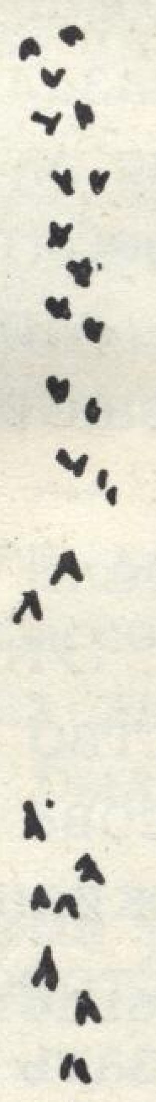
Замечательному детскому писателю исполнилось шестьдесят лет. Его книги читают все: и те, кто только что научился читать, и совсем уже взрослые люди. Их переводят на иностранные языки...

Журнал «Пионер» и целый миллион его читателей поздравляют Николая Николаевича Носова с шестидесятилетием и с нетерпением ждут новых книг.

Нора АРГУНОВА

РАССКАЗ





ВАНГУР

Запала мне в душу Сожва! Что в ней хорошего, в Сожве? Холодна здесь река Печора. Обрывисты, круты ее берега, между избами Сожвы свободно гуляет ветер. Лето здесь коротко. В сентябре снег и в мае снег. Поглядишь с одного берега на другой: взбираются по откосу дома. Через ручей по спичке-бревну ползет маленький человечек. Перебрался и лезет по тропке в гору. И спускается опять, и переползает через второй ручей.

Внизу у воды сидит собака. Она давно лает, в ее голосе прорывается отчаяние. На той стороне ее дом или туда уплыл хозяин. Снег валит шапками — первый в году снег. Он летит косо и тонет в ледяной воде.

Собака замолкает. Она входит. в воду. Ее белая голова медленно удаляется. Острые уши прижаты к затылку. Все дальше, дальше одинокое белое пятно на черной воде.

Снег редеет. На том берегу из леса к реке сползла широкая дорога. Это Посохинский тракт. В старое время купцы вывозили трактом с Печоры пушнину и рыбу. Триста верст от Сожвы до города Посохино.

Не дотянув до воды, тракт расплывается лугом, зарастает кустарником, его перегораживают плетни да огороды. Но вверху он раздвинул чащу, и там, на взгорье, показывается человек: Если б человек стоял, он затерялся бы среди поздней побуревшей листвы. Но он идет. Даже из такой дали видно, как легка его походка. За плечом угадывается ружье.

Человек начинает спускаться, а над ним еще кто-то выступает из лесу. Сперва не разберешь, что там движется. Но снег

стихает. Проясняется тяжелая вода Печоры, солнце бежит по склону. На дороге — лось.

Человек идет, и лось идет. Хватаясь за ветки, оскользаясь, человек шагает вниз, и лось шагает. Человек останавливается. Достает что-то из кармана. Зверь тянет к нему длинную голову с лопатами-рогами.

...Собака выбирается на отмель и встряхивается. Всходит наверх, еще отряхивается и стоит, глядит куда-то. У нее точеная морда и клубком уложенный на спину хвост. Собака носится по лужайке. Она лает, и слышен ее возбужденный, окрепший голос.

А кругом — тайга. Гущина и болота. Кругом беломошные светлые боры, где сосны, одна от другой поодаль, высятся торжественными колоннами.

1

В Сожве выращивают ручных лосей. Когда я туда приехала, на ферме было восемь маленьких лосят. Они были так похожи друг на друга, что я отличала только троих: самую рослую — Умницу, самую красивую — большеглазую Бирюсину и Вангура — самого мелкого.

На ферме отбирали здоровых, крупных, послушных животных, а от строптивых и слабых старались избавиться. Таких лосей иногда отсылали в зоопарки. Звероводы вообще мелких не любят. Мелкий чаще болеет, с ним больше хлопот, а вознаградит он за хлопоты, выровняется или нет — неизвестно.

Если начать лосенка выкармливать, когда ему не больше пяти дней и он не успел привыкнуть к своей матери, он на всю жизнь привяжется к человеку, но попробуйте выходить сосунка!

Кажется, напоить лосенка очень просто. Надеть соску на бутылку с теплым молоком и дать. Но звериных сосок не бывает, а детские — слишком тонкие. Детские соски часто слипаются. Лосенок наглотается воздуха, бока у него раздуются, всего его разбарабанит.

Тогда хорошенько моют руки и подносят лосенку палец, смоченный молоком. Лосенок сосет палец, а руку тем временем опускают, опускают, и лосенок нагибается за рукой. Рука ладонью вверх лежит в миске с молоком. Высовывается только один палец — удобнее выставить безымянный,— и лосенок начинает втягивать молоко с пальца. Так он постепенно привыкает пить из ведерка.

А бывает, что не заставишь его брать соску. И палец брать не заставишь. И из миски он не хочет. А его по пять раз в сутки надо поить, не то случится беда. Лосята ведь очень нежные!

Так было и с Вангуром, самым мелким на ферме. Он всех замучил, и придумали его поить без соски. Бутылку засовывали поглубже ему в рот, молоко лилось, и волей-неволей приходилось ему глотать. Остальные лосята давно приучились к ведру, а Вангур привык к поднятой бутылке и все тянулся вверх, шагал во время кормежки на задних ногах, норовя передние опустить человеку на плечи.

У Вангура был отличный аппетит. Он будто знал, что ему нужно догнать других лосят, и он старался. Но в росте все равно отставал. Возле фермы, на стене избы-кормокухни, для лосят были подвешены кормушки. При мне их меняли. Семерым новые корытца оказались впору, а Вангуру край резал горло, и плотник был недоволен, когда пришлось отбивать корыто и прибивать пониже.

Каждый день лосят выгоняли в лес.

Рисунки П. БАГИНА

Сначала они паслись у берега. В шестом часу утра, когда туман еще скрадывает на том берегу черные кедры и золотые лиственницы, Оля идет по узкой ныряющей тропке над рекой. За ней, срывая на ходу румяные листья шиповника и малины, лениво тянутся лосята. Оля ведет их за собой, потом прячется в кусты, и лосята продолжают путь без нее. Они уходят в прибрежную тайгу, и, бывает, с реки увидишь лосенка, наставившего на лодку большие уши.

К вечеру их встречают. Иногда за ними идут далеко, дальше того песчаного пляжа, на котором однажды я видела след выдры. А чаще они возвращаются сами. Вангур прибегает первым, и это всех сердит, потому что он не добирает на выпасе зеленых кормов и путает рабочий режим фермы. Нет еще трех часов, а лосе-

нок обследовал пустые кормушки и мечется перед запертыми воротами.

Заведующий фермой Алексей Алексеевич Корышев говорит, что виновата работница фермы Лукманова. Даша Лукманова виновата, что ее брат Федя балует и сбивает с толку Вангура. Тропа ведет мимо избы Лукмановых. Лосенок знает Федино окно, и, если приглядеться, увидишь под окошком покорябанную копытами стену. Это Вангур тянулся за хлебом.

2

Вангур так часто попадал в беду, что оставалось только изумляться. Почему именно Вангур ободрал себе бок? Почему он один в субботу не вернулся домой и ночевал где-то в лесу? Почему он, а не другой лосенок занозил себе ногу?

Вангура повалили на сено, и Оля с Катей налегли на него. Алексей Алексеевич разрезал ему подушечку под копытом, оттуда извлек занозу толщиной с карандаш. Алексей Алексеевич ругал лосенка, и Оля, стоило Вангуру шевельнуться, принималась ворчать. А я думала: за что они его? Беднягу режут, а он молчит. Он терпит. Не знаю, как повели бы себя другие лосята, но этот умел переносить боль.

Вангура перебинтовали и поместили в маленький загон около лаборатории. Теперь он не ходил в тайгу. Его товарищи, звеня колокольчиками, утром и вечером пробегали мимо, а он смотрел на них большими наивными глазами.

Я иногда навещала лосенка. Ни разу он не поднялся на мой зов, а ведь он меня прекрасно знал. Я убедилась в этом раньше, в тот день, когда лосят решили выгнать на новое место — не вдоль реки, а от реки вверх, по тракту.

К вечеру мы их встречали. Мы поднялись по тракту. След в след за Дашей и Олей я огибала вязкие лужи, ступая по скользким валежинам, по краю мягкого мохового болота. Позади остался лабаз — доска, прибитая высоко между двумя густыми елями. Если влезть туда и застыть недвижимо среди ветвей, многое увидишь. Не только птицу и белку. Может выйти волк. И медведь (замри тогда!). Может и куница мелькнуть, желанная в Сожве гостья.

В тайге я часто думала, что мне делать, если повстречается медведь. Волка и росомаху я не боялась встретить, а медведя боялась.

Я спросила девушек о медведе. Даша ответила:

— Чего делать! Своей дорогой идти потихоньку, да и все. Ему если надо, он так и так догонит.

Узнав по следам, куда ушли лосята, мы свернули направо, на старую лесовозную дорогу. Даша и Оля по очереди звали лосят, и вскоре они выбежали к нам. Вангура среди них опять не было. Даша и Оля

увели семерых, а я осталась искать злополучного восьмого.

В Сожве каждый — следопыт. По сухой ли, по размокшей земле прошел зверь, моховым болотом или чащей — след прочтут.

И я, проведя в Сожве немного времени, уже смогла разобраться, где лосята шагали спокойно, где побежали, забирая к лесу, и где потом, метров через двести, один из них вернулся на дорогу.

Какая тишина стояла в осенней тайге! Лес молчал, будто окаменел, и ни ветер, ни белка ни разу не шевельнули ветку. Высоко в небе плыли четыре большие птицы. Это тянули к югу, отлетали хищные птицы канюки...

Дятел коротко ударил по сушине, и я остановилась посмотреть на дятла. Он слетел на сучок, улегся на нем и задумал-

ся, и странно было видеть такую деятельную птицу неподвижной.

Надо было звать Вангура, а мне почему-то не хотелось подавать голос. Казалось, я вспугну кого-то притаившегося или привлеку чье-то недоброе внимание.

Я крикнула:

— Вангур!

И услыхала, как оборвался мой голос. Тогда, пересилив себя, подражая звероводам, я изо всех сил, протяжно и на одной ноте закричала:

— Вангу-ур, скорей, скорей, скоре-е-ей!

У дороги стояла сломанная сосна. Она переломилась посередине, сложилась вдвое, ее верхняя половина, удерживаясь на последней щепке, обвисла вниз. Порыжевшей мертвой макушкой сосна касалась своих корней. И всюду, куда ни глянь, торчали гнилые пни, валялись упавшие деревья или стояли, наклонясь, те, которым время было падать, но они цеплялись за соседей и удерживались кое-как.

— Вангур...— снова начала было я, как вдруг далеко впереди от серых стволов отделилась серая капля. Тоненькая, едва различимая, она двигалась и нарастала, и я разглядела, что это бежит лосенок.

Он летел, отчаянно звеня колокольчиком. Он был узким в груди, и коленки его длинных ног были тесно сдвинуты, но копыта он широко разбрасывал на стороны и бежал размашисто, с легкостью и стремительно.

Я поскорее достала хлеб. Лосенок чуть не сшиб меня грудью. Он взвился передо мной на дыбы и забил в воздухе передними копытами. Я отшатнулась. Он подскочил с вытаращенными глазами, со вздыбленной холкой и дыхнул мне в лицо чем-то горьким и свежим. Выхватил хлеб и кинулся по дороге к дому.

Я побежала за ним. Он вжался в кустарник, спрятался за поворотом. Увидел меня, выпрыгнул и понесся дальше. Я бросилась вдогонку, но он показался снова. Он летел обратно и на бегу сделал фокус, какого я еще не видывала. Он одновременно выкинул в стороны задние ноги — левую высоко влево, правую — вправо, и я окончательно поняла его. Поняла, как он тревожился, отстав от своих, и как рад, что встретил меня в незнакомом, глухом углу.

← *Первые шаги.*

Утро на лосеферме. →

Фото И. Кожухова.

3

Выйдя однажды из лаборатории, мы с Дашей решили навестить Вангура.

Ферма ведет научную работу, поэтому в лаборатории, кроме всего прочего, хранятся дневники. В них записано, сколько лосята прибавили в весе, какой у них рост, как они себя ведут, когда их начинают приучать к уздечке. Там я прочитала, что в последний раз, двадцать первого сентября, Умница весила 113 килограммов, а Вангур — 66. И что рост Вангура в холке только метр и десять сантиметров.

Мы направились к лазарету. Перед нами, тоже к загончику, шел Федя, Дашин брат. В ясные дни Вангур нежился на солнышке, и сколько, бывало, ни зовешь его, он и ухом не поведет. Поэтому я уди-

вилась, когда Вангур поднялся и проворно заковылял к калитке, едва парнишка его окликнул. Только потом я узнала, что летом, в школьные каникулы, Федя от лосенка не отходил.

Мы с Дашей остановились у калитки. Лосенок теснил мальчика, чуть не наступая ему на ноги, а Федя доставал хлеб. Даша спросила брата с усмешкой:

— Все растишь?..

Тот ничего не отвечал.

— Знаешь, сколько весит? — продолжала Даша.— Шестьдесят шесть! Умница вдвое против него весила!

— Ну и что? — пробурчал Федя.

— А то! Зима на носу! Зимовать как будет? Пьет — отстает, идет — отстает. Лентяй — и попадет в беду. Я таких не жалею!

— Он не лентяй... Послабже других, верно.

— А нам таких не надо!

Мальчик больше не спорил. Он поглаживал лосенка, нащупал и что-то извлек заботливо, какую-то колючку из шерсти, и мне запомнилась его рука. С короткими пальцами и широкой ладонью, темная, огрубевшая детская рука прочесывает рассыпчатую холку Вангура...

После я спросила Дашу:

— Зачем вы с ним так?

Она ответила:

— Чтобы слюнтяем не рос! Больно жалостливый!

— Так хорошо ведь, что он жалеет.

— Я сама жалею,— сказала Даша,— так чего делать? Ферма лучших должна отбирать. Мать у Вангура не молочная, отец неизвестно какой, он от дикого. Мелкий, вялый, бесхарактерный! Не жить ему у нас! Чтобы Федька не ревел тогда!

Множество раз я наблюдала, как Даша нянчится с Вангуром, и думаю, нелегко теперь ей давалась рассудочность.

Но он в самом деле был особенным, этот Вангур! Я не забуду, как он держался в тот вечер, когда не вернулась Умница. Оля с Алексеем Алексеевичем ушли искать Умницу. Лосят покормили, завели во двор, и они там отдыхали. Одни переминались с ноги на ногу, другие разлеглись, жевали задумчиво Голько Вангур тревожно ходил у ограды с той стороны, откуда должна была появиться Умница. Он отрывисто, тонко постанывал:

— М... М... М...

Смолкал, затаив дыхание, наставив к лесу уши. И продолжал шагать, огибая лежащую Бирюсину и вскрикивая жалобно:

— М-а! М-а! А!

Один из всех он чувствовал неладное. Я сказала Даше:

— Мне тоже нравится Вангур. Вот вытаскивали у него занозу,— его режут, а он молчит.

— Лоси вообще терпеливы,— возразила Даша,— покричи-ка в тайге, раненный! Съедят!

Она была права. Работники лосефермы — звероводы, селекционеры — были правы. И о Вангуре Даша знала больше моего. Она лучше понимала зверей. Может быть, и жизнь понимала лучше. Да и что я стала бы объяснять? Что из восьми лосят именно этот — самый... ну, тонкий? Что не один человек — и животное может обладать душевной прелестью?

Это не имело значения для фермы и не могло помочь Вангуру.

4

Не знаю, судьба ли мне еще побывать в Сожве. Очень уж она далека. На самом краю света. За ней — тайга, тайга да одинокие избы — кордоны в тайге.

Чаще других я переписываюсь с Елизаветой Николаевной, старой учительницей, которая приехала на Печору, когда не было самолетов, и добиралась до Сожвы почти месяц. У крыльца Елизаветы Николаевны кого только не увидишь! Она подкармливает птиц, собак, обе сожвинские лошади, бывало, топчутся у ее дома.

Недавно пришло письмо от Алексея Алексеевича: «В Сожве без перемен. Зима только что наступила, морозов ниже —23° еще не было. Река не стала. У нас откололи и повернули поперек реки льди-

ну от забереги, тем самым установили пешеходную связь с противоположным берегом...»

Два года время от времени я получаю такие спокойные письма. И вдруг в один день приходят сразу два письма, в обоих одна и та же вырезка из местной газеты. Заметка озаглавлена:

«Лось спас человека».

И я узнаю, что бесхарактерный, лентяй, самый слабый — «уши длинные, а толку нет»,— в самом деле спас человека...

На ферме не случайно одомашнивают лосей. Лосиху можно доить, у нее хорошее молоко. По захламленной тайге и болоту, где лошадь увязнет, лось пройдет. Когда надо подлезть под зависшее дерево, лось пригибается, не хуже лошади оберегая вьюки на своей спине.

Вангура, когда он вырос, отдали в соседнюю геологическую партию носить вьюки.

Прошлый Новый год несколько молодых охотников из Сожвы, и Даша с Олей в их числе, встречали в лесу. Новогоднюю ночь они провели в охотничьей избушке, а на другой день, захватив пару зажаренных глухарок, отправились к геологам, в ту партию, где трудился Вангур. Даше и Оле, кстати, хотелось посмотреть на Вангура.

На полянке у костра возились ребята из партии, тоже жарили птицу. Сожвинские только заговорили с ними, как увидели, что идет лось. Даша окликнула его — он так и кинулся. Он через костер шагнул к Даше, и в воздухе запахло паленой шерстью. Я догадываюсь, что Даша была тронута, хотя в письме она сдержанна, как всегда. Она рассердилась, увидев потертости на спине Вангура, и с начальником партии произошел неприятный разговор. Тем не менее сожвинская компания осталась у геологов, чтобы второй раз отпраздновать Новый год.

Гуляли в бараке. Опять зашла речь о Вангуре, начальник партии вздумал лося пустить в дом... И вот высится над столом длинная голова, и с худой горбоносой морды доверчиво глядят на людей прекрасные звериные очи.

— Виноваты перед тобой, Вангур,— говорил начальник,— давай, угощайся, малый. Чего тебе?

Он протягивал миску соленых огурцов, а лось нюхал и трогал огурцы своей мягкой губой.

Вскоре после того стало известно, что Вангур пропал. Он стоял, привязанный, у барака, и подходившие чужие геологи в темноте приняли его за дикого. В него стреляли. Он порвал ошейник и ушел, оставив на земле много крови.

Лоси, выросшие на ферме, вольно живут в тайге. Ручные лоси не дичают и к зиме обычно возвращаются домой.

Вангур не вернулся ни летом, ни зимой, он остался жить среди диких. Но один раз Даша видела его.

Известно, что лоси не терпят детей. Вероятно, ребенка из-за маленького роста лось принимает за зверя, который тоже ведь низко стоит на ногах. Когда из Сожвы отправляют лося в какой-нибудь зоопарк, в сопроводительной бумаге обычно пишут: «Строг к детям».

В Каменке, куда Даша приехала по делам, она обомлела, увидев лося-быка, возле которого вилась детвора. Четырех-пятилетние ребятишки вопили и шныряли у его ног, а лось медленно шел, переступая через одного, отбрасывая копыто, чтобы не задеть другого. Они его не боялись, не потому ли он так необычно вел себя с детьми? Хотя у этого лося могли быть на то и особенные причины...

Даша сфотографировала Вангура. Алексей Алексеевич Корышев не расстается с фотоаппаратом, и его ученики — тоже. Даша прислала мне снимок. Этот снимок, окантованный, я повесила в комнате. Вангур стоит боком, обернувшись к аппарату. Можно понять, что он легковат для своих лет, но шерсть у него лоснится, и молодые, одетые в бархат рога венчают голову. У него худая, нервная морда, а глаза смотрят доверчиво и тревожно.

На спине и на боку у Вангура светлые

пятна. Одно, побольше,— след вьюков. Другие — от пуль... Как с горечью пишет Даша, «не одну втолкали ему пулю под шкуру». На Вангура люди охотятся. Раненный, он прячется, терпит и молчит, как умел терпеть и молчать еще маленьким.

Затем вот что случилось в Сожве. Повыше Сожвы на Печоре есть Ушманский кордон — изба, где живет лесник с семьей. Младшему из детей четыре года. Самостоятельный, как все ребята на Севере, парнишка принес из дому весло, сумел отвязать лодку. Родители хватились не сразу. Лесник бросился на поиски, передав по рации в ближайшие поселки, что случилось несчастье.

Наутро и Федя Лукманов решил обследовать местность. Он, оказывается, рассудил, что мальчонка мог сойти на землю, а лодку могло затопить. Следы занесет снегом, и мальчик замерзнет. Федя хотел осмотреть левый берег Печоры, на котором Лукмановы живут, и засветло вернуться домой.

Когда Федя отправился в путь, ушманского беглеца уже нашли, живого и невредимого, но Федя этого не знал. Дома считали, что после школы Федя засиделся у кого-нибудь из ребят. Мне пока известны не все подробности. Я знаю, что Федя растянул ногу, а зайти успел далеко. Вечер и ночь он провел в зимней тайге. Под утро увидел лосей без колокольчиков, наверное, это были дикие лоси. Федя все-таки стал их звать, и великое счастье, что один из них оказался Вангуром.

Как он вскарабкался на спину Вангура и как удержался — не понимаю. Люди, которые объезжают лосей, рассказывают, что даже в седле, с уздечкой на лосе удержаться трудно. Лось нагибается сорвать листок, и, как ни хватайся, — летишь через его голову с клочком шерсти в кулаке.

Для меня загадка еще и то, почему Вангур, которого ни раны, ни голод не пригнали к людям, в этот раз пришел домой. Я показывала знакомым газетную вырезку. Описывала им характер Вангура. Зоологи утверждают, что ничего невероятного в этой истории нет.

Но я без волнения не могу себе представить, как через тайгу в морозной утренней мгле идет лось. Как он дышит паром. И как пригибается под зависшей сосной, оберегая ношу на своей спине.

Он остался жить среди диких...

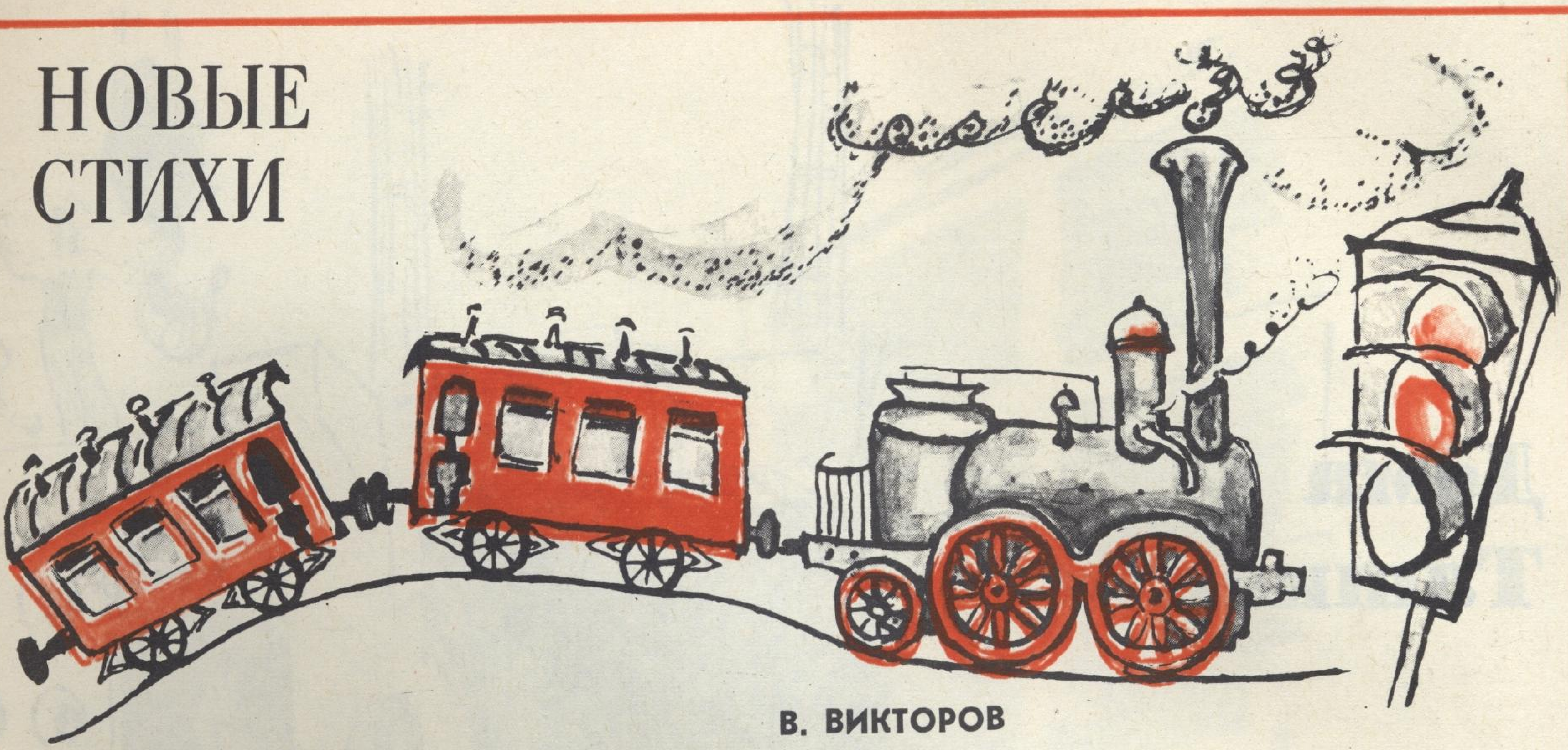
5

Елизавета Николаевна пишет, что она беспокоится, как теперь поступят с Вангуром. Он от маломолочной лосихи и не из крупных.

Оля пишет, что Вангур «замечательный у нас парень» и Алексей Алексеевич надел на него два новых крепких ошейника с колокольчиками. Чтобы издалека было слышно: лось домашний, трогать его нельзя.

А сам Алексей Алексеевич в письме возмущается, что за два с лишним года Вангур не отстал от дурной привычки. Топчется под окном у Лукмановых. Мальчишка лежит больной, зайдешь навестить — на стекле во льду Вангур продышал кружок, и там виднеется его заиндевелая морда.

НОВЫЕ СТИХИ



В. ВИКТОРОВ

Старый вагон

Краска облезла,
И лопнула ось...
Сколько ж объездить
Ему довелось!

Ездил —
И вдруг в стороне оказался.
Хоть бы мальчишка
За поручни взялся...

Скучная доля.
Нелепая доля.
Треснул бы кто-нибудь
Буфером, что ли...

Десять окошек
Впились в горизонт.
Только бы, только бы
Взяли в ремонт...

На перроне

Здорово — ехать.
Приятно — встречать.
Лишь одного не люблю —
Провожать.

Мама кричит тебе что-то в окно,
Хоть все уже сказано дома давно,

Смотришь на красный глазок
светофора
И думаешь: «Скоро ли? Скоро ли?
Скоро?..»

Гложет какая-то глупая грусть:
«Едет же кто-то, а я остаюсь».

Нет, не хочу провожать никого.
Пусть провожают меня самого.

Как же траве достается!

Как же траве достается!
Лошади топчут,
Кузнечики точат,
Солнце печет,
Ливень сечет.

Как же траве достается!
А выпрямит спину, встряхнется...
Нет, не сдается
Трава!
Потому и жива.

Лист бумаги

Чем станешь ты,
Бумаги лист?
Еще ты пуст,
Еще ты чист.

Ты можешь стать и пустяком,
И чем-то очень важным —
Письмом, рисунком, голубком,
Корабликом бумажным.

А вдруг тебе дано узнать
Дела мои, мечты?..
А вдруг начну я сочинять —
И песней станешь ты?..

А вдруг линейку я возьму —
И ты уже чертеж?..
А вдруг, не нужный никому,
В корзинку попадешь?..

Дома Ташкента

Ташкент — город в степи, но в ясную погоду из него видны далекие снежные вершины. Горы наступают на степь, и в городе постоянно бывают землетрясения в два, три, четыре балла. Приблизительно раз в сто лет случается очень сильный толчок.

Такое и произошло 26 апреля 1966 года незадолго до рассвета: заплясали стены, пошел подземный гул, яркое зарево расцвело на небе. Даже и те из домов, которые выдержали удар, покрылись трещинами. Обвалились углы, кровли. В городе с миллионным населением в одну ночь множество людей осталось без жилья.

Но уже на следующий день пришла помощь. Среди разрушенных домов, под столетними чинарами, которые прочно держались корнями за землю, выросли к вечеру целые палаточные улицы. Палатки стояли прямо на мостовых, так близко друг к другу, что на улицах стало тесно. Вечером в палатках зажигались лампочки (электрические провода тянулись прямо от уличных фонарей).

Шумным, пыльным и удивительным было лето 1966 года. С грохотом по городу неслись громадные грузовики. Одни везли строительные материалы, другие увозили груды строительного мусора — остатки разрушений.

Пожалуй, нет на земле другого города, который бы так быстро подняли из руин. Уже к концу года от старых улиц остались только названия да полосы асфальта.

Началась стройка. На месте одноэтажных домов вырастали многоэтажные, для которых сейсмическая зона, казалось бы, еще опаснее. Однако строители нашли выход. Там, где упали дома, там же выстояли чинары: им помогли устоять их крепкие корни. Вот и у новых многоэтажных домов Ташкента глубоко в землю уходят прочные фундаменты, еще глубже вбиты в грунт железобетонные сваи. У этих домов особо прочные стены, и по всей высоте стены несколько раз схвачены железобетонными поясами.

Такие дома не рухнут.

Н. ЮРКОВА

Рисунки М. СКОБЕЛЕВА

ТОРОПИТЕСЬ! ТОРОПИТЕСЬ!

ТОЛЬКО ОДНО

ХУДОЖНИЦА НАТАЛЬЯ ДОБРОХОТОВА
И ЕЕ ДОЧКА КАТЯ
ПРИГЛАШАЮТ ВАС В ИГРУ

Вот он перед вами — наш за́мок, где есть тронный зал и кухня. И очаг. И пламя очага поблескивает на полках, окованных железом, и превращает медные тазы и кастрюли в маленькие солнца.

Но тайное нельзя увидеть на рисунке, а наш замок полон тайн. Вы не догадываетесь, что позади трона есть маленькая дверка, которая скрывает потайную комнату. Здесь живет сова и мудрый ворон. И король занимается здесь черной магией и алхимией.

Все комнаты в замке соединены потайными лестницами и переходами. Может быть, поэтому принцесса любит тайное и ужасное больше, чем конфеты и пирожные. Когда замок затихает, она поворачивает зеркало — оно скрипит в петлях — и обнажает черное отверстие потайного хода. Ступени обросли паутиной, а в углах висят летучие мыши. И все это так интересно, что она бежит по ступеням. Ей весело от страха, она смеется. У бедняжки не хватает одного зуба — он выпал, а новый еще не вырос. Она летит по потайному ходу, задевает дремлющего стражника, он падает, задрав тонкие проволочные ножки. А в замке переполох: «Принцесса пропала!»

Королевский замок, картонный замок с потайными лестницами, пылающим очагом, тронным залом, с окнами из цветного целлофана и пестрыми полами стоит на столе. Переставляя крошечных человечков из проволоки, одетых в яркие лоскутки, Марина и Катя (семнадцать лет и восемь, первый курс университета и второй класс) показывают сами себе очередной спектакль «Театра на столе».

Извините, пожалуйста: девчонки игра-

ТОРОПИТЕСЬ, ТОРОПИТЕСЬ!

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ!

ют в куклы — и это всерьез называется театр? А что такое вообще театр, давайте вспомним. Если вы, ребята, читали в нашем журнале статью об устройстве сцены, об осветителях, гримерах и костюмерах и еще раньше статью о театральных художниках, то знаете, конечно, что каждый спектакль ставит умный, многоопытный режиссер, что артисты долго и старательно учились не только биться на шпагах, но и вытирать руки полотенцем, не только падать в обморок, но и садиться в кресло... (Талант — это само собой разумеется.) Что должны быть и музыканты и дирижер. И, разумеется, нужна пьеса, давно или совсем недавно написанная каким-нибудь драматургом (лучше всего если гениальным).

Ну вот, у нас ничего этого нет, а мы все-таки говорим, что у нас театр. Но давайте вместе рассмотрим несколько картинок.

Человек в современном костюме на пустой сцене читает «Гамлета». Он один — и король, и Гамлет, и Горацио, и Офелия, и могильщики. Это театр одного актера.

Человек сидит на земле, поджав ноги, он весь спрятался в мешке, видны только руки с надетыми на них куклами. Это кукольный театр в Средней Азии.

На сцене без занавеса и декораций актер в круглом, как блюдце, испанском воротнике, штанах с буфами и в туфлях с пряж-

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Многие девочки, к огорчению своих мам, рисуют и вырезают из бумаги «принцесс», это поможет им смастерить актеров для спектакля «Аленький цветочек» и любого другого спектакля. Не забудьте для устойчивости бумажных актеров склеить им юбки «колоколом».
А куклы, которых вы видели на странице 35, сделаны из мягкой проволоки. Только головки у них из комочков ваты, пропитанной клеем. Мягкая проволока удобна в работе, потому что куклам можно придать любую позу, а выразительная поза подскажет характер.

ками пронзает кинжалом другого актера. «И ты, Брут!» — восклицает этот другой, изящно заворачивается в плащ и падает на пол. Это театр Шекспира, и сам он, автор трагедии, тоже здесь, на сцене,— он Цезарь или Брут, а может быть, он Марк Антоний и выйдет попозже.

А что это за тетрадка с пожелтевшей бумагой и выцветшими чернилами? Что в ней написано? «Педролино, недовольный тем, что Орацио хочет разговаривать с Изабеллой, все-таки в конце концов решается сделать так, как хочет Орацио, и стучится к ней. Изабелла разыгрывает сцену ревности. Педролино начинает плакать...»

Это сценарий итальянской комедии масок. Текст своей роли каждый актер выдумывает, импровизирует прямо на сцене. Остроумные реплики подхватываются на лету, шутки становятся все более зубастыми, одна за другой возникают невероятно смешные ситуации, зал хохочет не переставая, а потом знатоки, выходя из театра, скажут, что Дзанни снова был сегодня неподражаем, но намеки на некоторых лиц и некоторые события становятся что-то уж слишком колки.

А вот еще картинка, очень-очень древняя. Все мужчины племени собрались в круг, их покрытые татуировкой лица строги и внимательны. В середине круга — несколько охотников с копьями и луками и один, наряженный в шкуру зверя. Как точно он передает повадки животного! Вот он подошел к водопою; он поднимает голову, прислушивается; вот он пьет; вот он испугался, побежал. Охотники его выслеживают, окружают, подкрадываются, сейчас они бросят в него копья. Как точны и изящны их движения, но это не танец — они изображают, как завтра будут охотиться на зверя. И если они сейчас все сделают правильно, так, как надо, их завтрашняя охота будет удачной. Это тоже театр — первый театр, начало всех театров.

Мы видели театр без сцены, театр без декораций, театр без режиссера, театр без драматурга, но чудо не перестало быть чудом. Это — чудо перевоплощения.

Когда в сказке человек превращается в медведя или чудовище — в прекрасного принца, происходит чудо. Когда девчонка из вашего класса превращается в Золушку, происходит чудо. И когда кукла, сделанная вашими руками из проволоки, живет жизнью принцессы,— это чудо, сотворенное вашими руками и воображением.

И оно вполне может состояться в картонной коробке у вас на столе. Пусть совсем маленькое, домашнее, но зато совершенно свое. Нужно только захотеть, чтобы оно было. И не смущайтесь тем, что это всего лишь игра. Труднейшая и серьезнейшая работа актера тоже называется «игрой».

Теперь, когда я вас убедила, что «Театр на столе» — это самый настоящий театр, вы с полной серьезностью отнесетесь к проблемам этого вида искусства. Как во всяком настоящем искусстве, их много, и они начинаются с самого начала. Первая из них так и называется: с чего начать?

Нормальный современный спектакль, как правило, начинается с того, что выбирают пьесу, которую будут играть. Потом актеры разучивают роли, портные шьют костюмы, художники рисуют декорации и т. д. Мы тоже можем так сделать: возьмем «Кошкин дом» или «Короля Лира», прочитаем внимательно, обдумаем, какие нужны декорации, сделаем их, сделаем актеров и покажем спектакль себе и всем,

кто пожелает его смотреть. Только это может оказаться не очень интересно — читать по книжке и переставлять руками фигурки.

Можно выбрать какую-нибудь сказку или рассказ, прочитать вслух всем вместе и потом разыграть, распределив между собой роли.

Так мы ставили сказку «Аленький цветочек». Сначала мы сделали ширмочку, вроде книги для малышей — «раскладушки». На одной стороне ширмочки нарисовали комнату в купеческом доме, на другой — волшебный сад чудища. Перевернули ширмочку — и сцена изменилась. И еще был кое-какой реквизит: мебель и клумба с аленьким цветочком.

Сказку пересказывать не интересно — ее все знают. Скажу только, что мы немножко упростили действие (у сцены свои законы): выпустили странствия купца и сделали двух сестер очень смешными. А Машенька, мечтательница и фантазерка, нам очень нравилась.

Но когда берешь знакомую сказку или рассказ, возникают свои трудности. Плохо, что все знаешь заранее: и героев и чем дело кончится. Сколько раз такую сказку можно играть — один, ну, два раза. И тогда мы подумали: а что, если самим сочинить пьесу? Это было бы ужасно интересно, потому что тот особенный мир, который возникает в театре, был бы уже совершенно, целиком ваш собственный. И тут-то и появляется очень хитрая вторая проблема: как писать пьесу?

Говорят, что это очень серьезная проблема даже для настоящих драматургов. Как же все-таки быть? Самое заманчивое — это придумывать пьесу так, как ее читаешь, по порядку:

Список действующих лиц:

Царь
Царевич
Король
Королевич
Сапожник
Портной

Вот так выглядит наша ширмочка.

«Кто ты такой?» — это уже сюжет, который таит в себе замечательные приключения.

Попробуем, а вдруг получится? Ну, что ж! Пусть действие происходит в дремучем лесу в понедельник. Царь и Царевич будут хорошие, а Король и Королевич — плохие.

Для завязки Сапожник сошьет сапоги-скороходы, а Портной в них убежит; развязка же наступит, когда обнаружится, что Портной — на самом деле Царь, а Царь — на самом деле Портной.

А вообще лучше сочинять не всю пьесу во всех подробностях, а приблизительный план (вроде сценария итальянской комедии), и все монологи и диалоги, то есть разговоры кукольных актеров, придумывать по ходу действия. Разумеется, это не избавляет вас от необходимости приду-

мать интересные характеры и захватывающие приключения.

В «Театральном романе» Михаила Булгакова есть любопытный эпизод, рассказывающий, как сочиняются пьесы (а Михаил Булгаков, между прочим, был отличным драматургом). Герой романа видел перед собой на странице картинку, причем не плоскую картинку, а цветную коробочку, и в ней ходили и разговаривали фигурки и горел свет.

«Всю жизнь можно было бы играть в эту игру, глядеть в страницу...

И ночью однажды я решил эту волшебную камеру описать. Как же ее описать? А очень просто. Что видишь, то и пиши, а чего не видишь, писать не следует. Вот: картинка загорается, картинка расцвечивается. Она мне нравится? Чрезвычайно. Стало быть, я и пишу: картинка первая. Я вижу вечер, горит лампа. Бахрома абажура. Ноты на рояле раскрыты. Играют «Фауста». Вдруг «Фауст» смолкает, но начинает играть гитара. Кто играет? Вот он выходит из дверей с гитарой в руке. Слышу — напевает. Пишу — напевает».

Эта прелестная, таинственно уютная коробочка! Вся волшебная условность театра — в ней: умение вместить целый город — в небольшое пространство сцены, целую жизнь — в три часа, целый характер — в несколько слов. Булгаков — писатель, а мы только играем, но... что, если и мы попробуем начать с коробочки?

Давайте сделаем коробочку и украсим ее как только сумеем. Что нам сейчас больше всего хочется увидеть? Площадь старинного городка? Избушку? Лесную полянку? Как ее сделать, эту коробочку на столе? Вот это уже совсем не проблема!

Любая коробочка — это уже комната. Прорежьте в ней окошки, тогда вы сможете вечером поставить позади лампу, свет будет падать в окошечко, и комнатка будет совершенно как настоящая. Декорации можно рисовать совсем просто, чтобы только было понятно, где лес, а где дом. А можно не пожалеть времени и нарисовать подробные, красивые декорации и сделать дополнительно разные детали — деревья, мебель, заборчики, мостик или колодец.

Кстати, тот замок, в котором живут принцесса и тайны,— большая и сложная игрушка: в нем два этажа, лестницы, решетчатые окна, стены оклеены цветной бумагой, в нем есть мебель, посуда и даже книги. А в тронном зале фрески на золотом фоне. Сделать его было не просто, зато в стенах этого замка произошло уже немало удивительных приключений и, надо думать, случится еще много интересного.

Коробочка готова, теперь в ней должны появиться фигурки. Их тоже можно делать самые разные — вырезать из бумаги и раскрашивать, лепить из пластилина, скручивать из проволоки, вязать из цветных ниток. Проволочных и картонных человечков можно наряжать во всевозможные костюмы из бумаги и лоскутков. Когда вы будете делать декорации и артистов, вы поймете, что заниматься этим не менее интересно, чем показывать представление. Так и должно быть. Труд костюмеров, декораторов, бутафоров — тоже творчество, такое же, как работа драматурга и актера.

Но вот герои собрались на сцене. Сейчас начнется действие, какое — вы и сами не знаете. Вот одна куколка произносит фразу о чем угодно (конечно, вы за нее произносите). Другая отвечает ей. И тут происходит чудо — игрушечные фигурки оживают, они обретают характер, индивидуальность!

Ну, казалось бы, какая может быть самостоятельность у фигурки, сделанной ва-

А эти куклы не участвовали еще ни в одном представлении, они новехонькие. Мы дарим их тебе для новогоднего спектакля. Пусть он будет смешным и веселым!

шими руками, помещенной в сделанную вами коробочку игрушечной сцены, у фигурки, которую вы сами двигаете и за которую говорите! И тем не менее характер героя начинает определяться с первых его слов и действий, а дальше он уже сам знает, как ему поступать.

Эти крошечные человечки часто ведут себя совершенно неожиданно. Вам кажется, что герой должен испугаться и спрятаться, а он не боится и смело выходит навстречу врагам; вам кажется, что он должен вызвать кого-нибудь на поединок, а он вдруг взял и осознал свою ошибку и приходит к противнику предложить свою дружбу. Он и не может иначе — такой уж у него характер!

Отнеситесь внимательно и с уважением к этой самостоятельности своих маленьких героев; позвольте им как можно ярче выразить себя за то короткое время, пока они живут своей условной жизнью в маленьком условном мирке, в коробочке у вас на столе. А то ведь может получиться, как с одним известным директором кукольного театра (у него еще была такая большая борода!): он заставлял своих деревянных артистов делать только то, что ему было нужно, и не позволял им играть, как они хотят. Вы помните, чем это кончилось? Они от него сбежали.

И все же этот маленький и кратковременный мир целиком ваш. От вас зависит, будет ли судьба его героев яркой или убогой; будет ли их поведение непременным следствием их характера или просто набором поступков; будут ли разнообразны образы героев, или они просто разделятся на «наших» и «врагов».

Если наша игра придется вам по душе, мы будем рады. Мы с Катей с удовольствием ответим на ваши вопросы и письма. А может быть, у кого-нибудь из ребят уже есть такой театр, тогда непременно напишите нам: как играете вы?

СТОЖОК

РАССКАЗ

Ю. КОВАЛЬ

У излучины реки Ялмы в старой баньке жил, между прочим, дядя Зуй. Жил он с внучкою Нюркой, и было у него все, что надо: и куры и корова.

— Свиньи вот только нету, — говорил дядя Зуй. — А на что хорошему человеку свинья?

Еще летом дядя Зуй накосил в лесу травы и сметал стожок сена, но не просто сметал — хитро. Поставил стог не на землю, как все делают, а прямо на сани, чтоб сподручней было зимой сено из лесу вывезти. А когда наступила зима, дядя Зуй про то сено забыл.

— Дед, — говорит Нюрка. — Ты что ж сено-то из лесу не везешь? Ай позабыл?

— Какое сено? — удивился дядя Зуй, а после хлопнул себя по лбу и побежал к председателю лошадь просить.

Лошадь председатель дал хорошую, крепкую. На ней дядя Зуй скоро до места добрался, смотрит — стожок его снегом занесен. Стал он снег вокруг саней ногой раскидывать, оглянулся потом — нет лошади, — ушла, проклятая!

Побежал вдогонку — догнал, а лошадь не идет к стогу, упирается. «С чего бы это она, — думает Зуй, — упирается-то?»

Наконец-таки запряг ее дядя Зуй в сани. «Но-о-о...» Чмокает дядя Зуй губами, кричит, а лошадь ни с места — полозья к земле крепко примерзли. Пришлось по ним топориком постукать — сани тронулись, а на них стожок. Так и едет, как в лесу стоял.

Дядя Зуй сбоку идет, на лошадь губами чмокает.

К обеду добрались до дому, дядя Зуй стал распрягать.

— Ты чего, Зуюшко, привез-то? — кричит ему бабка Пантелевна.

— Сено, Пантелевна, чего ж иное?

— А на возу у тебя чего?

Глянул дядя Зуй и как стоял, так и сел в снег. Страшная какая-то, кривая да мохнатая морда выставилась с воза — медведь!

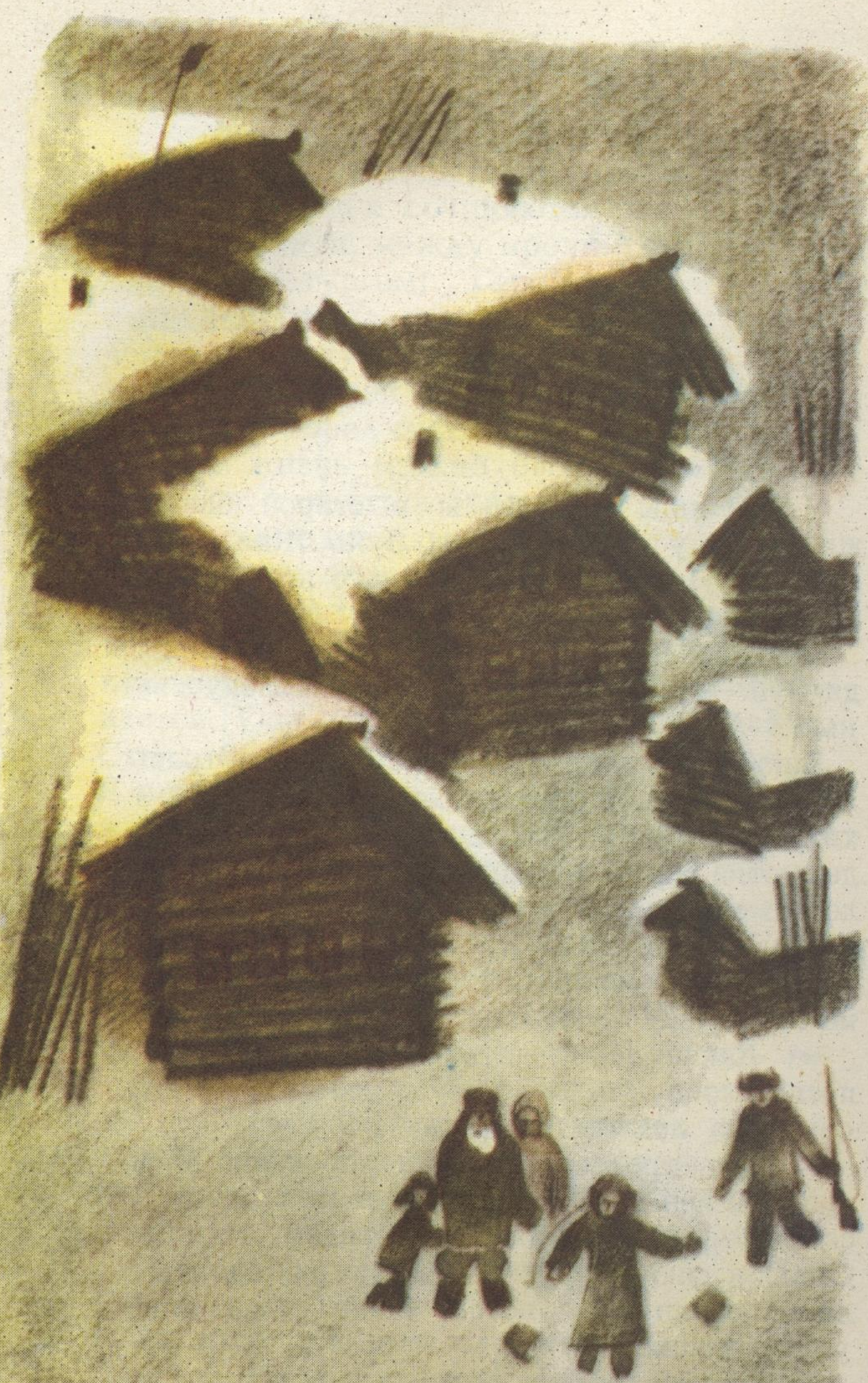
— Рру-у-у!

Медведь зашевелился на возу, наклонил стог набок и вывалился в снег. Тряхнул башкой, схватил в зубы снегу и в лес побежал.

— Стой! — закричал дядя Зуй. — Держи его, Пантелевна!

Рявкнул медведь и пропал в елочках.

Стал народ собираться. Охотники пришли, и я, конечно, с ними. Толпимся мы, разгля-



дываем медвежьи следы. Паша-охотник говорит:

— Вон какую берлогу себе придумал. Зуев стожок.

А бабка Пантелевна кричит-пугается:

— Как же он тебя, Зуюшко, не укусил?

— Да-а, — ответил дядя Зуй. — Будет теперь сено медвежатиной разить. Его, наверно, и корова-то в рот не возьмет.

*

ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТ

РАССКАЗ

Все лето провалялся в чулане ящик с красками, паутиной оброс. Но когда наступила осень — вспыхнула по опушкам рябина и налился медью кленовый лист, — я этот ящик достал, закинул на плечо и побежал в лес.

На опушке остановился, глянул вокруг — и горячими показались гроздья рябин. Красный цвет упруго бил в глаза. А дрозды, перелетавшие в рябинах, тоже казались тяжелыми, красными.

Так я и стал рисовать: рябины и в них перелетают красные, тяжелые дрозды.

Но рисунок не заладился. Горел-полыхал осенний лес, багряные круги плыли перед глазами. Так было красно, будто выступила из земли кровь. А на рисунке все оставалось бледно и сумрачно.

— Ты что это? — услышал я за спиной. — Никак сымаешь?

Оглянулся — дядя Зуй идет опушкой, в руках ведро с опятами.

— Сымают, Зуюшко, из фотоаппарата. А я рисую.

— Какой молодец-то! — сказал дядя Зуй. — Ну, сымай, сымай!

Ушел дядя Зуй, а я дальше стал рисовать, но бледным и робким выходил мой рисунок, а вокруг рябины и дрозды в них полыхали.

«Нет, — думаю. — Рисовать не мое дело. Возьму лучше завтра ружье — и...»

— Ррружжжье-е-е!!! — крикнул вдруг кто-то у меня над головой. Я прямо оторопел. Гляжу — на рябине птица сидит. Хохлатая, грудь оранжевая, на крыльях — голубые зеркала. Сойка! Распушила перья, кричит:

— Ррружжжье-е-е!!! Ррружжжье-е-е!.. Трррр...

Поглядел я, как сойка на рябине сидит, на осенний лес как следует глянул и совсем расстроился. Захлопнул ящик с красками, поднял с земли кленовый лист и сгоряча налепил его на рисунок.

— Ну, ладно! Пойду завтра с гончими охотиться!

Пришел домой и снова ящик с красками в чулан закинул, а рисунок с прилепленным листом поставил к стенке — пускай сохнет.

И на другой день побежал с гончими собаками гонять по черной тропе зайцев.

Осень быстро кончилась. Ветер пообрывал с деревьев листья, снег выпал. Зимним вечером пришел ко мне дядя Зуй чаю попить.

— Ну, — сказал он, показывая на рисунок, прислоненный к стене. — Листок-то прямо живой!

— Он и есть живой — настоящий.

— Ловко, — сказал дядя Зуй. — Последний, значит от осени остался. А это что?

— А это дрозды, Зуюшко. Красные, тяжелые.

— Верно, — сказал дядя Зуй. — Тяжелые-то какие. Рябины, наверно, нажрались.

Выпил дядя Зуй стакан чаю, другой налил и снова на рисунок посмотрел.

— Да, — сказал он. — Самый лучший лес осенний.

— Верно, — сказал я. — Что может быть лучше?

— Идешь, а под ногами листья шуршат. Что же может быть лучше?

«Ну что же может быть лучше? — думал я. — Что может быть лучше осеннего леса? Разве только весенний...»

Рисунки П. БАГИНА.

А у нас...

Ромашка с сюрпризом

Говорят: «Новый год».

Все сразу вспоминают елку, Деда Мороза...

А я вспоминаю ромашку. Только очень большую и бумажную.

Она лежала под елкой в школьном зале, и каждый, кто входил в зал, должен был оторвать один лепесток, перевернуть его и прочесть, какое задание он должен выполнить на новогоднем вечере.

Заданий было столько, сколько ребят, и все очень веселые.

Одному досталось сплясать танец пингвинов. А он не только никогда живых пингвинов не видел, даже на танцы ни разу не ходил. Но задание есть задание. Попробуй его не выполни!

Другой должен был рассказать самую смешную историю из своей жизни. Третий — показать, как тигр комара проглотил...

Вот какой у нас был Новый год!

Марина ЛЕВИНА,
150-я школа, г. Москва.

Задача в несколько действий

У нас как в задачнике по арифметике:

между шахтами А и Б проложена железная дорога. За железной дорогой — Журинский лог. Сначала парк с дорожками, а потом большой лес.

В задаче спрашивается:

как интереснее нашим ребятам встретить Новый год?

Вы скажете: всем собраться в лесу и там веселиться. И мы сначала так думали, а получилось все гораздо лучше.

В Журинском логе мальчики построили снежную крепость. С башнями высокими. На Кремль похоже.

А мы, девочки, принесли туда елку. Украсили ее игрушками. Каждая взяла понемножку из дома, и получилось очень много. Даже некуда было вешать.

Пригласили малышей и показали им большое представление. Получилось, как будто Большая Кремлевская елка, но только в Сибири.

Ира КОЗЛОВА,
г. Ленинск-Кузнецкий.

«Операция «С Новым годом»

Мой папа купил книжку. На обложке — зимний лес, красное солнце и черные тени людей с винтовками и автоматами. Называется книжка «Операция «С Новым годом». Написано там про наших партизан-разведчиков, про отважного лейтенанта Локоткова, про то, как разгромили они в новогоднюю ночь фашистскую шпионскую школу.

Все наши ребята эту книжку читали. А мы с Юркой Царьковым не один и не два, а, наверное, сто раз ее перечитывали.

Перед самым Новым годом катались мы с ребятами на лыжах с Красной горки, ну и они стали хвастаться, кто как будет справлять Новый год. Мы с Юркой сказали, что собираемся играть в «Операцию «С Новым годом».

Конечно, ребята стали над нами смеяться. В простую-то ночь родители никуда никогда не пускают, а в новогоднюю и подавно.

После школы мы стали ездить за рощу к каналу и строить там из снега фашистскую шпионскую школу. Мы и сами не верили, что нас пустят. А строили просто так, чтобы доказать всем. И получилось, что не зря строили.

К Толику Чикалову, который на Офицерской улице живет, брат из армии в отпуск приехал. Сержант. Юрка с Толиком его два дня обхаживали. Ну он и согласился с нами пойти. До одиннадцати часов.

Наш отряд — шестнадцать человек. На лыжах по лесу шли так, чтоб ни скрипа, ни вздоха. След в след. Выслали вперед разведку. А потом — атака, и... чистое место осталось от фашистской крепости.

На первой странице книжки, около фотографии отважного лейтенанта Локоткова (его настоящая фамилия не Локотков, а Пяткин), напечатаны стихи. Когда мы разгромили врага, Юрка Царьков воткнул в самый большой ком снега лыжную палку с флагом и прочел стихи:

«Умереть — так только за Отчизну.
Жить — так только Родиной дыша».

Гена ЛЕСИК,
г. Лобня.

А у вас?

Вальс на лыжах

Наша деревня не очень большая — двенадцать домов. Но очень знаменитая. Если вы настоящий турист, то обязательно ее знаете. Называется она Горки и находится на Клинско-Дмитровской гряде.

Вокруг деревни глубокие овраги, высокие холмы и густые леса.

Самый любимый праздник у нас — Новый год.

Возле самой высокой нашей горы стоит елка. Одна стоит, отдельно от леса.

Под Новый год собирзются возле нее туристы. И из Москвы приезжают, и из Дмитрова, и даже из Клина. Украшают они эту елку фонариками электрическими, конфетами, бумажными гирляндами, банками со сгущенным молоком — кто чем придумает. Кругом елки палатки ставят.

Вечером зажигаются костры, а с горы на лыжах спускается Дед Мороз. Он, конечно, без тулупа. В тулупе с нашей горы не спустишься.

Очень красиво и весело встречают у нас Новый год.

Самое интересное — танцы на горе. Вы никогда не видели, как танцуют на лыжах? А мы видели и умеем. Даже вальс.

Только для этого надо лыжи сзади подрезать, чтобы они покороче были.

Миша КОРЯВЦЕВ

Еловая ветка

Мы ехали к папе. Он моряк и служит на Севере. Нам с мамой было очень грустно, что мы опаздываем и не встретим Новый год вместе с папой.

С нами в купе ехал старший лейтенант. Он все время утешал и меня и маму.

Когда поезд подошел к станции Старая Кузема, он простился и вышел. Он был очень веселый и довольный, что успел приехать домой к Новому году.

Мы с мамой сидели и смотрели в окно. Станция маленькая. Поезд стоит всего три минуты.

Вдруг дверь купе открылась, и старший лейтенант протянул маме еловую ветку, а сам побежал по коридору, потому что поезд уже тронулся.

Теперь каждый Новый год мы, кроме елки, наряжаем еще отдельно еловую ветку. Это в честь всех добрых людей.

Сева БОЙКО,
г. Ленинград.

В дверь постучали

Ровно в двенадцать часов в дверь громко постучали.

Моя мама и наша соседка тетя Алла побежали открывать, а мы с Мишкой стоим в коридоре и немного боимся.

Дверь распахнулась, и мы увидели громадного Деда Мороза.

— Это тут живет девочка Таня и мальчик Миша? — спрашивает Дед Мороз.

Я хотела ответить, что да, но тут в меня вцепился Мишка.

А Дед Мороз открывает свой мешок, достает оттуда большой зеленый паровоз и протягивает его Мишке. За паровозом вынимает куклу и протягивает ее мне.

Я хотела сказать спасибо, но Мишка меня не отпускает. Понятно! Он ведь еще маленький.

Тут Дед Мороз обращается к моей маме и просит ее, чтобы она отпустила меня с ним, как будто я Снегурочка. Мишка заорал, что он тоже Снегурочка. Мы быстро оделись и побежали вниз, на улицу. Сели в машину Деда Мороза и поехали ко всем ребятам нашего третьего «А» класса. Каждому мы дарили подарки и приглашали вечером в школу.

В нашем классе была наряжена елка. Дед Мороз играл на аккордеоне и пел песни.

У меня есть одна большая тайна. Я, кажется, узнала Деда Мороза, но никому про это не скажу. И еще что очень обидно: зря Дед Мороз приехал к нам в двенадцать часов дня. Лучше бы ночью.

Таня Л., г. Москва.

У нас мечта...

Моя подруга Люда и я организовали в нашей школе кукольный театр.

Только наши мальчишки, как перешли в шестой класс, ужасно зазнались и ничего не хотят делать. В кукольном театре у нас четвероклассники. Они очень серьезные и исполнительные.

Первый спектакль, который мы поставили,— «Маша и медведь». А теперь у нас мечта: самим написать сказку про Новый год и Деда Мороза и показать ее на празднике около елки. Только надо все очень хорошо придумать и ширму поставить так, чтобы получилось как будто все действие происходит вокруг настоящей елки.

Лена КОРОВИНА,
705-я школа, г. Москва.

ВСЕХ, ВСЕХ РЕБЯТ МЫ ПОЗДРАВЛЯЕМ С КОНЦОМ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ! С ПЯТЕРКАМИ И ЧЕТВЕРКАМИ В ТАБЕЛЕ! С КАНИКУЛАМИ! С НОВЫМ ГОДОМ!

Свэгмен

К. Дж. ДЕННИС

Рисунки Э. БУЛАТОВА и О. ВАСИЛЬЕВА.

Кто такой свэгмен? Что за тюк у него за плечами? И почему на нем какая-то странная шляпа, украшенная перьями, которые пускаются в пляс при малейшем повороте головы? И чем фигура свэгмена так привлекательна для мальчишек? Только когда мы ответим на все эти вопросы, нам станет понятно стихотворение австралийского поэта Кларенса Джемса Денниса.

Свэг — скатанное одеяло и завернутые в него нехитрые пожитки сезонного австралийского рабочего, который переходит с места на место в поисках случайного заработка.

Кроме свэга, у него обязательно есть походный котелок, а на поля своей шляпы он привешивает перья и кусочки пробки, чтобы на лицо не садились назойливые насекомые. По дороге свэгмены часто заходят на фермы — переночевать, попросить заварку чая. Разумеется, ребятишки любят слушать рассказы свэгменов, которые повидали много интересного.

А чтобы понять стихотворение «В школу», надо знать, что в Австралии фермы расположены за несколько километров друг от друга, а школа бывает в каком-нибудь центральном поселке, и добраться до нее многим ребятам не так легко.

Он был высокий и худой,
С седой торчащей бородой.
Он долго-долго был в пути,
И далеко еще идти.
Разлезлась куртка на куски,
И просят каши башмаки.
А за спиной его — мешок
И черный-черный котелок.
(Эх, вот бы мне такой добыть,
Чтоб чай в походах кипятить!)

— Ищу работу,—
Он сказал
И головою покачал.
И вдруг
На шляпе бахрома
Как будто бы сошла с ума:
Все перышки пустились в пляс!
Я рассмеялся.
Он тотчас
Заставил перья вновь плясать.
— Зачем они?
— Мух отгонять.
И он сказал мне:
— Погоди,
Узнаешь все,
Жизнь впереди,
Еще придется спину гнуть!
Но не пускайся в дальний путь:
Держись, малец, за дом родной!

Да, этот свэгмен был чудной!
Он обошел весь белый свет,
За сотни миль работы нет.
Необходимо, говорят,
Еще пройти миль пятьдесят.

— Почти всю жизнь в пути я был!
Он так занятно говорил!
Чего он только не видал,
И где он только не бывал!
Он больше тысячи дорог
Прошел и вдоль и поперек.

Меня похлопав по плечу,
Сказал он:
— Пожелать хочу:
Держись подальше от дорог!
Был взгляд его и мудр и строг.
— И я таким мальчишкой был,—
Он мне печально говорил...

Я вырасту,
Возьму мешок
И черный-черный котелок,
Надену шляпу с бахромой—
И больше не вернусь домой!

В школу

Не попались вам навстречу
Билли, Кэт и Робин?
По утрам их возит в школу
Серый ослик Доббин.
Трюх-трюх
По дороге
Он шагает бойко,
Видно, Доббину по нраву
Удалая тройка!
Робин правит,
Кэт в середке,
А за ними Билли.
Очень важничает Билли,
Как в автомобиле.

Только кончились уроки —
Все втроем садятся.
Трюх-трюх
По дороге
Мимо трех акаций.
Доббин мух хвостом сгоняет,
Мухи не помеха.
Всех троих везет из школы,
Экая потеха!
Роббин правит,
Кэт в середке,
А за ними Билли.
Очень важничает Билли,
Как в автомобиле.

Перевела с английского
Галина УСОВА.

Инженер
гидрометслужбы
А. ЯБЛОКОВ

ВО ЛЬДАХ ИНЫЛЬЧЕКА

ИЗ ДНЕВНИКА ГЛЯЦИОЛОГА

На крутом, почти обрывистом берегу Иссык-Куля в небольшом парке бронзовый орел раскинул широкие крылья над гранитной скалой. В крепком, изогнутом клюве лавровая ветвь, сильные, когтистые лапы прочно уперлись в карту Центральной Азии.

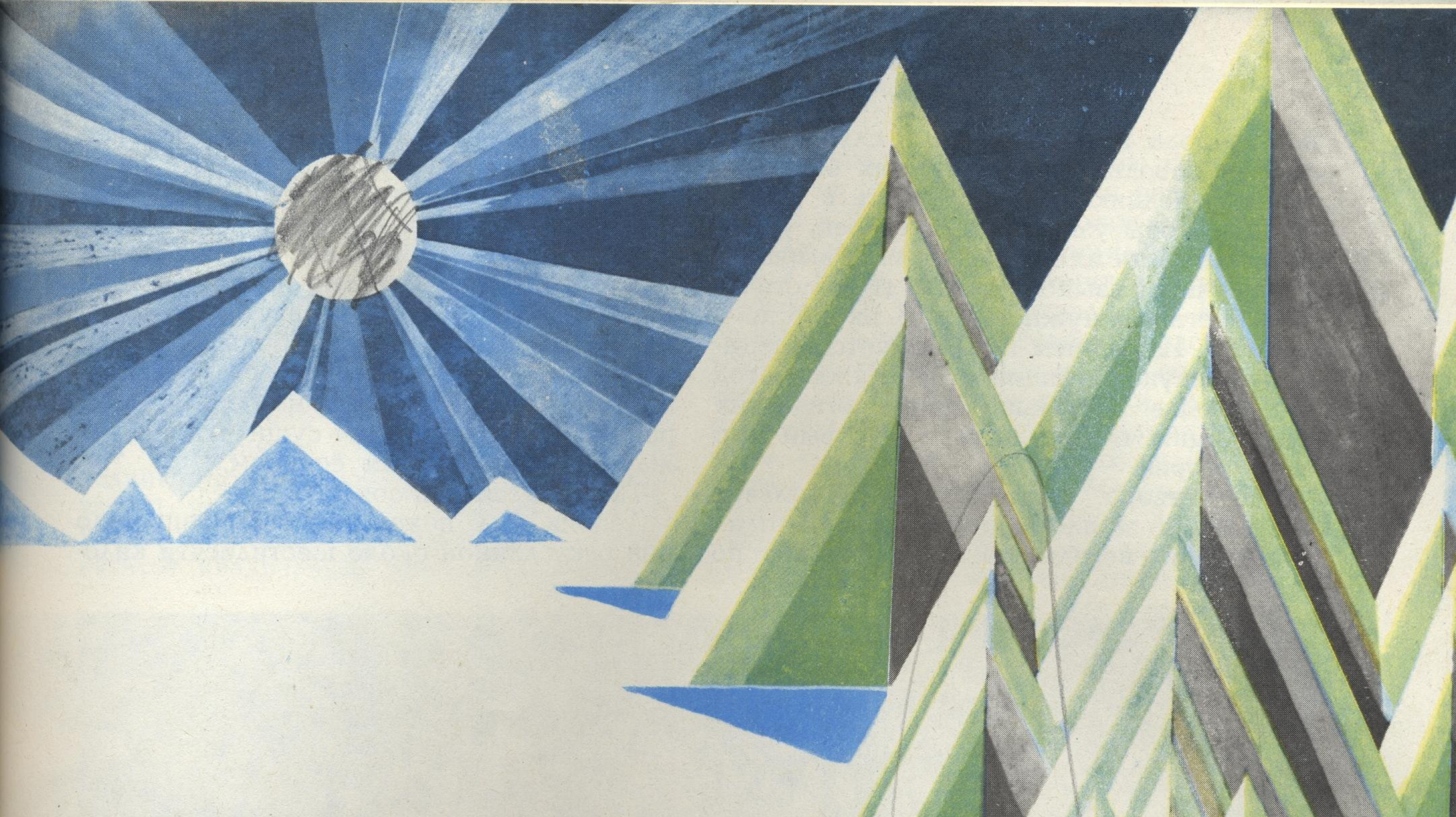
В камень скалы врезан барельеф, а рядом с памятником за скромной оградой — могильная плита с короткой надписью:

«Путешественник
Николай Михайлович Пржевальский».

На шершавый серый камень ложится букетик поздних осенних цветов. От нас, гляциологов — исследователей ледников, отправляющихся в ледяное сердце Центрального Тянь-Шаня.

Мы с трудом разместились в тесном, почти доверху набитом нашими вещами брюхе вертолета «МИ-4». Тонко запел стартер, затем глухо и неровно затарахтел двигатель. Его шум превратился в рев, лопасти винта слились в прозрачный круг. От напора воздуха стелилась трава. Вот наша машина двинулась, пробежала, словно для разминки, несколько десятков метров и поднялась в воздух.

Внизу поплыли постройки, пашни, луга, пятна снега, по которым стремительно бежала стрекозиная тень вертолета. Вдали на западе, в тусклой синеве, таяло озеро Иссык-Куль, а на востоке перед нами вырастал могучий хребет Терскей-Алатау. Вскоре пятна снега сменились сплошными снежными полями: мы поднялись выше трех тысяч метров над уровнем моря. Заснеженные хребты простирались во все стороны, за самыми дальними виднелись



Вот оно — ледяное сердце Тянь-Шаня.

вершины и гребни еще более дальних. Мы летели над Центральным Тянь-Шанем.

Через час полета перед нами встал хребет Сары-Джаз. Рыча, вертолет снова стал набирать высоту. Альтиметр показывал четыре тысячи триста метров над уровнем моря, безжизненные скалистые вершины и гребни проплывали прямо под колесами вертолета.

Но вот, сбавляя обороты и резко наклонившись на правый борт, вертолет пошел на снижение. Запищало и закололо в ушах. Мы словно проваливались на дно глубокой долины. Скалы, над которыми мы только что пролетали, поднялись в недоступную высь. За иллюминаторами мелькнули камни, кустарник, широкая каменистая речная пойма, бурная река. Приехали!

Мы выскочили из вертолета, быстро разгрузили машину. Взревел винт, ударило в лицо ледяным ветром, и мы остались одни.

Развели костер из сухого можжевельника, сварили ужин. Стемнело. Крупные звезды зажглись в черном небе. Теплый, долинный ветер сменили резкие порывы горного, холодного. Мы забрались в теплые спальные мешки, из одежды соорудили подушки и быстро уснули.

Что привело нас в эти пустынные, безлюдные, холодные горы, в это царство льда?

Ледники — огромные природные аккумуляторы влаги. В них берут свое начало многие реки Средней Азии, реки, орошающие тысячи гектаров хлопковых и рисовых полей, сады, виноградники, реки, которые крутят турбины электростанций,

поят города и кишлаки. А в случае внезапных наводнений, вызванных быстрым таянием ледников, несут смерть и разрушение. Чтобы узнать характер рек, уметь предсказывать их поведение или, выражаясь научным языком, давать гидрологические прогнозы, нужно изучить их истоки— ледники. Изучением их занимается специальная наука — гляциология. Каждый год все больше и больше гляциологических экспедиций поднимается в суровый мир высокогорья.

Нас четверо. Двое шли на Иныльчек впервые, но за плечами у каждого не одна экспедиция, не одна сотня километров по Памиру и Тянь-Шаню. Каждый из нас считает, что ему повезло. Еще бы! Попасть в такую экспедицию! А что бывает трудно, тяжело, опасно,— так на то и экспедиция!

Утром мы с досадой убедились, что вертолетчики немного не рассчитали: от ледника нас отделяло неширокое, но с бурным течением русло реки. Серым потоком шла глубокая мутная вода, скручиваясь воронками водоворотов, кипя пеной на порогах. Долгие поиски удобной и легкой переправы оказались напрасными, пришлось переправляться в наиболее подходящем, как нам показалось с берега, месте. Разделись, повыше подняли на спинах рюкзаки, взяли в руки самые ценные приборы и аппараты. Первым в воду ступил Володя Тынянов. Все глубже и глубже погружался он с каждым шагом. Наконец перешел. Настала моя очередь. Все сильнее я чувствовал силу течения. Вот вода уже по грудь, ноги скользят по дну. Поскользнешься — собьет, а с полуторапудовым рюкзаком за плечами из горной реки выбраться нелегко. И когда уже казалось, что нельзя сделать вперед больше ни шагу, я вдруг ощутил, что дно стало подниматься. Рывок — и я стою на берегу. Вскоре уже вся наша группа сушилась под нежарким сентябрьским солнцем.

Так начался наш поход.

Ледник был похож на промерзшую до дна реку длиной около шестидесяти километров и шириной километра три. Но глубина его была побольше, чем у иного моря,— до трехсот метров.

За плечами у каждого из нас не одна экспедиция, не одна сотня километров по Памиру и Тянь-Шаню.

Начинался он в заоблачных высотах на склонах пика Победы и Хан-Тенгри, высочайших вершин Тянь-Шаня. Там даже летом царит вечный холод, осадки выпадают только в виде снега, который не тает, а накапливается в течение многих лет. Под собственной тяжестью он прессуется, уплотняется и превращается в лед. А лед вроде вара: на вид твердый и в то же время медленно течет. Вот и ледник медленно, незаметно для глаз течет по долине, туда, где тепло. Там он тает, давая начало реке. Горы, между которыми течет ледник, постепенно под действием солнца, ветра, воды разрушаются, их обломки скатываются на ледник и «едут» на нем. Чем ниже, тем больше на леднике камней.

Это каменное покрывало называется мореной. При движении ледник трескается, вспучивается. В главный ледник впадают другие, поменьше, как притоки в большую реку.

Я немало побродил по ледникам, но Иныльчек сравнить не с чем. Ледяное бушующее море с каменной пеной на гребнях остановившихся волн, чудовищный каменно-ледяной хаос. Иныльчек — второй по величине в нашей стране горный ледник (после памирского ледника Федченко), но по дикости, пожалуй, первый. Вместе с притоками он занимает около девятисот квадратных километров — столько же, сколько занимает половина всех кавказских ледников.

Домик-лаборатория надежно стоял на поверхности ледника и двигался вместе с ним.

По обеим сторонам его — два ряда могучих седых великанов. У истока ледника — пик Нансена, громадный массив, на несколько сот метров выше Эльбруса. Если дать волю воображению, то в сочетании скал и снежных пятен можно уловить черты человеческого лица. Видно, кому-то они напомнили облик великого полярника. А может быть, были и другие причины для этого названия. За пиком Нансена, постепенно повышаясь, один за другим идут такие пики, перед которыми жалкими холмиками выглядели бы все альпийские вершины. Пять тысяч метров над уровнем моря, пять с половиной, шесть... Пик Абалакова, пик Шокальского, пик Горького.

Притоки ледника достигают нескольких километров, но по сравнению с главным ледником они словно щенки рядом с тигром. В устьях одних притоков идет их неподвижная на первый взгляд борьба. Боковой поток льда стремится влиться в главный, но тот сопротивляется. Боковой изгибается горбом, трескается, раскалывается, образуются ледяные обрывы, складки, трещины. Другие притоки сливаются с Иныльчеком спокойно и плавно, словно реки. На крутых, скалистых склонах гор грозно поблескивают голубовато-стальные обрывы небольших висячих, никуда не впадающих ледничков. Они тоже медленно движутся, и в конце концов от ледничка обламывается ледяная глыба и, нарушая тишину снежного царства, обрушивается вниз. Долгое эхо медленно затихает среди скал, и вновь безмолвие плывет над холодными горами.

Чем выше мы поднимались, тем ярче светило солнце. Это уже был не золотистый, как внизу, а белый, сухой, опаляющий и обжигающий свет, словно от электросварки. Пришлось надеть темные защитные очки, а лица и губы намазать кремом.

Мы шли все выше и выше, туда, где в белом сиянии лежали верховья ледника. Далеко внизу остались кустарники, трава, мох, лишь неприхотливый лишайник пятнал кое-где камни и скалы.

Местами ледник поднимался не пологим склоном, а ступенями — неровными, перекошенными, высотой в десятки метров, — гигантской ледяной лестницей. Синей тьмой зияли глубокие трещины в леднике. Сказочно огромные грибы — каменные шляпки весом иногда в несколько тонн на ледяной ножке — подчеркивали необычность пейзажа. Образовались они летом, когда снег частично растаял, частично испарился, а под камнем остался лед.

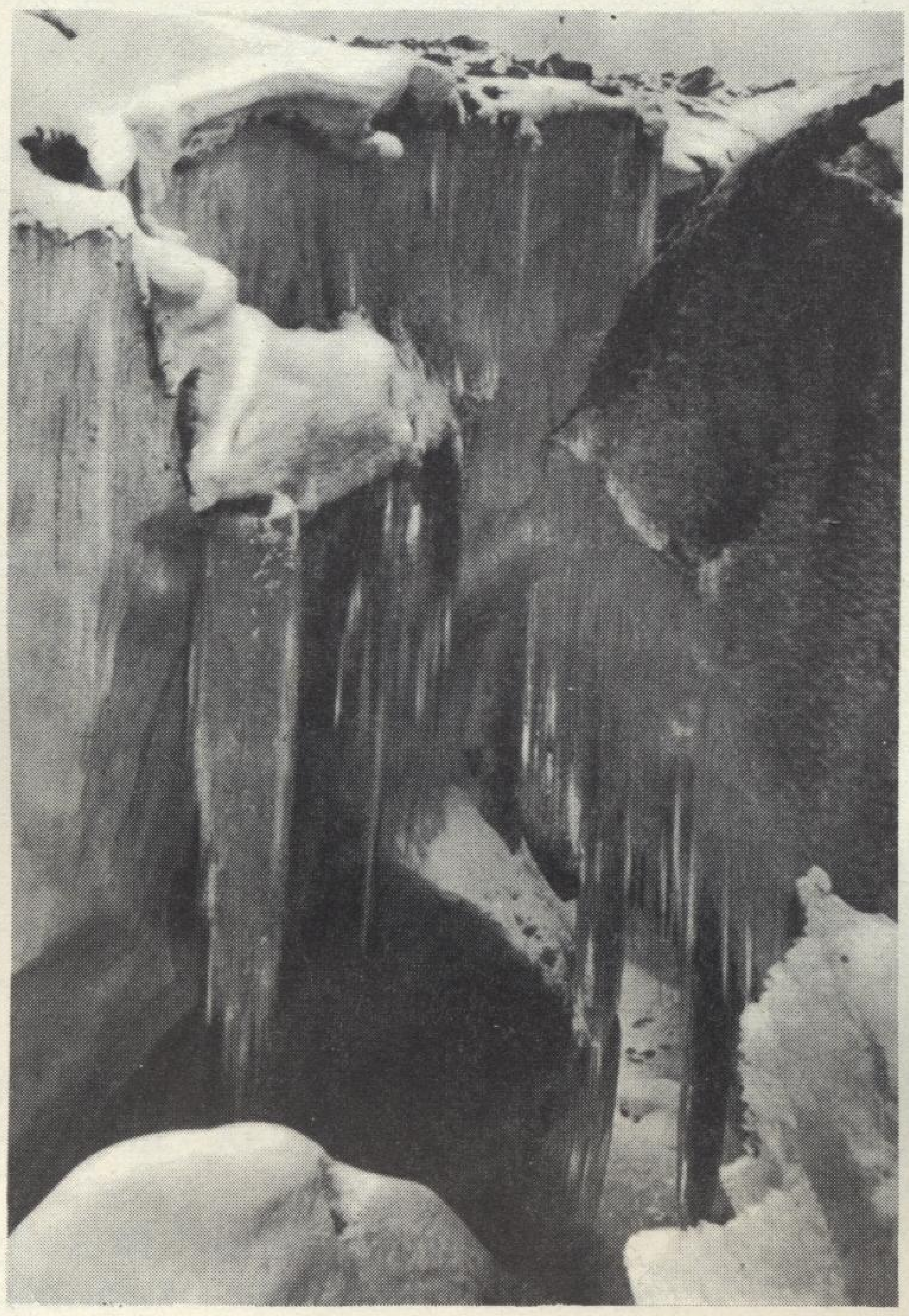
Лед, лед, лед... Лед матово-серый, лед зеленовато-голубой, лед почти черный, загрязненный мелким камнем. Лед плотный, монолитный в ледяных обрывах и рыхлый, пористый на поверхности ледника.

Мы поднялись выше четырех километров над уровнем моря. Пришлось идти целых три дня. Ночевали в походной палатке, пищу готовили на паяльной лампе. Вода в этой зоне кипит всего при восьмиде-

сяти градусах, все варится дольше, чем внизу.

К концу четвертого дня мы подошли к тому, что торжественно именовалось «лабораторией». Крошечная деревянная будка менее двух метров высотой, метра три длиной и полтора шириной. Нары, полку, чугунную печку, маленький столик сбросил сюда вертолет на лету — ведь в разреженном воздухе он не сумел бы подняться,— а потом их собрали гляциологи. Пол и нары были застелены теплыми кошмами. В лаборатории много необходимых инструментов: теодолит, нивелировочная рейка, ледяной бур, лопата, кирка.

Домик довольно уверенно и надежно



Ледяные сосульки светились голубоватым сиянием.

стоял на поверхности ледника, медленно двигаясь вниз вместе со льдом, как спальный вагон прямого сообщения.

Все пять дней нашего пребывания в верховьях Иныльчека стояла ясная, солнечная погода: почти все облака остались внизу, ниже нас. Но температура даже днем не поднималась выше нуля.

Работы было много. Мы измерили количество осадков в нескольких осадкомерах. Один из них стоял километров за шесть от домика, на склоне Хан-Тенгри. С помощью теодолита и деревянных реек мы определили скорость движения ледника в нескольких точках. Мы наблюдали за снегом, лавинами, вели метеорологические наблюдения за погодой. Иныльчек — одно из последних больших «белых пятен» на карте нашей страны. Поэтому ценно каждое наблюдение, каждая цифра.

Вечером в лаборатории при свете свечи мы обрабатывали полученные материалы. Оказалось, что скорость ледника около ста пятидесяти метров в год, полметра в сутки.

Пятьсот миллиметров осадков в год — почти как и в Москве, — но все в виде снега, снега, который не тает.

Быстро пролетело время. Настала пора спускаться.

На обратном пути мы случайно открыли ледяную пещеру. Вход был почти незаметен: ничем не приметная темная щель на ледяном склоне. Мы с трудом протиснулись вглубь и замерли, пораженные чудесами. Словно перенеслись в Изумрудный город знаменитого волшебника Гудвина. Зеленоватый свет проникал сквозь толщу ледника. Голубовато-зеленым сиянием светились высокие своды, гладкие, словно полированные, стены, блестящий пол, ледяные сосульки, арки, ниши, колонны, карнизы. Я подошел к стене. В глубине ее сквозь кристальную прозрачность льда можно было различить серебристые шарики замерзших пузырьков воздуха, мелкие камешки. Мы схватили фотоаппараты. Но разве пленка передаст глухое эхо ледяных коридоров, их сыроватую прохладу, игру красок, менявших оттенки и яркость при каждом повороте головы?! Как жаль, что никто, кроме нас, не видел этой красоты! Ведь лед не камень, и скоро все это навсегда исчезнет.

На следующее утро, когда мы лениво потягивались и зевали, не торопясь вылезать из теплых, уютных глубин пуховых спальных мешков, раздался низкий, грозный гул. Крупная дрожь побежала по земле, палатка наша закачалась. Тревога! Буквально в доли секунды мы выскочили из палатки, ища глазами пыльное облако снежной лавины или камнепад. Но вокруг было тихо.

Что же это такое? Только позднее мы догадались, что нас тряхнуло землетрясение баллов на шесть. Где-то в многокилометровой глубине под нами чуть сместились, не выдержав давления, пласты горных пород, и, как отголосок этого, до нас докатился вибрирующий удар. Видно, еще не слишком стар седой Тянь-Шань, еще растет.

И вот ледник позади, мы на месте первого привала. Но вертолет за нами не прилетит, мы пойдем пешком вниз по долине реки, вытекающей из ледника. Справа тоскливо желтели унылые, сожженные солнцем южные склоны. Обнаженные рыжие скалы, безжизненные серые шлейфы осыпей. Зато на северных склонах темнели хвойные леса, зелеными стрелами устремлялись в небо стройные тянь-шаньские ели. Скалы были покрыты травой и мхом.

Из узких ущелий со звонким шумом вырывались веселые, чистые потоки.

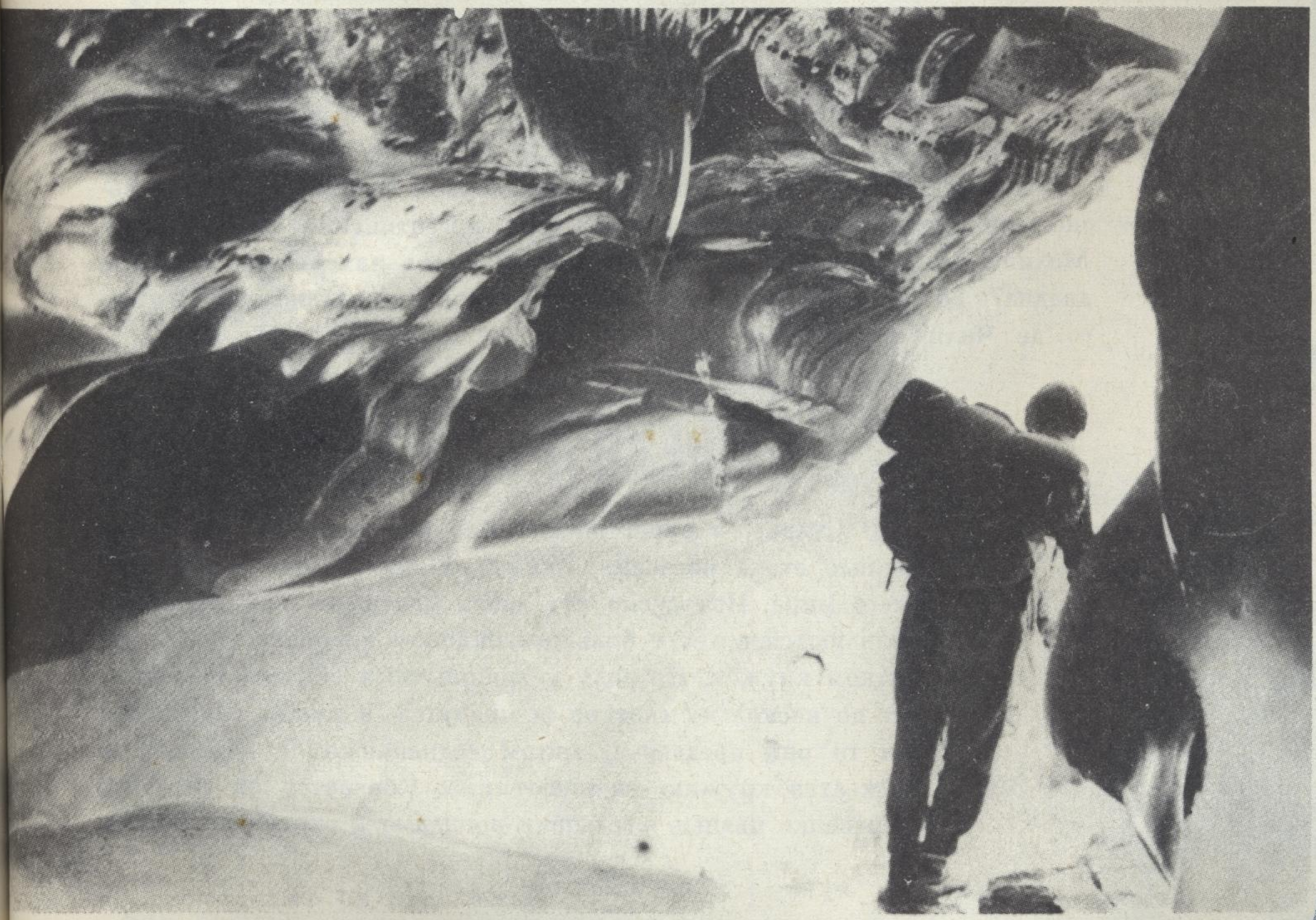
Мы спустились ниже двух километров над уровнем моря. Наконец километрах в пятидесяти от ледника мы увидели человеческие жилища — небольшой кишлак Майда-Адыр, что значит Пологие Холмы (между собой мы называли его просто Мойдодыр). Там жили пастухи. Нам повезло: к ним пришла машина из Пржевальска. И через несколько часов мы уже тряслись в тесном кузове по отчаянным горным дорогам Центрального Тянь-Шаня. А от Пржевальска до Фрунзе рукой подать, всего каких-нибудь четыреста километров на автобусе.

Экспедиция окончена. Две недели мы провели в горах. Потемнели, обветрились лица, потрескались губы, чуть побаливают обожженные солнцем глаза. Кажется, отдыхай, радуйся, будь доволен, что все позади. Но странная грусть осталась в душе, словно что-то оставлено там, в ледяном безмолвии. И я знаю, когда мы отдохнем, отоспимся, перестанут жмуриться обожженные глаза, эта тяга станет сильнее.

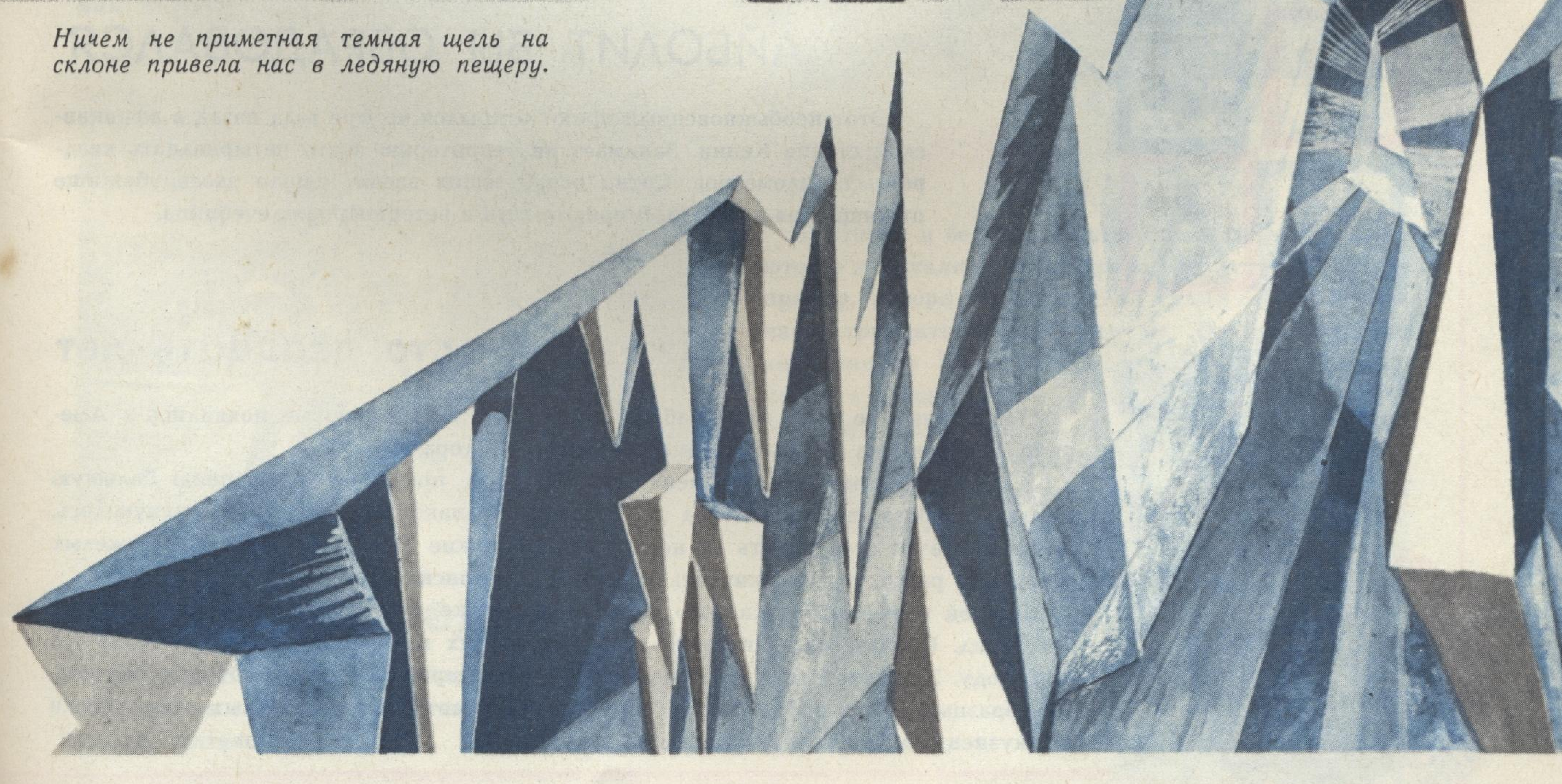
И мы с нетерпением будем дожидаться новой экспедиции, чтобы снова в холодном горении белых снегов идти своим тяжелым, порой опасным путем — путем гляциологов.

Фото **А. ЯБЛОКОВА.**

Рисунки **Н. ДОБРОХОТОВОЙ.**



Ничем не приметная темная щель на склоне привела нас в ледяную пещеру.



ПЕРВАЯ В КРАТЕРЕ

В Японии много действующих вулканов. Ученые предложили построить на них электростанции. Первая в мире японская вулканическая электростанция уже вступила в строй. Ее турбины двигает пар, непрерывно поднимающийся из кратера. Вулканическая электроэнергия гораздо дешевле тепловой и даже водной.

Школа для кенгуру

В Мельбурне открылась школа, в которой дрессируют кенгуру. Молодых кенгуру — воспитанников этой школы — продают потом как домашних животных. Они отличаются мирным нравом, охотно играют с детьми и выполняют несложную работу во дворе. Делают они это добросовестно и тщательно.

Рекорд гаучо

Тысячу шестьсот километров по раскаленной пампе и склонам заснеженных Анд проехал верхом на коне аргентинский гаучо Хорге Молино Салас. Всадник и его выносливый конь находились в дороге двадцать восемь дней. Они проделали путь от Буэнос-Айреса до Сантьяго де Чили.

ПЕРЕХИТРИЛИ МАРТЫШЕК

В Судане, в окрестностях Хартума, водятся многочисленные стада обезьян. Отсюда их поставляют в зоопарки всего мира. Интересно тут ловят мартышек. Охотники направляются в лес с большим бидоном крепкого вина и десятком кружек. На виду у любопытных обезьян они делают по нескольку глотков и прячутся в кусты. Мартышки (на то они обезьяны!) мигом соскакивают с деревьев и, расхватав кружки, начинают пир. Кончается он тем, что мертвецки пьяные мартышки попадают в охотничьи мешки.

АЙБОЛИТ БЫ ОБРАДОВАЛСЯ

Этот необыкновенный приют открылся четыре года назад в африканской стране Кении. Занимает он территорию в сто четырнадцать квадратных километров. Сотни осиротевших зверят нашли здесь убежище от хищников и голода. В приюте есть и ветеринарная лечебница.

«Джинсам» сто двадцать лет

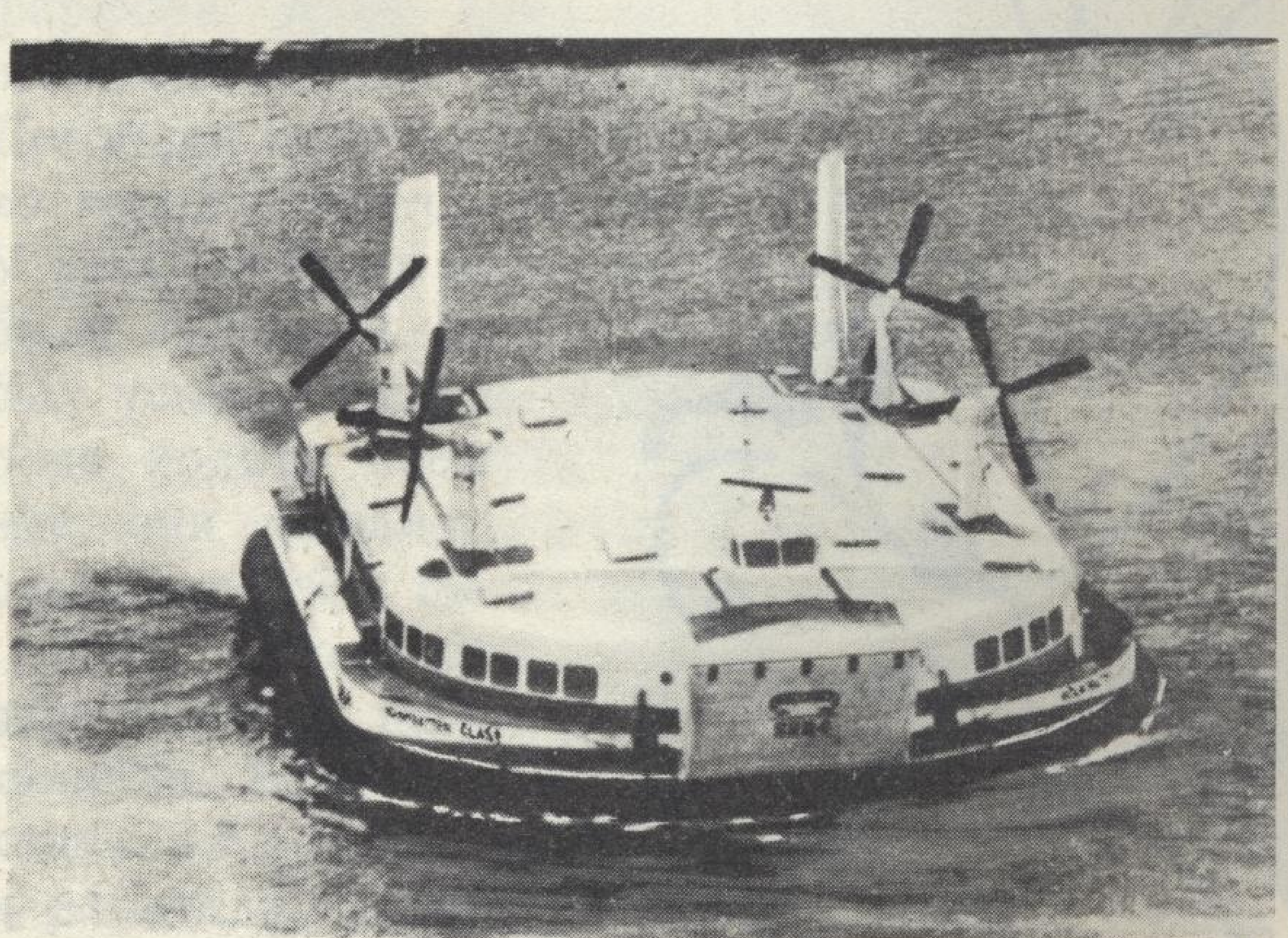
Популярные во всем мире рабочие брюки «джинсы» впервые появились в Америке, во времена так называемой «золотой лихорадки».

В 1849 году торговец по имени Леви Штраусс привез в Калифорнию большую партию грубого синего полотна для палаток. Однако полотно плохо раскупалось. Тогда Штраусс стал кроить из него брюки. Крепкие брюки, удобные для тяжелых земляных работ, сразу пришлись по вкусу золотоискателям.

Покрой нынешних «джинсов» остался таким же, каким был почти сто двадцать лет назад. Правда, металлические заклепки на них появились немного позднее — в 1860 году. Золотоискатели тогда жаловались, что карманы брюк, в которые они клали образцы горных пород, быстро обрывались. И вот один из портных отнес брюки к... кузнецу, а тот укрепил карманы заклепками.

Самый большой и самый маленький

Несколько лет назад в Англии был построен самый большой в мире корабль на воздушных подушках. Он перевозит пассажиров через пролив Ла-Манш. Сейчас англичане построили судно, которое можно положить на крышу легкового автомобиля. Оно тоже движется на воздушных подушках (пять сантиметров над водой) и развивает скорость до десяти километров в час. Управление судном — с помощью простого рычага — доступно любому школьнику. На снимках: самый большой и самый маленький корабль на воздушных подушках.

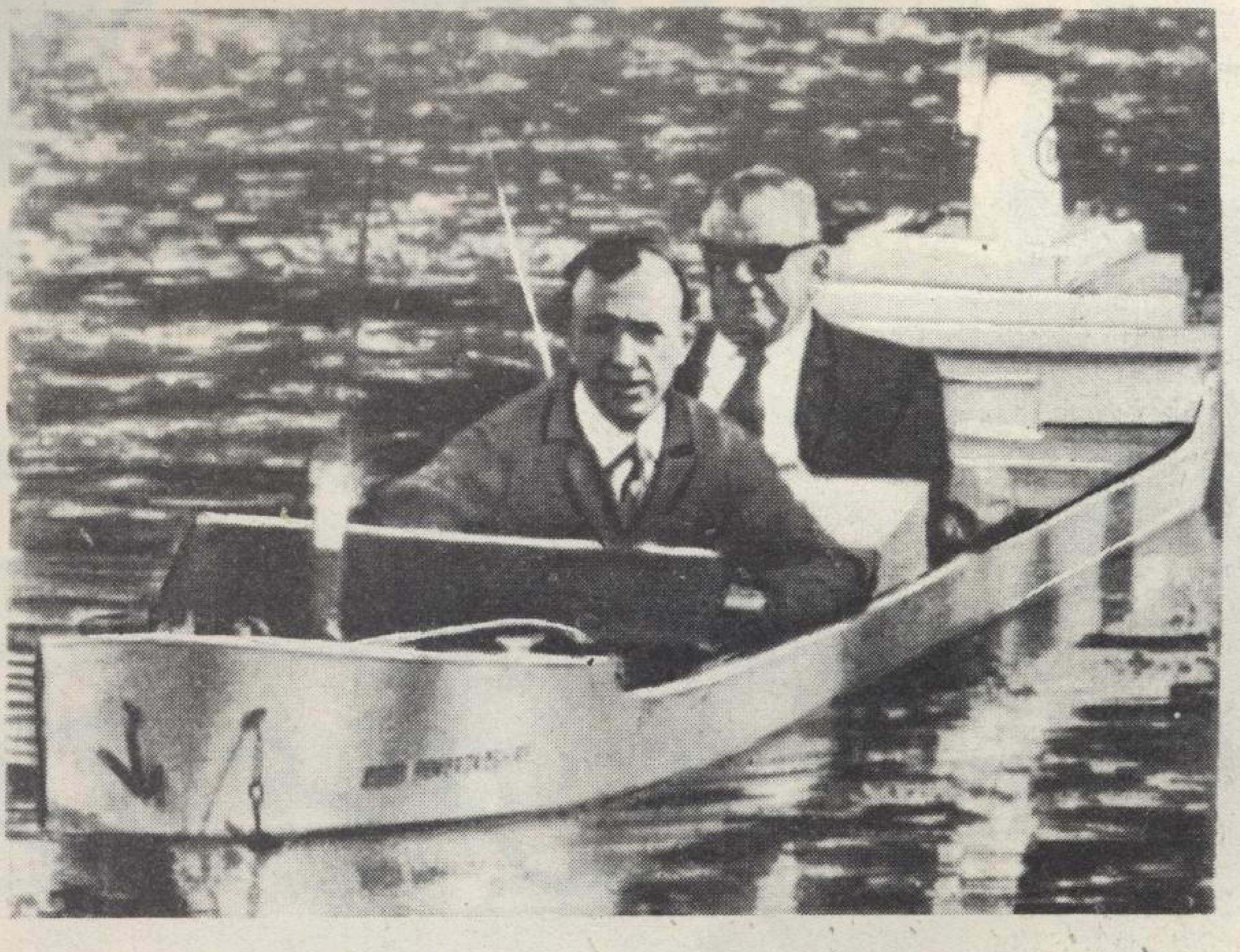


Не только дельфины

Говорят, что дельфины — самые умные животные. Однако сообразительность китов вызывает не меньше удивления. Кит Джо в морском парке Гонолулу на Гавайских островах высоко прыгает за лакомством, которое держит в руке его воспитательница, стоящая на специальной вышке. Ученые провели в водоеме электрический ток, который слегка бил китов, когда они подплывали к краю бассейна. Киты легко догадались, для чего служит выключатель, и быстро научились выключать ток.

ЛОЦМАНЫ УЧАТСЯ

Можно подумать, что эти взрослые люди решили поиграть в маленькой лодочке. На самом деле они заняты серьезным делом. На озере у города Порт Ревел в Южной Франции учатся известные лоцманы и капитаны. Лодочки — точные модели кораблей. Здесь созданы в миниатюре Суэцкий канал и Бискайский залив, мыс Горн и Гибралтар. Специальные установки имитируют штормы и течения, характерные для разных широт.



ДИКИЙ РЕКОРД

Жестокие и бессмысленные состязания устраиваются в капиталистических странах. Установлен, например, рекорд хождения на руках — сорок семь часов тридцать четыре минуты. Он принадлежит англичанину Рори Блейкуэлу. После такого «похода» с рекордсменом случился шок, и его положили в больницу.

На фото: некий Гофмайер из Западной Германии путешествует на руках по улице. Закончилось его хождение также на санитарных носилках.

Больше города

Деревня Банияганзж в Индии, пожалуй, самая большая на земном шаре. В ней около сорока двух тысяч жителей!

И. УВАРОВА

три рассказа о глине

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

ФАРФОРОВЫЕ ЛЕГЕНДЫ

Я пишу этот рассказ не за письменным столом и даже не примостившись на диване с тетрадкой.

Пишу я в музее. Тетрадка лежит у меня на коленях, я сижу в углу большого зала, спрятавшись за колонну, передо мной стеклянная маленькая витрина, а в витрине стоит чашка. Обычная чашка, похожая на те, из которых мы с вами по утрам пьем чай, только совсем маленькая и тонкая. У нее золотой ободок и по краю нарисованы золотые розы. От чашки веет покоем и уютом.

Это фарфор, самый благородный материал. Легкий, как шелк, хрупкий, как стекло, белый, как снег, звонкий, как флейта, прозрачный и тонкий.

Фарфор сродни печному горшку и фаянсовой ванне. Немного, совсем немного отличается он по составу от всей прочей глиняной посуды, которую люди заводили в хозяйстве, били без особой жалости, выкидывали черепки на помойку и забывали о них.

Но фарфор... За фарфор люди платили жизнью. Его история — это история плена, рабства, убийств, похищений, отравлений и казней.

В старину считали, что белоснежный фарфор чернеет от яда и что поэтому каждый, кто не желает быть отравленным, пусть носит всегда при себе фарфоровый кубок. Может, и были такие сорта фарфора и способ их изготовления утерян, а может, это придумали. Но если бы фарфор обладал способностью сохранять следы злодеяний, на многих фарфоровых старинных чашках и вазах проступали бы красные пятна. История фарфора — кровавая легенда.

Она начинается в древнем Китае.

Китайские правители обожали секреты. Бо-

же упаси, чтобы кто-нибудь что-нибудь узнал о Китае! Свою страну они обнесли стеной, и никого за эту стену не пускали.

А в стране жили ремесленники и мастера, ученые и художники. Они знали, как сделать порох, бумагу, тончайший шелк, самую черную тушь и фарфор. Ничего этого в те времена никто, кроме них, не знал.

Тысячу лет назад в Китае возник город Дзин-де-Чжень.

Это был фарфоровый город. Там делали фарфор, и триста обжиговых печей пылали так ярко, что и фонарей ночью на улицах не нужно было. Все в городе было сделано из отходов фарфора. Даже дома строили из фарфоровых осколков, лепили из кусков обожженной глины. Домишки получались лоскутные. Да и не только город — пригороды тоже были фарфоровые. У реки не было видно песка, и на берег опасно было выходить босиком — на три мили берег был усыпан одними осколками. Но жители города ходили босиком: это были бедные рабочие, они одевались в лохмотья и всегда были озабочены, как бы их дети не умерли с голоду.

Уйти отсюда они не могли: это было государственным преступлением, за преступление казнили. Если казнить было невыгодно, их заковывали в цепи, забивали в колодки. Так они и работали, мастера, умеющие создать самые тонкие вазы, и художники, способные расписать их тончайшими ветками, птицами и цветами.

Превыше всего ценили китайские правители белый фарфор. Росписи они не любили. Еще были у них драгоценные белые чаши; если налить в них воду, на стенках проступал рисунок — плыли рыбы, расцветали ветки сливы — символ наилучших новогодних пожеланий.

Императорский фарфор был самый трудный в работе. Сосуды из сырой глины загружали в печь, замуровывали, а через несколько дней печь открывали и вытаскивали готовые белоснежные хрупкие вазы.

Однажды из печи вышли не белые императорские вазы, а красные. Они были красивы, но китайцы подумали, что произошло «огневое превращение» и что в вазы вселился злобный дух огня. Их разбили на мелкие кусочки, а рабочих наказали палками, и никто до сих пор не знает, как сделать красную вазу из белого фарфора.

Позже китайцы научились пользоваться синей краской, которая называлась «голубая пудра» и, по слухам, вывозилась из Ирана. Умели они делать зеленоватый фарфор, цветом похожий на болотные растения, который потом в Европе назвали селадоном, а также китайцы изобрели звонкую розовую краску, в состав которой входило чистое золото. Из фарфора китайцы умели делать почти все.

Во дворцах правителей стояли огромные фарфоровые корыта на трех львиных ножках, в этих корытах стирали дорогие одежды.

Из фарфора была построена целая башня, с лестницами, крышами и колокольчиками, то-

же фарфоровыми, которые звенели необычайно тонко, и люди думали, что фарфор умеет разговаривать с самими богами.

При арабских дворцах на праздниках гостям выносили фарфоровые тазы на трех ножках, в которые входило девяносто килограммов всяких сластей.

Из фарфора делали яичную скорлупку, которая ничем не отличалась от настоящей; в нее выливали яйцо, сваренное всмятку, его нужно было съесть во время особого праздника, который назывался «день кровопускания».

Из фарфора делали украшения на шляпы, подвески и статуи богов, которые кивали фарфоровыми головами и улыбались.

На первого русского путешественника, побывавшего в Китае — тобольского казака Ивана Петлина,— эти болванчики произвели сильное впечатление.

Слухи о китайском фарфоре переползли через Великую стену, на Востоке стали возникать легенды о замечательной посуде, легкой и нарядной, которая по красоте ни с чем не может сравниться.

В арабских сказках «Тысяча и одна ночь» воспевались изумительные чаши и блюда китайского фарфора. Арабы покупали у китайцев фарфор за огромные деньги. Фарфор везли на базар караваны, на караваны нападали разбойники, крали фарфор и убивали купцов.

Многие хотели выведать секрет фарфора, многие пытались проникнуть в Дзин-де-Чжень, но их ловили, подвергали самым страшным пыткам, чтобы отбить охоту у других. Потом их казнили жуткими китайскими казнями.

В городе Самарре, близ Багдада, пытались делать блюда в подражание китайским, а в Каире учились делать зеленоватые сосуды — селадоны. Но, конечно, китайский фарфор ценился по всему Востоку превыше всего.

Арабский историк Макризи написал книгу «Хитат» — описание сокровищ, в которой ставил настоящий фарфор наравне с золотом и драгоценными камнями.

В тринадцатом веке в Китай проник замечательный человек — купец и путешественник Марко Поло. Это был первый европеец, увидевший фарфор. Вернувшись на родину, он привез много диковин, в том числе и фарфоровые сосуды. Его родной город вел войну, Марко Поло попал в плен и в тюрьме написал историю своего путешествия.

Много диковинного описывает Марко Поло. Например, поведал он о том, какие поразительные чудеса происходят при дворе монгольского хана. «...Сидит,— писал он,— великий хан в своем главном покое... а чаши расставлены в покое на полу, шагах в десяти от стола; разливают по ним вино, молоко и другие хорошие питья. По наговорам да колдовству этих ловких знахарей-бакши полные чаши сами собою поднимаются с полу, где они стояли, и несутся к великому хану, и никто к тем чашам не притрагивался. Десять тысяч людей видели это; истинная то правда, без всякой лжи».

И много чудесного рассказывали о фарфоре другие путешественники, проникшие вслед за Марко Поло в Китай. А купцы и рыцари уже везли с арабского Востока китайский фарфор.

Вот он наконец, легкий, как шелк, хрупкий, как стекло, белый, как снег, звонкий, как флейта, нежный, как раковины морского берега! На берегу Средиземного моря были круглые ракушки, которые называли весело «порчелла», что значит «свинушка». Но, несмотря на грубоватое прозвище, порчелла была нежна, хрупка и очень красива, и, когда на нее падали лучи восходящего солнца, ее скорлупка была похожа на фарфор.

Постепенно чужое китайское слово «фарфор» заменили простым и понятным любому итальянцу: порчеллан. Или порселан. Это название сохранилось за ним до сих пор.

Итак, порселан вступил в Европу. Порселан покорил европейцев.

Людей охватила фарфоровая лихорадка. Верили в его силу и могущество, думали, что он произошел не из земных веществ, а из небесных элементов.

Итальянские дамы оправляли черепки разбившейся фарфоровой вазы в золото, украшали оправу рубинами, изумрудами и топазами и носили на золотой цепочке на шее.

Один историк писал: «Ныне высокопоставленные лица пользуются фарфором, который считают самой благородной и доброкачественной посудой для питья».

Чтобы стать обладателем фарфоровой вещи, люди шли на воровство, интриги и убийства.

Один европейский король по имени Август Сильный отдал прусскому королю за пять китайских ваз полк солдат самых рослых и самых могучих, которыми славилась Саксония.

А нужно понимать, каково королю маленького государства без лучшего своего полка. Того и гляди могли нагрянуть войной соседи и завоевать страну. Король, конечно, понимал это, но ничего не мог с собой поделать: страсть к фарфору сделала его безумным, довела до полного разорения. Конечно, у него был способ вернуть в обнищавшую казну золото, если бы он продал свой фарфор... Но он скорее бы умер, чем расстался хоть с одной своей фарфоровой безделушкой.

Тогда он хитростью заманил к себе молодого алхимика Иоганнеса Бетхера, который, на беду свою, сгоряча обещал добыть Августу золото.

В ту пору алхимики Европы проведали, что будто бы на Востоке мудрецы научились добывать золото. День и ночь грели на огне колбы со всевозможными веществами. Говорили, что золото можно добыть из ртути. Ходили слухи, что в колбу нужно лить кровь черной курицы, зарезанной в первую ночь полнолуния. Что в огонь, на котором грелась колба, надо бросить сушеные травы, которые растут на могилах, обладающие магической силой; что опыты можно начинать в ночь при определенном

расположении звезд; что никто не должен видеть то, что делает алхимик; что до сих пор золото не получалось потому, что не умели окружить добычу его полной тайной. По-латыни тайна — арканум.

Короли и герцоги брали к себе на службу алхимиков. Жизнь алхимиков погружалась в арканум. Они запирались в башне, жгли огонь, чертили на дверях тайные знаки и шептали заклинания. Золото не появлялось. Их казнили.

Не добыл золота и Иоганнес Бетхер, и тень виселицы маячила на дне его колбы, из которой выходили пары ядовитой ртути. Его бы непременно повесили, если б он во время опыта, соединяя в огненном сплаве все вещества, которые были ему известны, не получил бы твердую массу коричневато-красного цвета, очень похожую на фарфор. Открыть секрет фарфора! Да ведь это, пожалуй, больше, чем найти золото.

А надо сказать, что уже многие в Европе бились тщетно над производством фарфора. В Голландии, в городе Дельфте, мастера научились получать массу, похожую на фарфор. А флорентийский герцог Франческо Медичи сам, лично в своей лаборатории получил сплав, очень близкий к фарфору.

К тому же были известны записки иезуита д'Антреколля, который изучил китайский язык, проник в Дзин-де-Чжень и после многих лет жизни в Китае узнал, что китайский фарфор делают из особой белой глины — каолина, а также добавляют в него специальный горный порошок пе-тун-тсе.

Так что Бетхер, напав нечаянно на сплав, близкий к фарфору, стал усердно изучать все, что было уже к тому времени известно о нем образованным европейцам. Вскоре он нашел белую землю в Саксонии, вблизи города Дрездена, которая оказалась годной для производства фарфора. Эту глину назвали китайским словом каолин, вы можете найти ее на обрывах рек и узнать по голубоватому оттенку.

Иоганнес Бетхер смешал каолин, глину, кварц и шпат, вылепил чашечки и отправил их в печь для обжига на несколько дней.

День 1709 года, когда он вынул из печи белые, звонкие и еще горячие чашки, был великим днем в истории, ибо с этого момента китайский секрет перестал быть секретом, и теперь...

Да. Теперь-то и начинался дрезденский секрет, почище китайского. На завод принимали рабочих, которые приносили страшную клятву никогда не разглашать арканума — тайны. Арканум никому еще не принес пользы, кроме Августа Саксонского, не уберег он от гибели и Иоганнеса Бетхера: его обвинили в том, что он хотел продать секрет фарфора, и бросили в тюрьму. Он умер, не дождавшись казни. Если верить алхимикам, говорившим, что каждый человек рождается под своей звездой, то звезда Иоганнеса Бетхера была поистине самой несчастливой. Ему грозила смерть, если он не сделает открытия и не получит золота, и он

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ

умер оттого, что сделал величайшее открытие и получил фарфор. Фарфор отплатил Бетхеру черной неблагодарностью.

...Белая маленькая чашка с тонкими золотыми узорами стоит в музейной витрине. Если она разобьется, в изломе черепка ее проступит белое вещество с мельчайшими порами, а поры окажутся прочно залитыми стеклянными кристаллами — это кварц расплавился при обжиге и пропитал пористый каолин.

Но не только состав порселана составляет китайский секрет. Глину еще нужно было вымачивать сорок лет и сушить особым образом.

И, конечно, вокруг имени Иоганнеса Бетхера и вокруг дрезденского завода, скрытого за семью замками, поползли слухи. Слухи выростали в легенды. Говорили, что Бетхер продал душу дьяволу, и за это дьявол обучил его делать фарфор. Что Бетхер боялся расплаты с этим самым дьяволом, стал много пить, ночи напролет играл с гостями в карты, чтобы не оставаться одному в спальне. Что без участия дьявола вообще нельзя получить фарфор — этот языческий и проклятый порселан...

Правители разных стран, конечно, опасались дьявола. Но иметь свой фарфоровый завод, а значит, богатство, а значит, славу и власть, было куда важнее. Поэтому они не жалели золота, чтобы подкупить рабочих, давших клятву соблюдать фарфоровый арканум.

Шила в мешке не утаишь: слишком многие жаждали знать китайский или уже дрезденский секрет.

Прошло несколько лет, и секрет был перекуплен, рабочих сманили в другие государства. В Европе стали возникать фарфоровые заводы.

Заводы выпускали тонкую расписную посуду, скульптуры и вазы. Один правитель потребовал, чтобы для него сделали из фарфора птиц и животных в натуральную величину, в том числе и слона... И не было предела и конца причудам, странным формам, изощренным рисункам, тончайшим краскам — фиолетовой, синей, зеленой, золоту и пурпуру и жемчужным отливам. Европейские страны стали второй родиной фарфора.

Тем временем третьей родиной фарфора готовилась стать Россия. Однажды в Китай отправился некий русский купец, который сумел подкупить рабочего фарфорового завода и узнать китайский секрет. Но в России в ту пору наладить фарфоровое производство не сумели. Петр I купил у китайцев целую коллекцию фарфоровых ваз, а при дочери его Елизавете был открыт в России первый фарфоровый завод, на котором работал знаменитый русский химик Виноградов.

У Виноградова был острый ум, вспыльчивый, бешеный нрав. Он не сносил обиды, а обид было много: кто всерьез относился к ученому, руки которого всегда были вымазаны глиной? Так, вроде рабочего-крепостного... Когда же он после крупной ссоры с начальством хотел бежать с завода, его цепью приковали к столу. Как собаку. И он сидел на цепи и работал во славу России, которая через некоторое время могла уже состязаться с европейскими странами своим русским фарфором.

Первый фарфоровый завод в России сейчас называется заводом имени Ломоносова, потому что Ломоносов много сделал для развития фарфорового дела. (Как странно повернулась его судьба: в юности, когда он в Германии изучал химию и свойства горных пород, за могучий рост и богатырское сложение его завербовали было в тот самый полк саксонских солдат, которых Август Сильный выменял на пять ваз китайского фарфора!)

Кроме этого первого завода, в России и на Украине, там, где обнаружены были залежи белой глины, возникло множество фарфоровых заводов — Кузнецова, Гарднера, Попова, Баденина и другие. Говорят, был даже один человек, который мечтал построить башню из фарфоровых кирпичей, высотою больше самой высокой египетской пирамиды. Его заводик выпустил довольно много тонкого белого кирпича, но на этом дело и кончилось.

...Я сижу в музее фарфора и керамики в усадьбе Кусково, на коленях у меня исписанная тетрадка. А передо мной в витрине — белая чашечка с золотыми розами, если ее перевернуть вверх дном — на донышке нарисован знак — знак дрезденского завода, две скрещенные шпаги. Скрещенные шпаги — символ боя — и нежный порселан...

Скоро вечер. В глубине маленькой дрезденской чашки собираются розовые тени, а золотые розы ее росписи меркнут и гаснут, будто тухнут крошечные золотые огни.

Но я кончаю рассказ о фарфоре, и его странной судьбе, и о людях, связавших свою жизнь с фарфором.

Прощай, маленькая чашка!

История о поэте и абрикосовой косточке

Человек не рождается поэтом. Поэт рождается в человеке. Но когда это должно произойти, в каком возрасте, в какой час, не предскажет ни цыганка, ни кибернетическая машина.

Вера Инбер очень рано, еще в детстве, ощутила себя поэтом. Детство, похожее на праздник, пролетело в Одессе. В Одессе жили Пушкин (память о Пушкине и памятник поэту) и море. И первая поэма, которую девочка написала в десять лет, была «морская»: о старом маяке, о русалке. Крупные и щедрые запятые были разбросаны по листу бумаги, как ракушки на морском берегу.

Вера Инбер много писала о своем детстве. Мы знаем, что она любила Диккенса и плакала над задачками. Еще она любила абрикосовое варенье. И абрикосовая косточка однажды помогла ей увидеть мир. Море провертело в косточке дырку. Девочка глянула на землю через круглую дырочку — и все увиделось наново, очищенным от привычного, ежедневного, «во весь глаз».

Так абрикосовая косточка стала «магическим кристаллом», о котором, если помните, писал Пушкин, а Вера Инбер стала поэтом. На всю жизнь полюбила она веселую игру в обычном находить таинственное, новое, другим невидное, и так, чтоб каждый образ, каждый предмет, вытащенный из череды других, связанных инерцией представлений, смотрелся отдельно, крупно, «во весь глаз».

Читаешь, например, ее «Сеттера Джека» и хочешь не хочешь, а запомнишь и «клеенчатый нос» и уши, что «висели, как замшевые. И каждое весило фунт». Вы только посмотрите, какие тяжелые уши, как тяжело падает каждое слово в этой строчке!

Или подушка — на что уж, казалось бы, заурядный, бытовой предмет, а и в нее смогла вдохнуть поэтесса удивительную «ночную» жизнь: подушки-то, оказывается, слушают наши сны.

Причем умение видеть *особенно* в стихах Веры Инбер совершенно естественно (она не *старается* так видеть, а видит), идет от детства, от веселой детской игры. Многие ее стихи начинались с пустячных пустяков — с шутки, с улыбки, с нехитрой словесной игры, однако же образы, рожденные этой игрой, живут всерьез. Так, умилительно-игрушечный плюшевый сеттер Джек на наших глазах совершает подлинный подвиг дружбы.

У Веры Инбер есть рассказ, в котором она открыла нам, как рождаются образы, герои. Однажды перед грозой рыбаки негромко перекликались на морском берегу: «Эй!» «Псс»,— проскрипела под ветром калитка. Так родилось слово «Эйпс». Явился на свет мистер Эйпс, фигура загадочная и таинственная. День ото дня характер его делался все определеннее. Он был ужасно рассеян, так рассеян, что не замечал, как начиналась гроза и когда она кончалась. И когда по дачам разнеслось известие, что ночью перевернулась лодка и утонул неизвестный, дети оплакали гибель мистера Эйпса. Рожденный в грозу, он и погиб во время грозы.

Детство у Веры Инбер было щедрое, счастливое, и она уже взрослой снова и снова возвращалась к нему, искала его — в детях, в стихах, обращенных к детям.

Но характер ее поэзии определила еще одна встреча, о которой нужно рассказать. В Одессе, на Приморском бульваре, девочка в гимназическом платье стала свидетельницей того, как алый флаг взвился над памятником Пушкину, мгновенно превратив его в трибуну. И впервые услыша-

ла она слово «Товарищи!», разом объединившее и сблизившее толпу. С этим словом обратилась к ней Революция.

Потом было много горького и трудного, была большая жизнь. Была ленинградская блокада, когда каждая квартира как бы медленно отключалась от жизни: перестала идти вода, замер телефон, умолкло радио... И она вслушивалась в эту умирающую тишину, чтоб рассказать потомкам о блокаде.

Она читала свои стихи на фронте бойцам и видела, как фашисты бросили бомбы на наш военный корабль, разбили его, но теперь воевала с врагами каждая его башня в отдельности. Она видела, как девятилетний мальчик, плача от страха, тушил песком зажигательную бомбу. И все это тоже вошло в ее поэму о несдающемся Ленинграде.

Когда ей приходилось очень трудно, в дни блокады, в год смерти Ленина, может быть, она вспоминала флаг над памятником Пушкину и трепещущее в воздухе слово «Товарищи!». И умела найти слова, нужные людям и объединяющие людей.

Инна **АНДРЕЕВА**

Рисунки Е. **МЕДВЕДЕВА**

ПЯТЬ НОЧЕЙ И ДНЕЙ

На смерть Ленина.

И прежде, чем укрыть в могиле
Навеки от живых людей,
В Колонном зале положили
Его на пять ночей и дней...

И потекли людские толпы,
Неся знамена впереди,
Чтобы взглянуть на профиль желтый
И красный орден на груди.

Текли. А стужа над землею
Такая лютая была,
Как будто он унес с собою
Частицы нашего тепла.

И пять ночей в Москве не спали
Из-за того, что он уснул.
И был торжественно-печален
Луны почетный караул.

ТРАМВАЙ ИДЕТ НА ФРОНТ

Холодный, цвета стали,
Суровый горизонт...
Трамвай идет к заставе,
Трамвай идет на фронт.

Фанера вместо стекол,
Но это ничего,
И граждане потоком
Вливаются в него.

Немолодой рабочий,—
Он едет на завод,
Который дни и ночи
Оружие кует.

Старушку убаюкал
Ритмичный шум колес:
Она танкисту-внуку
Достала папирос.

Беседуя с сестрою
И полковым врачом,
Дружинницы — их трое —
Сидят к плечу плечом.

У пояса граната,
У пояса наган,
Высокий, бородатый,—
Похоже, партизан;

Пришел помыться в баньке,
Побыть с семьей своей,
Принес сынишке Саньке
Немецкий шлем — трофей,—

И снова в путь-дорогу,
В дремучие снега,
Выслеживать берлогу
Треклятого врага.

Огнем своей винтовки
Вести фашистам счет...
Мелькают остановки,
Трамвай на фронт идет.

Везут домохозяйки
Нещедрый свой паек.
Грудной ребенок в байке —
Откинут уголок —

Глядит (ему все ново).
Гляди, не забывай
Крещенья боевого,—
На фронт идет трамвай.

. . . .

*

Поздно ночью у подушки,
Когда все утомлены,
Вырастают маленькие ушки,
Чтобы слушать сны.

Сны бывают разные. Их
много:
Снятся чудеса,
Снятся приключения, дорога,
Реки и леса,

Снятся лыжи, снеговые горки,
Солнечный газон,
Школьная тетрадь, где все
пятерки,—
О, волшебный сон!

Сны текут то явственней,
то глуше,
Как ручей, точь-в-точь.
И подушка, навостривши уши,
Слушает всю ночь.

Днем зато, уставши до упаду,
В жажде тишины,
Спит она — будить ее
не надо,—
Спит и видит сны.

Сеттер Джек

Собачье сердце устроено так:
Полюбило — значит, навек!
Был славный малый и не дурак
Ирландский сеттер Джек.

Как полагается, был он рыж,
По лапам оброс бахромой;
Коты и кошки окрестных крыш
Называли его чумой.

Клеенчатый нос рылся в траве,
Вынюхивал влажный грунт;
Уши висели, как замшевые,
И каждое весило фунт.

Касательно всяких собачьих дел
Совесть была чиста.
Хозяина Джек любил и жалел,
Что нет у него хвоста.

В первый раз на аэродром
Он пришел зимой, в снег.
Хозяин сказал: — Не теперь, потом
Полетишь и ты, Джек.

Биплан взметнул снежную пыль,
У Джека — ноги врозь:
«Если это автомобиль,
То как же оно поднялось?»

Но тут у Джека замер дух:
Хозяин взмыл над людьми.
Джек сказал: «Одно из двух:
Останься или возьми!»

Но его хозяин все выше лез,
Треща, как стрекоза.
Джек смотрел, и вода небес
Заливала ему глаза.

Люди, не заботясь о псе,
Возились у машин.
Джек думал: «Зачем все,
Если нужен один?»

Прошло бесконечно много лет
(По часам — пятнадцать минут).
Сел в снег летучий предмет.
Хозяин был снова тут...

Пришли весною. Воздушный причал
Был бессолнечно-сер.
Хозяин надел шлем и сказал:
— Сядьте и вы, сэр!

Джек вздохнул, почесал бок,
Сел, облизнулся и — в путь!
Взглянул вниз и больше не смог,—
Такая напала жуть.

«Земля бежит от меня так,
Будто я ее съем.
Люди — не крупнее собак,
А собак не видно совсем».

Хозяин смеется. Джек смущен
И думает: «Я — свинья.
Если это может он,
Значит, могу и я».

После чего спокойнее стал
И, повизгивая слегка,
Только судорожно зевал
И лаял на облака.

Солнце, скрытое до сих пор,
Согрело одно крыло.
Но почему задохнулся мотор?
Но что произошло?

Но почему земля опять
Стала так близка?
Но почему начала дрожать
Кожаная рука?

Ветер свистел, выл, сек
По полным слез глазам.
Хозяин крикнул: — Прыгай, Джек,
Потому что... ты видишь сам...

Но Джек, припав к нему головой
И сам дрожа весь,
Успел сказать: «Господин мой,
Я останусь здесь...»

На земле уже полумертвый нос
Положил на труп Джек.
И люди сказали: — Был пес,
А умер, как человек.

Покупайте мороженое!

РАССКАЗ

Юрий **ХАЗАНОВ**

Рисунки Е. **ВЕДЕРНИКОВА**

Наступил момент, когда Гришиному папе надоело крутить и таскать в починку «Спидолу», когда он остыл даже к своим разноцветным шариковым ручкам, которых у него собралось целых пятьдесят восемь штук, — и все это означало, что пришла очередь чего-то другого.

На сей раз это был футбол!

Вы скажете: ничего особенного — все его любят чуть ли не с рождения. Вот Гриша, он уже, наверно, лет сто играет: и в нападении, и вратарем, и даже мячи два раза подавал из аута настоящим футболистам... Но в том-то и дело, что Гришин папа не как все люди: никогда раньше футболом не интересовался, не знал, на каком месте «Крылышки» или «Спартак», и всю жизнь путал офсайд с аутсайдером.

А тут на тебе! Ни одной игры по телевизору не пропускает, выписал приложение «Футбол» и несколько раз даже ходил на стадион. Правда, ему там не очень понравилось: слишком громко кричат и свистят — прямо голова пухнет...

Но сейчас папа решил пойти, несмотря ни на что: матч был международный, с Уругваем, и, как говорили знатоки, настоящий большой футбол.

— Если «большой», то и тебе посмотреть не мешает, — сказал папа и подмигнул Грише, а тот подпрыгнул высоко вверх, а когда приземлялся, прищемил псу лапу, и визг собаки смешался с Гришиным «ура»...

И вот они с папой вышли из метро и словно опять попали в туннель. Только уже другой — не бетонный, а человечий. Справа и слева стояли две стены людей, и все спрашивали:

— Лишнего билетика нет?

И по тому, как произносились эти слова, можно было, даже не родившись цыганкой, в точности узнать характер человека. У одних фраза эта звучала робко и просительно, в ней слышалось: «Пожалуйста, сделайте одолжение, если не трудно, заранее спасибо, извините за беспокойство...» У других она была куда более уверенной: «Конечно, я достану билет, мне обязательно повезет, как же иначе, вот сосед мой — тот не достанет, а я непременно...» Третьи же просто считали, что это ваш долг — вручить им билеты, и спрашивали о них между прочим, небрежно, так, словно билеты у вас оказались случайно, а вот им они принадлежат по праву. «А ну, — говорили они, — куплю билетик, у кого билетик?.. Давай сюда билетик!»

Только все эти просьбы, предложения и требования никакого отношения не имели ни к Грише, ни к его папе, потому что лишнего билета у них не было. У них вообще не было билета. Ни одного. И все из-за папы! Понадеялся, что легко достать, — и пожалуйста!

Не будем уточнять, к какому типу покупателей билетов относился Гришин папа, — все равно билетов он не достал, хотя и простоял довольно долго сначала в правой, а потом в левой стенке человечьего туннеля, который тянулся от выхода из метро до самых ворот стадиона.

Матч должен был вот-вот начаться. Уже, наверно, выбежали на поле команды, встали посередине, и судья отделил их друг от друга белым мячом...

Лишних билетов все не было. Вообще-то они, конечно, были, и время от времени какие-то счастливцы вырывались из туннельной стенки и рысью мчались на стадион. Но ни Гриша, ни его папа в этом беге участия не принимали.

Вот и последние, опоздавшие, вышли из метро; стенки безбилетных стали редеть, таять, и за ними уже были видны павильоны Лужниковской ярмарки, сотни машин на стоянках, прикорнувшие в ожидании своих хозяев, пыльная зелень деревьев...

Матч уже наверняка начался. Пущены часы, светится табло, разыгрываются первые комбинации, раздаются первые вопли радости и вздохи огорчения...

А он стой вот тут как не знаю кто и облизывайся! Один раз взяли на такой матч, и то... Неужели нельзя было билеты заранее купить?! Всегда этот папа что-нибудь...

Ох, как Гриша сейчас на него злился!.. А вы бы на его месте улыбались, да?!

Папе хотелось попасть не меньше Гриши, и его лицо выглядело таким же несчастным, как у сына, если не больше. Ведь Грише хоть было кого упрекать, а папе что оставалось?.. Он медленно пошел к стадиону, Гриша плелся за ним.

«Теперь-то уж зачем идти? — думал Гриша. — Только облизываться, как на чужой пирог!.. Лучше сразу нырнуть в метро — и все. И уехать... И в кафе-мороженое потом зайти. Где-нибудь в центре... Хорошо бы сейчас хоть мороженое...»

Из глубины стадиона раздался рев. Наверно, гол забили. Неотразимым пушечным ударом в правый верхний угол... Но кто? Кому?.. Эх, папа, папа!..

— Пошли обратно, чего уж... Слышишь, папа! — сказал Гриша и услыхал в ответ не виноватый папин голос, предлагающий ему все мороженое мира, а совсем другой голос, резкий и возмущенный. И вдобавок ко всему женский.

— Поручай им! — говорил этот голос. — Совсем с ними прогоришь! Тут и народу никого... Я-то, глупая, поверила... А они — шасть! — и нету... Глотку уже со всеми дерут... А я стой, как статуя... Покупайте мороженое! — Предложение было таким громовым, что Гриша вздрогнул. — Клюквенное, сливочное, шоколадное, эскимо, крем-брюле!..

— Покупаем, — сказал Гришин папа покорным голосом. — Тебе какое?

— Побольше берите, — сказала продавщица, — все равно пропадет... Вот стою здесь как прикованная. Видите, ящиков сколько — один, два, три! Как мне с ними управиться?

— А зачем же набрали? — спросил папа.

— «Набрали»! — закричала продавщица, перекрывая гул стадиона. — Стала бы я набирать! Так ведь пристали — племяши мои: возьми да возьми! Мы тебе продавать, говорят, поможем... Уж так им хотелось на стадион попасть. Матч сегодня какой-то, говорят, знаменитый. С Пуругваем, что ли... Ну, думаю, пусть больше выручка будет, тоже не помешает...

— А где ж они? — спросил папа, забирая сдачу и вручая Грише огромный брусок мороженого.

— Где?! — закричала продавщица. — Вот и я хочу спросить: где?! Они с подносами ушли — туда, на трибуны. Сказали, скоро вернутся. А я уж полчаса стою жду... Сколько бы сама продала — да разве дотащишь?.. Я, чай, не Жаботинский! А они там на поле глаза пялят, про дело-то и забыли.

— Я Жаботинский! — сказал вдруг папа, и его унылого вида как не бывало. — И вот он тоже... — Папа ткнул в сторону Гриши, — ... немного Жаботинский!

— Вам шутки, — сказала женщина.

Но Гриша сразу понял, что как раз в эту минуту папа серьезен, как никогда.

— Давайте, давайте ящики, — распорядился папа. — Мы вам поможем. Как их надевать?

— Правильно... Поможем! — сказал Гриша и от волнения откусил такой кусок мороженого, что больше ничего уже сказать не мог, пока оно не растаяло.

И вот они уже на трибуне. Идут по проходу вниз. Шум кругом такой, что Гришин папа сам не слышит, какое мороженое он предлагает...

— Правда, поможете? — спросила женщина. — Вот только белых курток у меня нет. Племяшам отдала.

— Ничего, — сказал папа.

— А пропустят без курток? — спросил Гриша, еле раздвигая замороженный рот

— Ящики-то на что? — сказала женщина. — Лучше всякого билета... Ну, давай!

Гриша наклонил голову, и мороженщица накинула ему на шею ремень от ящика.

— Не тяжело? — спросил папа.

— Этот полегче, — сказала женщина. — Отсюда мои племяши себе на подносы брали... Ну, я им сегодня дам! По первое число...

Потом папа тоже пристроил у себя на груди большой ящик, и все втроем они пошли к высоким железным воротам стадиона. Шли гуськом: папа впереди, за ним Гриша и мороженщица замыкающая; шли медленно, и вид у них был очень важный, но не потому, что они невесть что о себе воображали: просто ящики тянули вниз, и приходилось поневоле распрямлять плечи и гордо закидывать голову.

В таком строю они миновали турникеты у входных ворот, дежуривших там милиционеров и дружинников и направлялись теперь к входу на трибуны, где стояли контролеры. Но незадолго до входной лестницы морожен-

щица поломала их четкий строй, зашла вперед и сказала папе:

— Вы извините, конечно, только вы... это... не уйдете? А то прогорю я!

— Честное пионерское! — сказал папа.

И мороженщица сразу поверила и улыбнулась, хотя папа уже давно вышел из пионерского возраста. Потом она сказала, что зовут ее Анна Степановна, и спросила, знают ли они, почем продавать.

— Нет, — сказал папа.

— Да, — сказал Гриша.

Папа вынул из кармана свою пятьдесят восьмую шариковую ручку и под диктовку Анны Степановны начал писать на листке из записной книжки:

эскимо и молочное — 11 коп.
фруктовое — 13 коп.
крем-брюле и шоколадное — 15 коп.
в стаканчике — 19 коп.

— Хватит, неужели не запомнишь? — говорил Гриша. — Скоро первый тайм кончится!.. И зачем писать «коп.»?!

Но папа дописал до конца:

ленинградское — 22 коп.
трубочки — 28 коп.

— Вот теперь другое дело, — сказал он. — Теперь мы не прогорим и никого не обманем... Да, Анна Степановна, еще один вопрос... Как нужно говорить про мороженое... ну, чтобы покупали?

— Очень просто, — сказал Гриша. — Неужели не знаешь?

И он закричал:

— Пожалуйста, мороженое! Покупайте пломбир! Есть эскимо!

— Молодец! — одобрила Анна Степановна. — Голос подойдет.

Контролеры у трибун и не поглядели в их сторону: для них, наверно, все мороженщики и мороженщицы были на одно лицо.

И вот они уже на трибуне, идут по проходу вниз. Шум кругом такой, что Гришин папа сам не слышит, какое мороженое и как он предлагает. А очень скоро и он и Гриша забыли про тяжелые ящики, что оттягивали им шеи, и про содержимое этих ящиков и глядели только на поле, где среди двадцати двух здоровенных парней метался белый мяч. Анна Степановна несколько раз окликала их, но они ничего не слышали, и тогда она махнула рукой и пошла одна по проходу.

Но все-таки и в самый разгар футбольной битвы находились такие несерьезные люди, которые хотели мороженого, и время от времени Грише или его папе кто-нибудь кричал:

— Мороженое!.. Эй, девушка... То есть молодой человек, какое у вас?

Гриша отвечал сразу, а папа разжимал потную ладонь, где у него лежала скомканная бумажка, подносил ее к глазам и потом говорил:

— В трубочках — двадцать восемь, ленинградское — девятнадцать... нет, простите, двадцать две... И еще эскимо... сейчас... да, ровно одиннадцать копеек. Пломбира нет...

Деньги папа считал очень долго и все время переспрашивал:

— Правильно? Я очень плохо считаю... Проверьте, правильно?

А Гриша денег не проверял, только интересовался:

— Тут без сдачи?.. А сколько я вам должен?

Первый тайм заканчивался, футболисты устали, игра сделалась вялой, и тогда Гриша вспомнил о богатстве, висящем у него на шее.

— Папа, — сказал он. — Дай двадцать копеек, я хочу мороженого.

И он купил сам у себя вафельный стаканчик и дал самому себе одну копейку сдачи.

— Ты тоже купи, — сказал он папе.

И папа послушался. И многие другие, хотя им никто не предлагал, тоже потянулись за мороженым, и тут Грише и его папе пришлось нелегко. Хорошо еще подоспела Анна Степановна и приняла главный удар на себя. Она торговала, наверно, раз в пять быстрей, чем ее помощники.

А когда команды ушли на перерыв, просто невозможно стало работать: хоть бросай ящик с остатками мороженого и беги со стадиона! Но как убежишь, если впереди еще второй тайм, а счет первого 2 : 1 в нашу пользу?! И Гриша с папой трудились в поте лица.

Грише временами казалось, что всю жизнь он только и делал, что торговал мороженым, что, кроме этого, на свете другого дела нет и не будет, и тогда он начинал люто ненавидеть это самое мороженое!.. И чего только люди в нем находят? Гадость какая! Сладкая замороженная вода — и больше ничего! Да еще липкая, противная...

Уже давно ящики с мороженым стояли у ног, а не висели на их натруженных шеях, уже давно Гриша и его папа запутались в счете и молили только об одном: «Без сдачи! Давайте без сдачи!»

— Почему? — волновались в публике. — Что, у вас мелочи мало?

— Мелочи много, умения мало, — отвечал папа. — Мы еще не мороженщики, мы практиканты.

— Что придумали! — удивлялись в публике. — Посылают каких-то новичков. Стой тут полчаса за одним эскимо!

И многие уходили к Анне Степановне и к другим многоопытным продавцам, у которых

порции мороженого и монеты мелькали, как тарелки у хорошего жонглера. Но и Грише с папой тоже хватало покупателей.

— Безобразие! — возмущались в публике. — Детей торговать заставляют! Интересно, в школе знают об этом?..

У Гриши все уже болело: шея — от ящика, руки — от беспрерывных однообразных движений, ноги — оттого, что по ним колотили наполненные монетами карманы... Но вот — о счастье! — последний брусок мороженого, и больше нет. Один только лед дымится...

Гриша подбежал к папе, чтобы сказать об этом, и уже раскрыл было рот, но услышал папино имя и отчество и очень удивился.

— Леонид Борисыч! — кричал папе какой-то очкастый покупатель мороженого. — Это вы? Что вы здесь делаете?

— Если я вам скажу, что играю центральным нападающим, вы ведь все равно не поверите, — сказал папа.

— Нет, правда? — настаивал очкастый.

— А по правде, это моя работа по совместительству. На общественных началах.

— Ну, а самая-самая правда?

— Купите пять порций мороженого, тогда скажу. Нет, даже лучше десять!

Они сошлись на четырех, и папин сослуживец ушел, нагруженный вафельными стаканчиками, покачивая головой и продолжая смеяться. И тогда Гриша выложил папе все, что собирался: как у него болят руки и ноги и как ему надоело брать и давать деньги — хоть бы их совсем на свете не было! — и что все-таки он распродал весь товар...

— Никогда не думал... — сказал папа. — ...вам шоколадное? Пожалуйста... Что это такое... да-да, пятнадцать... правильно... нет, эскимо уже нет... такой тяжелый труд... фруктового тоже нет... Пожалуйста... А, черт! Не могу больше! Идем отсюда! Где Анна Степановна?... Кончилось, граждане, мороженое! Все... я сменяюсь...

Папа схватил свой ящик и помчался с ним по ступенькам трибуны. А Гриша — следом... Ящик болтался у папы на ремне, как огромный транзистор, и казалось, что это он, а не папа время от времени растерянно выкрикивал:

— Анна Степановна! Где вы?.. Анна Степановна!

— Да вот, вот я, — услыхали они наконец ее голос. — Что, мороженое растаяло? Или денег не хватило?

— Хуже, — сказал папа. — Сил не хватило. Уж извините. Тут совсем немного осталось... Спасибо вам за все... Пойдемте в сторонку, сейчас мы с сыном отчитаемся, и если какая нехватка...

— Ладно вам, на самом деле, — сказала Анна Степановна. — Что я, не вижу, с кем связалась? И поработали вы хорошо и на мяч поглядели... Вам тоже спасибо... А племяши мои пусть теперь на глаза не попадаются! Я с ними еще сведу счеты!...

Гриша и папа отнесли свои ящики, куда велела Анна Степановна, и потом высыпали несколько пригоршней мелочи в ее огромные белые карманы, уже и без того наполненные почти до краев, и показалось им, что она сразу ниже сделалась, осела как-то. Зато сами они почувствовали себя легкими, как мотыльки, как воздушные шары, — прямо не удержаться на земле...

Папа именно так описал свое состояние Грише.

— Ну и куда мы полетим? — спросил Гриша.

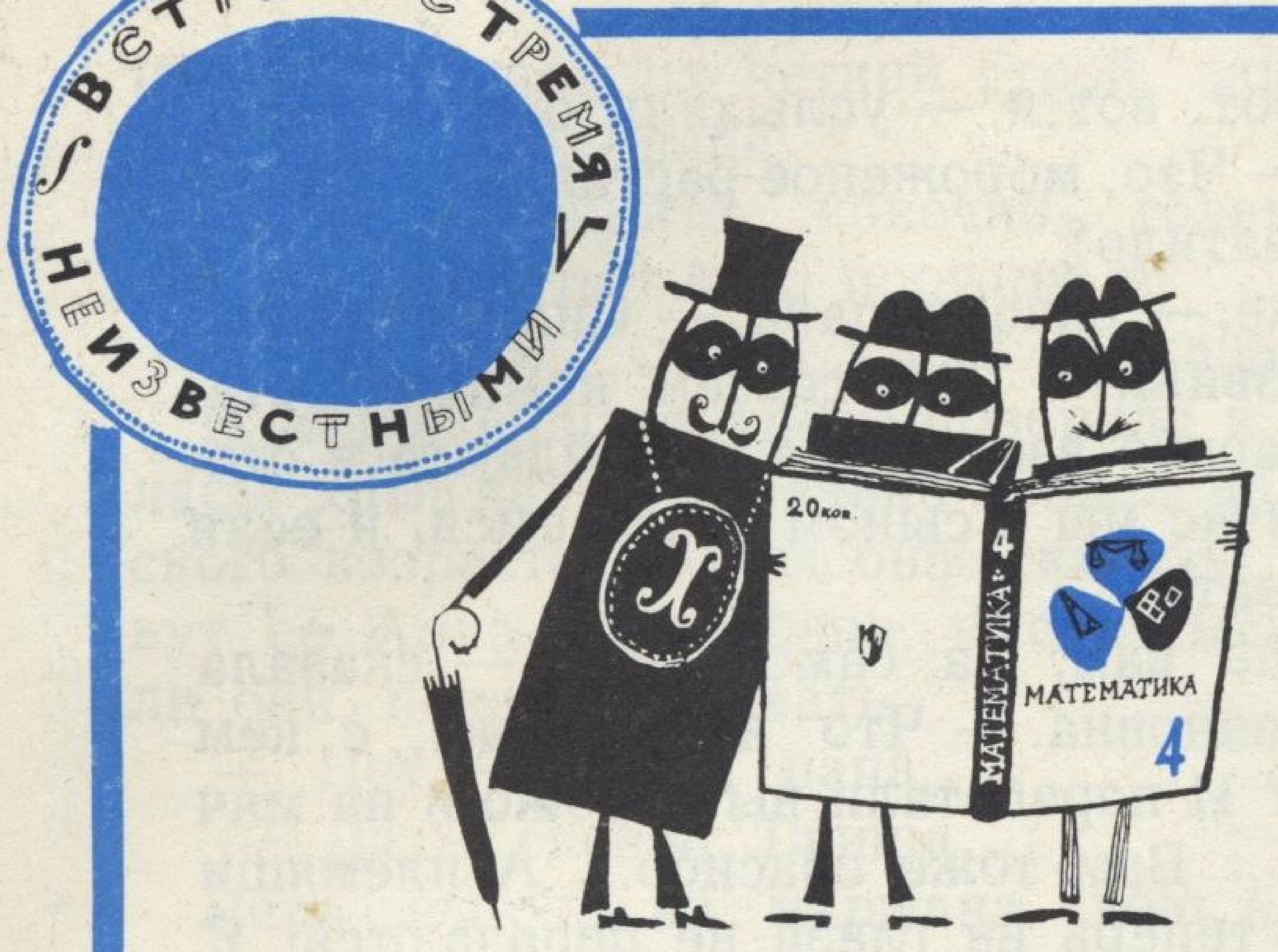
Папин ответ удивил бы, наверно, любого. Любого, но не Гришу, который сегодня разделил с папой все тяготы розничной торговли мороженым.

Папа сказал:

— Я думаю, что мы сейчас полетим... прямо домой! Вот куда... И как можно скорее! И хорошенько отдохнем там... А конец второго тайма вполне можно посмотреть по телевизору.

Так они и сделали.

— А конец второго тайма вполне можно посмотреть по телевизору,— сказал папа... Так они и сделали.



В руках у Трех Неизвестных новый учебник. На его обложке большая цифра четыре и надпись: «МАТЕМАТИКА, 4-й КЛАСС. ПРОБНЫЙ УЧЕБНИК». Однако не спеши думать, что, если ты старше, тебе все в этой книге уже известно.

В этом учебнике для 4-го класса много такого, чего раньше и в старших классах не давали. Так что не зазнавайся, а вместе с Иксом, Игреком и Зетом прочитай эти странички.

МНОЖЕСТВА БЫВАЮТ РАЗНЫЕ

Знаком ли тебе такой знак — ∅? Или такой — є?

Ручаемся, что нет. И не удивительно. Раздел «Множества» как раз из тех, которых раньше просто не было в школьной программе. А в этом учебнике он есть, и знаки эти как раз и употребляются при изучении множеств.

Что же это такое? Вот как рассказывает об этом новый учебник:

«Выпишем все числа, расположенные между числами 21 и 28: 22, 23, 24, 25, 26, 27. Они составляют **множество** чисел, расположенных между числами 21 и 28».

«...Множества могут состоять не только из чисел, но и из людей, машин, животных, растений и т. д. В жизни множества обычно называют по-разному. Так, например, говорят: не множество коров, а **стадо** коров, не множество лошадей, а **табун** лошадей, не множество инструментов, а **набор** инструментов и т. д.».

Понятно? Ну, конечно, теперь всем ясно, что солнечная система — это тоже множество, множество планет. А Венера, Земля, Марс, Меркурий, Нептун, Плутон, Сатурн, Уран, Юпитер — элементы этого множества. Записывают это математики с помощью фигурных скобок. Вот так:

Множество планет солнечной системы = {Венера, Земля, Марс, Меркурий, Нептун, Плутон, Сатурн, Уран, Юпитер}. Множество частей света = {Европа, Азия, Африка, Америка, Австралия (с Океанией), Антарктида}.

А = { а, я, е, ё, и, ы, о, у, ю. э }, где А — множество гласных русского алфавита.

Бывает, оказывается, и пустое множество. Для него и придуман специальный знак — ∅. Например, М — множество лошадей, пасущихся на Луне. Ясно, что М — пустое множество, М = ∅. (Если подумать, можно привести остроумные и смешные примеры пустых множеств. Попробуй это сделать!)

А второй знак, є, придуман для того, чтобы указать, что такой-то элемент принадлежит данному множеству. Если А есть множество, состоящее из элементов 81, 2, 0, 74, то число 2 принадлежит множеству А, а число 23 ему не принадлежит. Записывается это короче: 2є А, и 23 є А.

Вот вы и познакомились вкратце со множествами. Вернее, со множествами в математике, потому что всякий человек, который мыслит, все время пользуется в своей жизни множествами. Мы говорим: «группа», «отряд», «команда», «экипаж» и т. д. И пользуемся мы этими множествами совершенно правильно.

А зачем же они нужны математикам? В частности, чтобы сделать точнее язык математики, чтобы четче и яснее выражать математические истины. Это важно и для ученых и для школьников — будущих специалистов.

три 3 задачи

А теперь Неизвестные предлагают задачи из нового учебника:

● На вершину холма ведут три дороги. Составьте множество маршрутов, по которым можно подняться на холм и спуститься с него. Решите ту же задачу, если вверх и вниз надо идти по разным дорогам.

● М — множество чисел, оканчивающихся четной цифрой, Е — множество чисел, оканчивающихся цифрой 5. Какому из этих множеств принадлежат числа 24, 75, 338, 725, 900, 225, 2,5?

● К — множество планет солнечной системы. Принадлежат ли этому множеству Марс, Луна, Земля, Полярная звезда? Как это записать?

(По материалам пробного учебника математики для 4-го класса под редакцией проф. А. И. Маркушевича.)

● Найдите все двузначные числа, квадраты которых оканчиваются тремя одинаковыми цифрами, отличными от нуля.

● Каких чисел среди всех чисел от 0 до 999 999 больше: тех, в записи которых встречается единица, или тех, в записи которых ее нет?

А ТЕПЕРЬ — «МОРСКОЙ БОЙ»

Игра идет на доске 10×10 клеток. На этой доске расположен четырехклеточный «корабль». Какое наименьшее число «ударов» нужно сделать, чтобы наверняка попасть в «корабль»? Каким способом нанести эти удары?

Рисунки Б. Кыштымова

Неизвестные раскрывают свои ТАЙНЫ

(Ответы на задачи из № 11)

ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ

Задачу из рассказа Антона Павловича Чехова можно решать разными способами.

Например, можно рассуждать так: 138 аршин синего сукна обошлись бы купцу в $138 \times 5 = 690$ рублей. Но он потратил 540 рублей, на 150 рублей меньше. Заменяя один аршин синего сукна на аршин черного, можно уменьшить стоимость сукна на 2 рубля. Для того, чтобы уменьшить стоимость 138 аршин сукна на 150 рублей, надо заменить $150 : 2 = 75$ аршин синего сукна на такое же количество черного. Значит, купец купил 75 аршин черного сукна и $138-75=63$ аршина синего.

Можно решать и иначе, в частности так, как пытались действовать чеховские герои. Начнем с Петиного способа.

Петя разделил 540 на 138. У него получилось 3 и 126 в остатке. Если бы было куплено 138 аршин черного сукна, то при делении его стоимости на 138, конечно, получилось бы ровно 3 (без остатка). Замена 1 аршина черного сукна на аршин синего увеличивает общую стоимость сукна на 2 рубля, и остаток от деления общей стоимости на 138 увеличивается на 2. Для того, чтобы остаток стал равен 126, надо $126 : 2 = 63$ аршина черного сукна заменить таким же количеством синего. Значит, было куплено 63 аршина синего сукна и $138 - 63 = 75$ аршин черного.

А вот другое решение, которое начинается с того же, с чего начал учитель. Если бы черного и синего сукна было куплено поровну, то на 540 рублей можно было бы купить по $540 : (5 + 3) = 67\frac{1}{2}$ аршина черного и синего сукна, то есть всего $67\frac{1}{2} + 67\frac{1}{2} = 135$ аршин. Как купить на те же деньги 138 аршин? Будем рассуждать так: для того, чтобы купить еще 3 аршина черного сукна, нужно $3 \times 3 = 9$ рублей. Эти 9 рублей можно выиграть от замены $9 : 2 = 4\frac{1}{2}$ аршина синего сукна на такое же количество черного. При этом синего сукна останется $67\frac{1}{2} - 4\frac{1}{2} = 63$ аршина, а черного — $67\frac{1}{2} + 4\frac{1}{2} + 3 = 75$ аршин.

Разберем, наконец, алгебраический способ. Обозначая количество синего сукна (в аршинах) через x а, черного через y, получим систему уравнений:

$$x + y = 138$$
$$5x + 3y = 540.$$

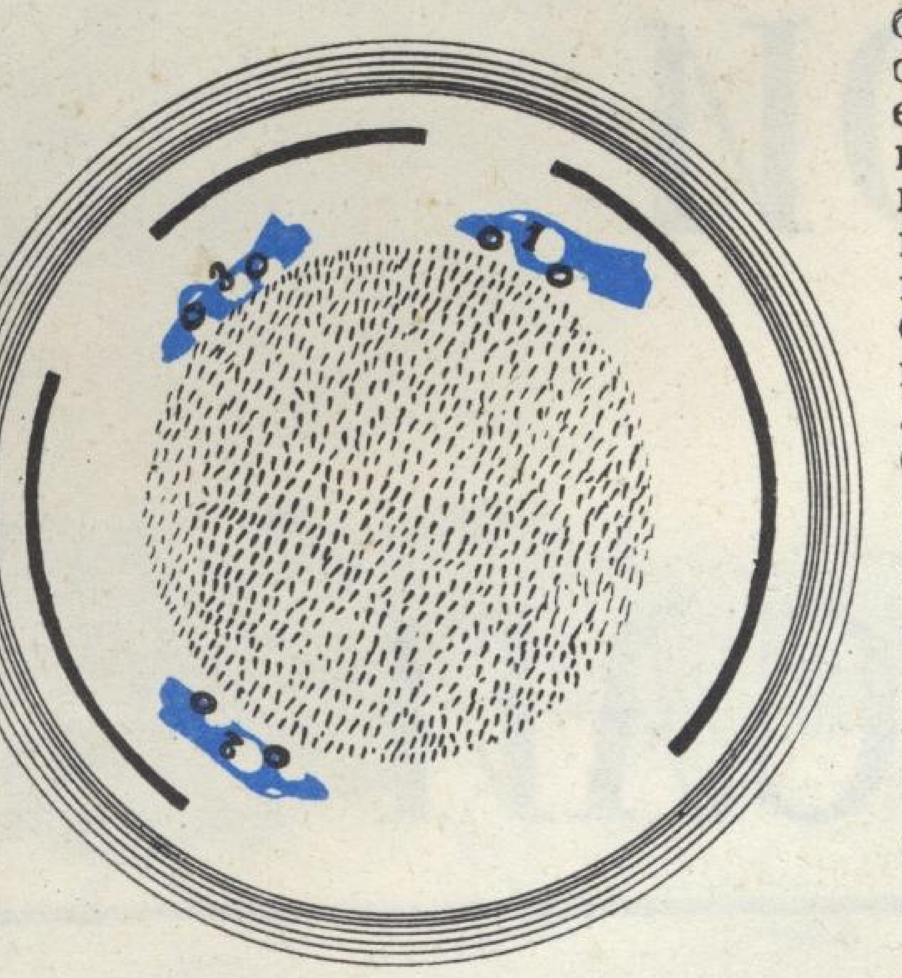
Из первого уравнения $y = 138-x$. Подставляя его во второе уравнение, получим $5x+3(138-x)=540$.

Решая последнее уравнение, найдем $x = 63$ аршина, значит, $y = 138-63 = 75$ аршин.

НАХОДЧИВЫЙ ГОНЩИК

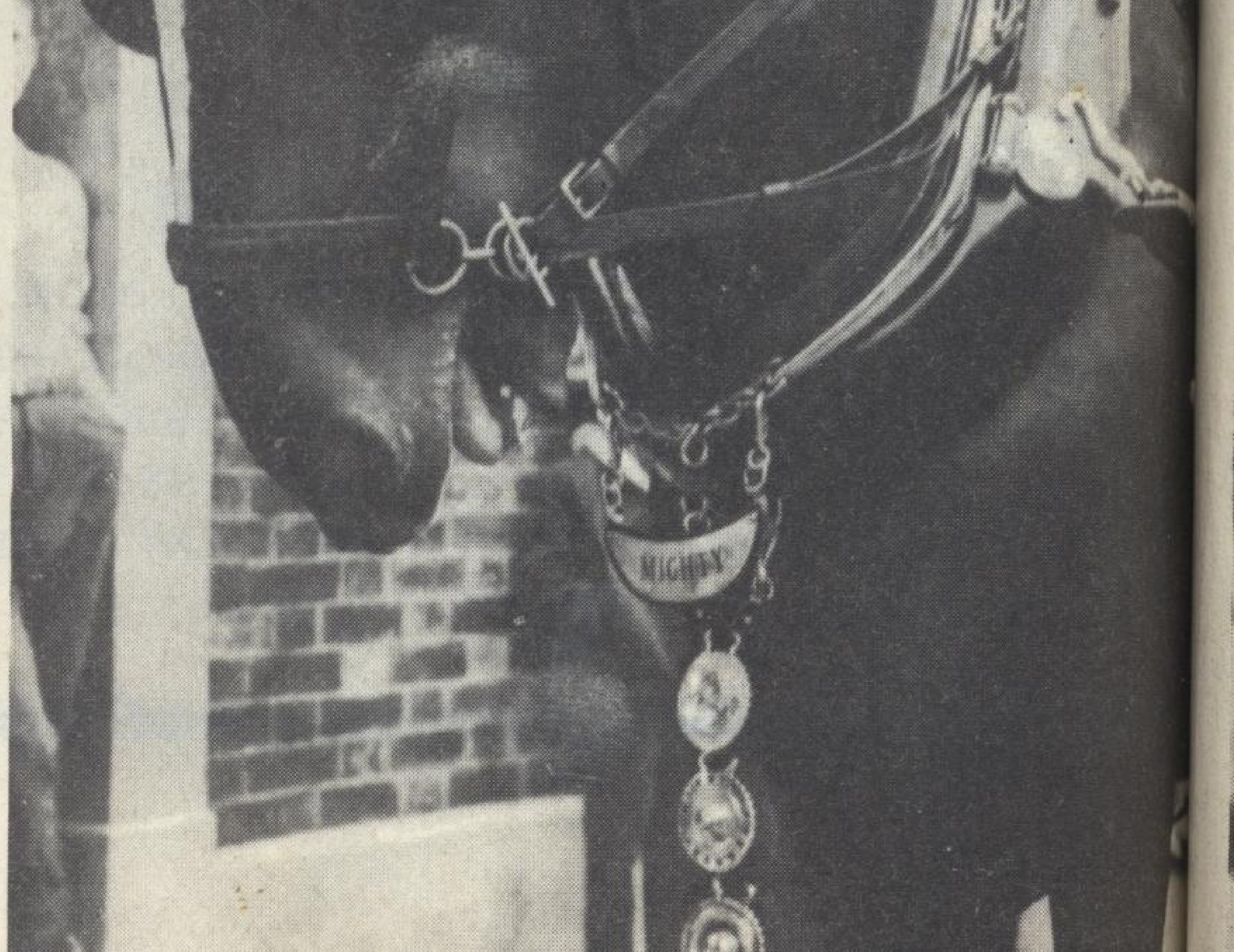
Среди трех автомашин есть по крайней мере одна (пусть это будет, скажем, машина № 1), бензина в которой хватит на то, чтобы доехать до следующей машины.

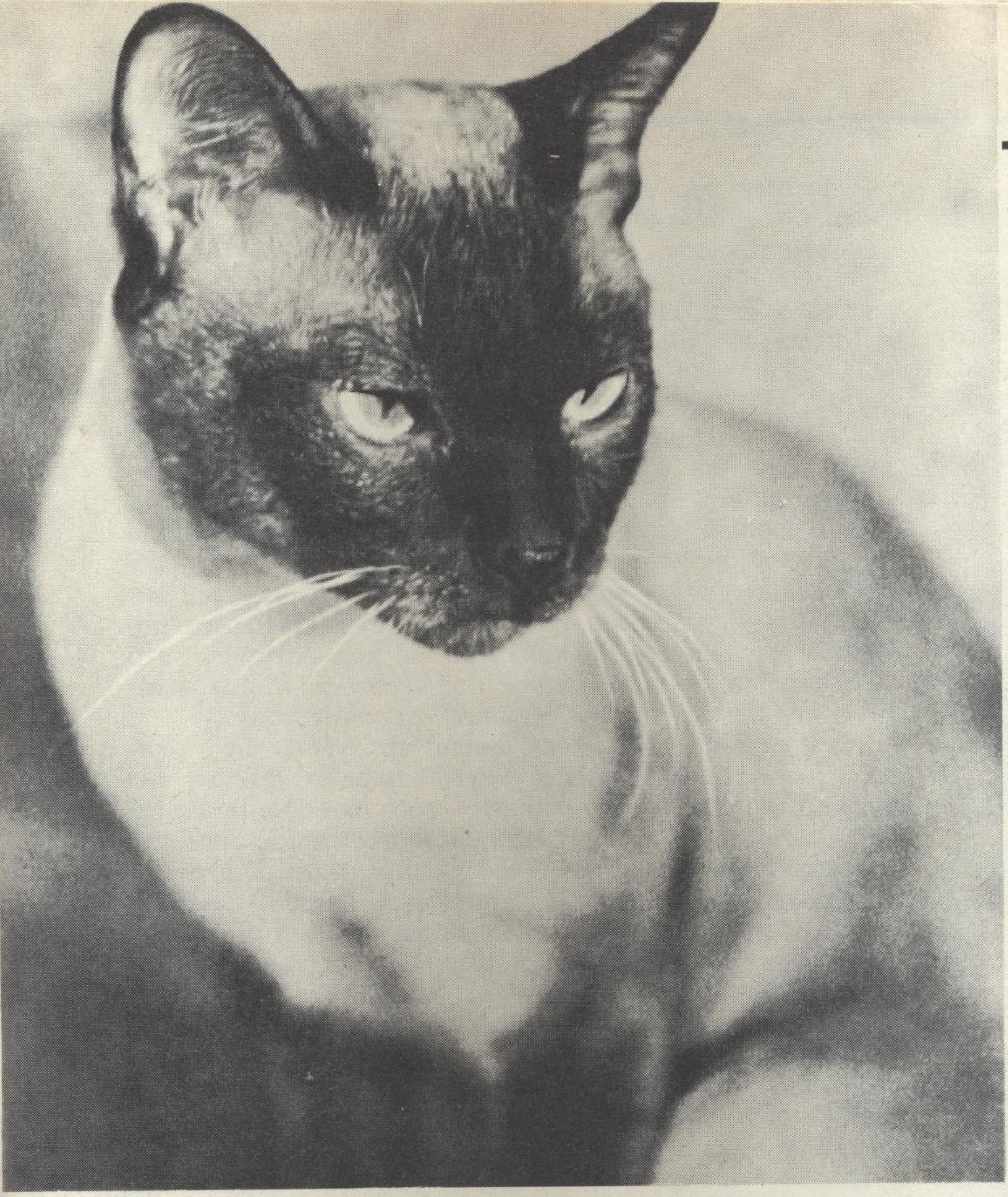
В противном случае общего количества бензина в машинах не хватило бы на то, чтобы объехать шоссе (см. рис.). Сев за руль машины № 1, Игрек может достичь второй машины и забрать весь ее бензин. Если этого бензина хватит на то, чтобы достичь машины № 2, он сможет заправиться ее бензином и объехать все шоссе. Если же общего количества бензина в первой и второй машинах не хватит на то, чтобы достичь третьей, то количества бензина в № 2 вполне хватит, чтобы достичь первой машины. В этом случае Игреку следует воспользоваться машиной № 2, затем достичь № 1, забрать весь бензин (по предположению, его хватит доехать до № 3) и, добравшись до № 3, тоже забрать весь бензин и ехать дальше.



Так назвал серию своих снимков Игорь Гаврилов. И мы согласны с Игорем — мы видим, как по-разному смотрят на мир и эта обезьяна, и кондор, и сиамский кот, и беззаботная птаха. Чтобы так увидеть и снять

У КАЖДОГО СВОИ МЫСЛИ

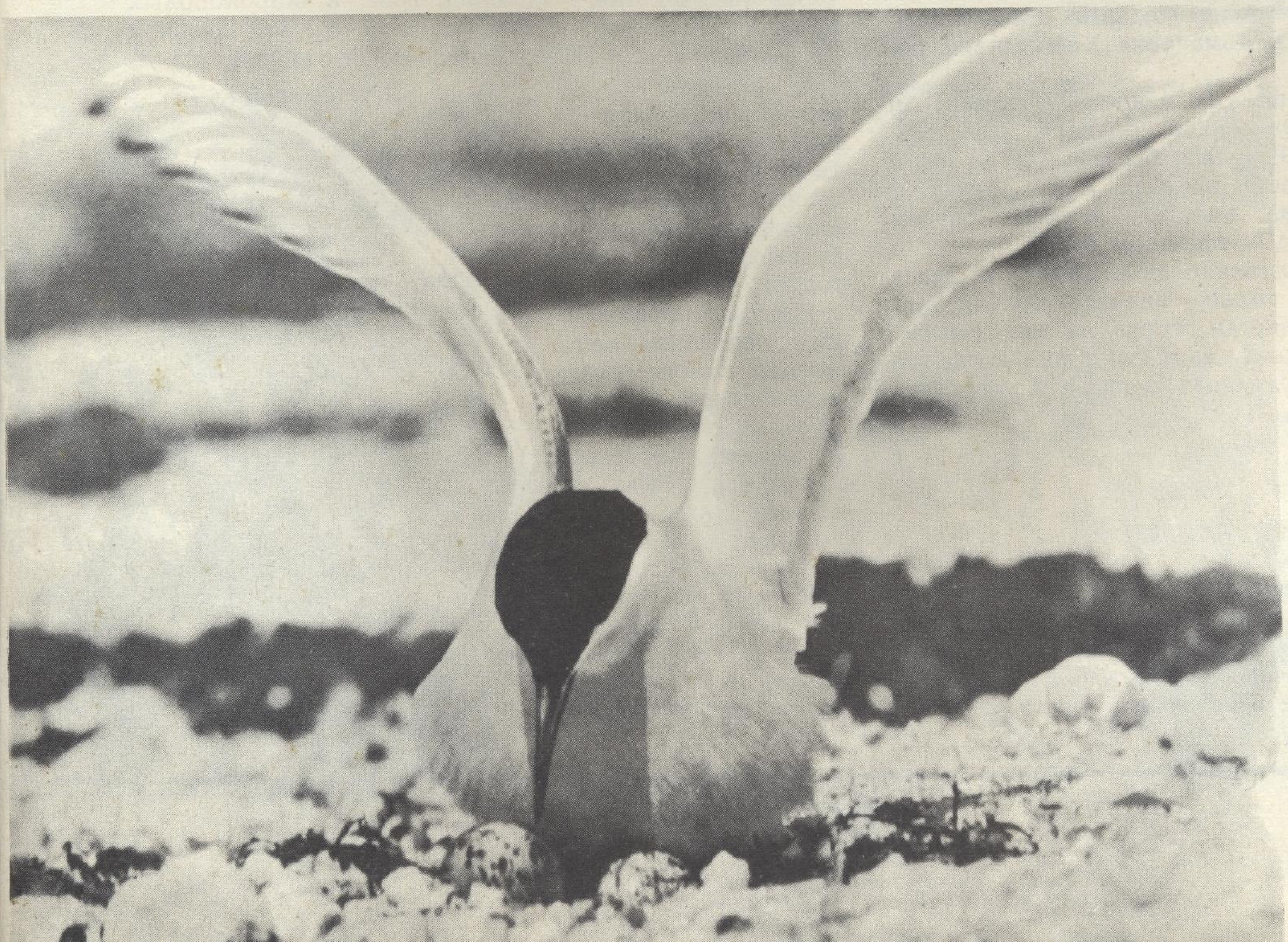




животных, нужно относиться к ним очень уважительно, уметь наблюдать их.

То же умение понять характер животного, его настроение чувствуется и в снимках девочки из Англии Жакелин Аркрайт («Чемпион») и датчанина Стрэнджа Мортена («Птица и яйца»).

Все эти работы мы взяли с первой международной выставки детских фотографий «Зоркий—Дружба-50».



ХВАТИТ МЕДИ НА ПАМЯТНИКИ!

Чудеса на крыше

Совершенно невероятную историю рассказал писатель Радий Погодин в новой повести «Шаг с крыши». Такую историю хорошо читать в ночь под Новый год, когда чудеса, как известно, ходят рядом. И ничего удивительного нет, если ты оказался в обществе дикарей у костра или пируешь в таверне с мушкетерами. На то и Новый год, чтоб маскарад, маски, приключения.

Да, но ведь с шестиклассником Витькой Парамоновым эта история приключилась не в ночь под Новый год — в обычный ленинградский день. Парень Витька как парень: любит ириски, карманы у него набиты гайками, шурупами, среди одноклассников особо отличает Анну Секретареву.

Так вот обычным летним утром Витька вылез на крышу по каким-то своим мальчишечьим делам и услышал странные слова, перевернувшие его жизнь: «Кружит, кружит круглеца, ламца-дрица хоп-ца-ца»... Слова эти произнесла синяя ворона, которая умела колдовать, колдовала на медь, тут же пожаловалась, что всю медь на памятники извели, но все-таки вежливо предложила Витьке исполнить его желание.

Теперь представьте себя в положении Витьки: пожелать можно что хочешь, а разве так сразу решишь? И лихорадочно расшвыряв мимолетные, не стоящие серьезного внимания желания стать отличником или чтоб речка у дома текла, наш герой решился.

«Родился я, понимаешь, не вовремя,— сказал он вороне.— Поздно я, понимаешь, родился. Дел сейчас для меня никаких. Родиться бы мне лет на пятьдесят пораньше, я бы всем показал. Я бы, может, с самим Чапаевым воевал вместе... А если совсем раньше родился,— я с д'Артаньяном бы...»

Исполнила ворона Витькино пожелание, и начал он свое путешествие, только вначале просчитался немного и — «каугли, маугли, турка ла му» (запомните эти волшебные слова: вдруг они вам когда-нибудь пригодятся?) — очутился в пещере у первобытных людей.

Подвиги бывают разные, или как хуп помог хапу

Шагнул Витька с ленинградской крыши прямо в пропасть веков — и до чего же беспомощным и неумелым сразу оказался! Девчонка Анука на охоту ходит, шкуры звериные выделывает, в темноте видит, как кошка, и даже саблезубого тигра не боится, потому что знает: в пещеру, где жил медведь, тигр не сунется.

А шестиклассник Витька ничего этого не знает и не умеет. Он умеет только читать про охоту, ну, нарисовать еще. Потом на коньках умеет кататься, на велосипеде. Силу ему, выходит, давали вещи, которых он не замечал, пока они под рукой, рядом. Рыбу, и ту Витька может поймать, если железный крючок есть, а откуда крючок у дикарей, которые и огня-то еще не приручили.

Был такой хороший писатель Илья Зверев. И со всеми своими друзьями, знакомыми и малознакомыми затеял он игру: спрашивал у каждого — вот если б попали вы в царство средневековья, какими сегодняшними знаниями, открытиями сумели бы вы поделиться и как это повлияло бы на ход истории? Это любопытная игра. Вы тоже примерьтесь и подумайте, чему бы вы смогли научить девочку Ануку.

Витька, как выяснилось, мало что умел. Вот окажись на Витькином месте другой парень, Гриша, например, из рассказа «Тишина» того же Радия Погодина, все могло бы сложиться иначе: задымили бы во всех пещерах печки — и русские, и фасонные, и всякие. Да то ли еще мог придумать Гриша! Он ведь слов говорить не любит. Но Гриша живет в соседнем рассказе, может, он и рад бы с Витькой попутешествовать, а ходу нет.

А Витька другой. Правда, и он вспомнил, как вожатый огонь высекал: развел в пещере костер, угостил дикарей жареным мясом. А сам исподтишка за спину поглядывал: не воздвигают ли ему за великие его дела памятник? «Это будет вроде бы подвиг открытия»,— сказал Витька, обмякнув от самодовольства. Честолюбивый он малый, Витька: он мечтает не только совершить нечто, достойное памятника, но хотел бы и присутствовать на открытии его. Зрители ему нужны, свидетели добрых дел.

А между тем на его глазах совершался действительно подвиг — проблеск человечности; подвиг добра: хуп не убил раненого хапа, хотя это диктовалось законами племени. Он страдал, мучился от сознания, что нарушает установленное предками. Душа его добрела в мучениях, но маленькая искорка человечности разгоралась, и хуп пошел на охоту, чтоб накормить раненого. А может, безымянный подвиг хупа был первой ступенькой в будущее, к нам с вами?

«Почему вы не хотите сражаться за свой народ?»

Первое, что увидел Витька, махом перескочивший через тысячелетия,— «дрались трое, в широкополых шляпах с перьями, в ботфортах из бычьей кожи и в кружевах». И Витька, мальчик начитанный, вздохнул с облегчением: это вам не дикари какие-нибудь, наконец-то он попал к обладателям «изящного стального оружия и бесстрашного благородного сердца».

Правда, происходящее несколько напоминало кинокомедию: исход поединка решали не шпаги, а швабра и медные кастрюли. Мушкетер был несколько жирноват и подловат: ради похлебки он готов был прирезать полмира. То, что в романах Дюма выглядело столь нарядным и блестящим, вблизи оказа-

лось грубым, как перевязь Портоса, у которой, если вы помните, было две стороны.

Но ведь не так просто расстаться с мечтой пройтись в обнимку с мушкетерами, распевая в три глотки: «Есть мушкетеры, есть мушкетеры, есть мушкетеры, есть!». И хоть и объясняет Витька мушкетерам, как неправильно они живут: права человека попирают, народ притесняют, а надо, чтоб народ правил,— но все-таки собирается сражаться с ними за короля.

И тогда девчонка Анетта говорит ему очень неглупые слова: «Если у вас народ правит, так почему же вы не хотите сражаться за свой народ?»

Но герой наш не дозрел еще до того, чтоб понять, что человек рождается для своего времени, которое он может обогнать без всякого колдовства, как хуп, а может разделить его ошибки и заблуждения. И человек несет ответственность за время, в которое живет. Каждый. И если человек ты и ищешь не славы, а дела, всегда найдется и за что драться и против кого.

И самого главного не понял Витька: подвигом-то называется не только драка, бой, поединок (бумвжик-трах!), но и то, ради чего ты дерешься, что за дракой стоит.

«Сдобными булками от тебя разит!»

И так получилось, что, когда попал, наконец, Витька к своим, чапаевцам, не узнали они в нем человека из будущего. Слишком благополучным он им показался, слишком речистым. «Сдобными булками от тебя разит!» — крикнула ему девчонка Нюшка.

Витька пришел к ним, зная много ученых слов, обогащенный опытом всех учебников, но чувствовать, как они, молча положить «душу свою за други своя» Витька не умел. Или еще не умел. Он мечтал красиво, геройски умереть, он побежал на допрос с песней: «Родина слышит, Родина знает, как в облаках ее сын побеждает». «Шумливый гимназист»,— сказали чапаевцы.

«Шаг с крыши» — повесть-сказка, повесть-притча, повесть-шутка. Если и стреляют здесь, то из игрушечных бутафорских пистолетов.

Веселый маскарад раскрутил, на радость читателям, Радий Погодин. Вы заметили, как мелькнули из-под масок дикарки Ануки, француженки Анетты и революционерки Нюшки бантики Анны Секретаревой, как все время кружится рядом с Витькой ее плиссированная юбочка.

И вот они снова с нами — Витька и Анна. А ворона, как ей и полагается, на дереве. И так Витька рад, что вернулся, что дома, и все мускулы души у него ноют по хорошему сегодняшнему делу. Он ведь, в общем, неплохой парень, Витька. Да и история его кое-чему научила.

Инна АНДРЕЕВА

КРАСИВАЯ И ВЕСЕЛАЯ

Кто? Книжка.

Какая? Такая. Называется «Солнце на гвозде», стихи.

Почему же на гвозде? Ну, это совсем легкий вопросик. Надо только взять книжку в руки, раскрыть ее на двадцать девятой странице, и все тут же станет понятно. Понятно?

А где книжку взять? Если на время — в библиотеке, если насовсем — в магазине. Ее недавно отпечатали в Ленинграде. Тираж большой: сто тысяч штук минус та, одна, которая у нас в редакции.

И еще: там, в книжке, и до двадцать девятой страницы и после есть много других стихов, чуть ли не на каждой странице — новое. Длинных стихов почти нет, скучных совсем нет, зато много интересных, есть совсем неожиданные, и многие стихи легко выучиваются наизусть. Например:

Март! Март! Март! Март!
Мухи выползли на старт —
Набирают силушки,
Расправляют крылышки.

Март! Март! Март! Март!
Ярче зелень школьных карт,
Дольше прежнего урок,
Звонче прежнего звонок —
Дзинь-нь-нь!

Вот как звонко сочинено! Почти так же, как галдят девчонки с зажмуренными глазами каждую весну вот уже много-много десятилетий подряд: «Мак? Мак? Мак!»

А вот стихотворение чуть грустноватое, задумчивое и очень доброе:

Провожайте самолеты,
Провожайте их глазами,
Может быть, знакомый кто-то
В небесах плывет над вами.

Но все рассказывать долго, а пересказывать стихи и вовсе не нужно, они от этого портятся, да и задача наша сейчас в другом. В том, что мы предлагаем читателю узнать еще одну книжку. И мы это сделали. А книжка, она красивая и веселая.

С. АРТАМОНОВ

ЧЕРНЫЙ ПЛАТОК

— Какой ваш самый любимый цвет? — спросил как-то один из гостей у барона Мюнхаузена.

— Не знаю, как вам и ответить,— сказал барон.— Вообще-то я люблю яркие цвета, но мой самый любимый цвет — черный, потому что ему я обязан жизнью.

— Как странно! Нам бы хотелось узнать, когда и при каких обстоятельствах черный цвет оказал вам столь великую услугу? — послышались со всех сторон возгласы гостей.

— Извольте, я вам расскажу,— ответил барон.— Во время войны герцога Фуркундского с принцем Пимпанским я был командиром главного разведывательного отряда герцога и однажды вместе с двумя своими адъютантами попал в плен. Всем нам троим грозила смертная казнь, но офицер, командовавший взводом, под конвоем которого нас переправляли в столицу Пимпании, захотел, очевидно, прославить себя тем, что он, видите ли, придумал задачу, поставившую в тупик самого барона Мюнхаузена.

Этот офицер на одном из привалов разложил перед нами пять носовых платков: два белых и три черных — и сказал:

— Сейчас я завяжу вам глаза, а потом, взяв наугад три из этих пяти носовых платков, свяжу каждому из вас платком руки за спиной. Оставшиеся два платка я спрячу. Я поставлю вас друг за другом так, чтобы третий, стоящий сзади, когда я развяжу всем глаза, видел платки двух других, а второй видел платок первого, а первый не будет видеть ничего. Если хотя бы один из вас сможет сказать, каким платком связаны у него руки, я всем дам свободу.

Офицер расставил нас так, как он сказал, и снял с наших глаз повязки. Мне выпало стоять первым. Я слышал, как сзади меня каждый из моих адъютантов (сначала стоявший последним, а затем второй) на вопрос, какого цвета платком связаны его руки, после мучительного раздумья ответил:

— Не знаю.

Когда офицер спросил об этом у меня, я тотчас же сказал:

— Черным!

— Вы спасены! — сказал офицер.

— Счастливчик! Как вы угадали?

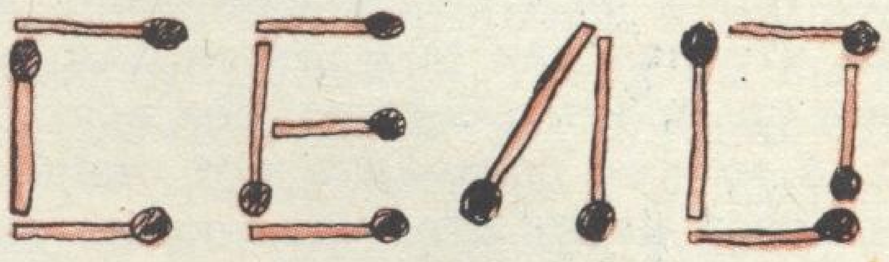
— Я не гадал, я установил цвет моего платка,— многозначительно ответил барон.— Впрочем, я не смог бы сделать этого, если бы мои адъютанты не были столь разумными и честными людьми.

Напишите: как удалось барону Мюнхаузену установить цвет платка?

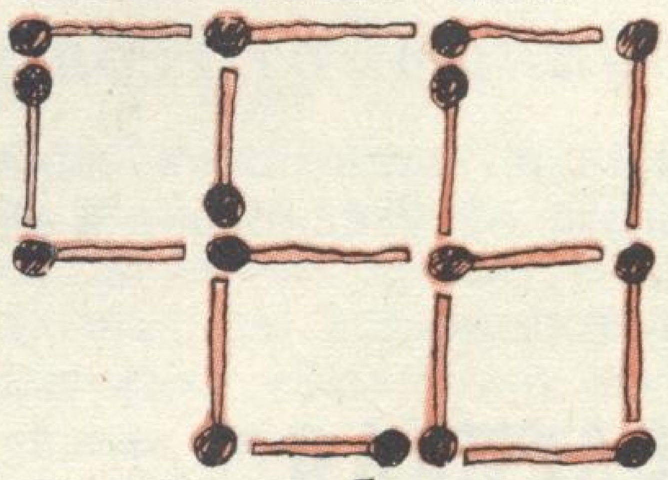
Осторожно!

Играем со спичками!

1. Возьмите 13 спичек и сложите из них слово «СЕЛО».



— А теперь попробуйте, перекладывая спички внутри каждой буквы (не перенося их из одной в другую!), получить новые слова, составляя новые буквы. В эту игру могут играть несколько человек, и выигравшим считается тот, у кого получится больше новых слов.

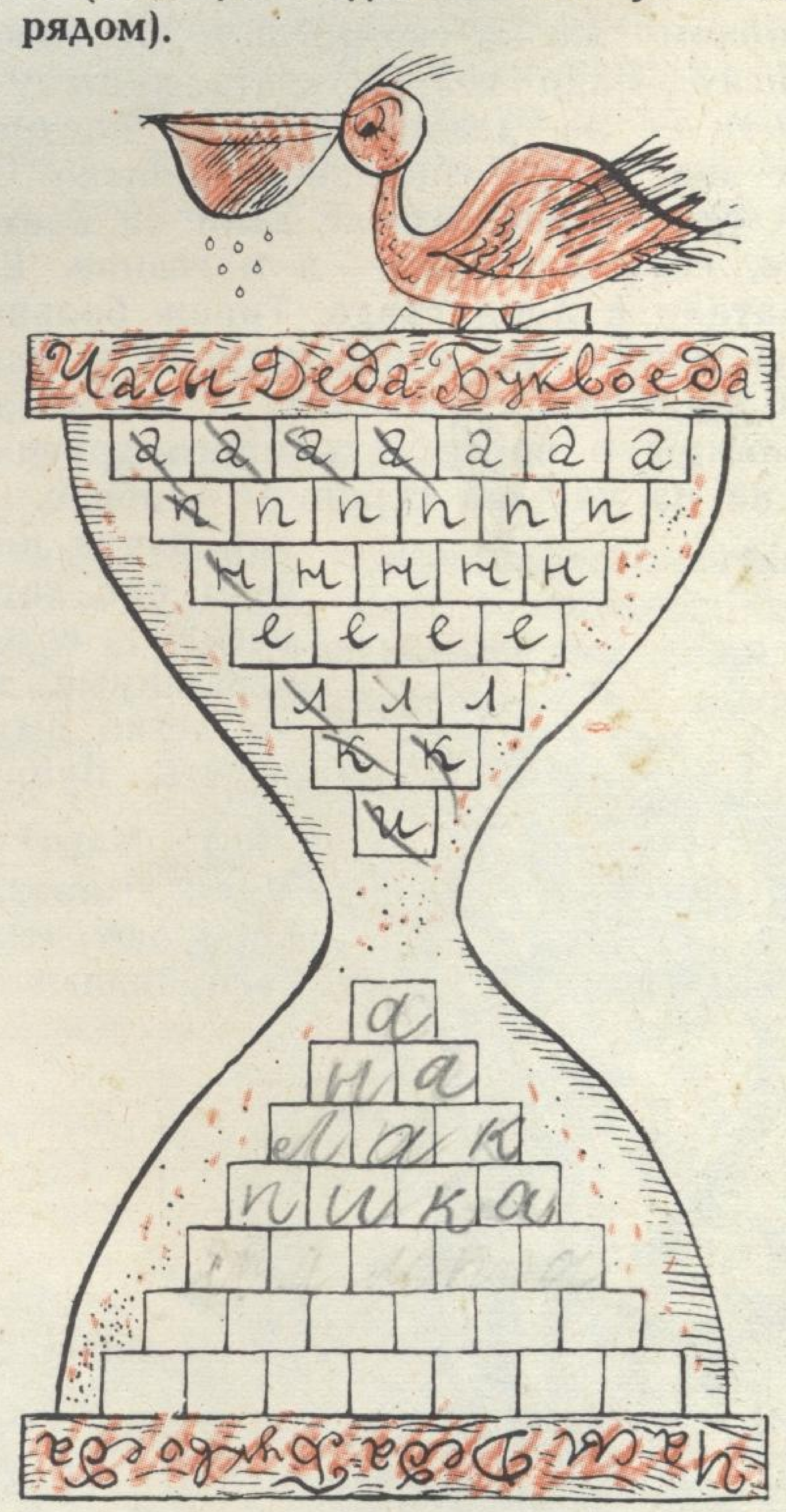


2. Теперь сложите из пятнадцати спичек пять квадратов, расположенных вот таким образом.

А теперь уберите четыре спички так, чтобы осталось в одном случае три, а в другом случае два квадрата.

3. Положите десять спичек в ряд с небольшим интервалом.

Образуйте из этих десяти спичек пять пар, перекладывая по одной спичке так, чтобы она обязательно перешагивала через другие (стоящие отдельно или уже лежащие рядом).



Рисунки В. СТАЦИНСКОГО

Где пословица зарыта?

У слов уха (1), капуста (2), фара (2), халат (2), глагол (3), поза (2), велосипед (3), веник (2), имя (1) возьмите столько стоящих рядом букв, сколько указано в скобках, и составьте из них пословицу. Трудно? Не бойтесь, получится!

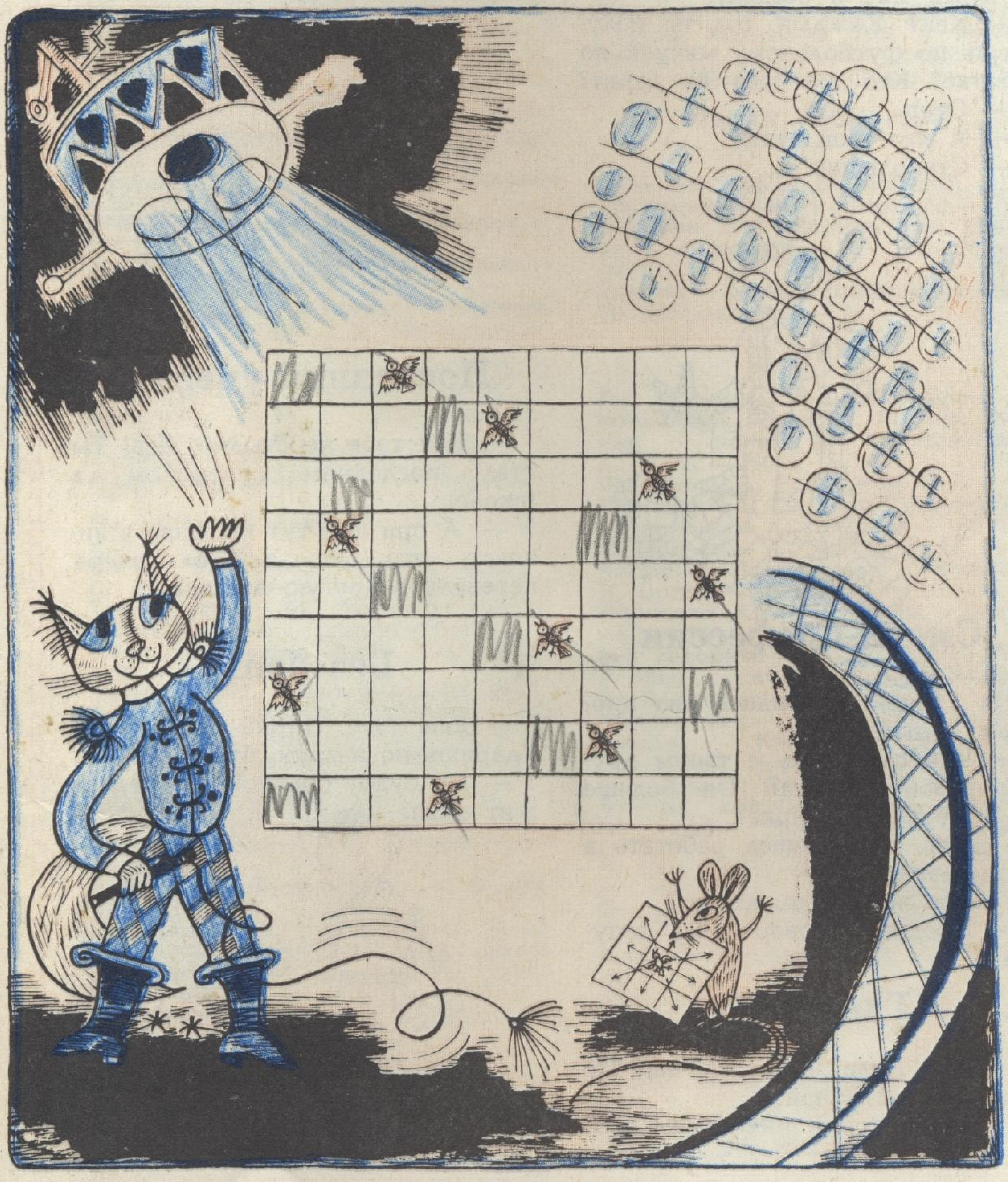
палата ума

Укротитель воробьев

Воробьи с большим трудом поддаются дрессировке, такой у них независимый и строптивый характер. Но одному дрессировщику все же удалось обучить стайку воробьев всевозможным трюкам. У публики особенный восторг вызывал номер, называвшийся «Смышленая девятка». На арене цирка ставился фанерный диск с большим квадратом, разделенным на 81 маленький квадратик. Воробьи порхали под куполом цирка. По сигналу дрессировщика они подлетали к диску и так рассаживались на жердочки в квадратиках, что ни на одной горизонтали, ни на одной вертикали, ни на одной диагональной линии ни один из воробьев не находился вместе с каким-либо другим (см. рисунок). Дрессировщик предлагал любому из зрителей определить и нарисовать на бумажке, какие три воробья из девяти могут быть перемещены на один квадрат (во всех направлениях) с таким расчетом, чтобы по-прежнему все воробьи оказывались на разных вертикалях, горизонталях и диагоналях. Когда из зала поступала такая записка, «укротитель воробьев» издали показывал ее своим питомцам, и три из них тотчас же перелетали в другие квадратики.

Присмотритесь к рисунку, а еще лучше вырежьте эту игру из картона и определите, как по-новому рассаживались воробьи.

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ



Ответы на задачи № 11

Стража в замке

Стража шла вот по какому маршруту: 13—14—13—9—10—11 — 15 — 16 — 12 — 8 — 7 — 6 5 — 1 — 2 — 3 — 4.

Скатерть-самообслужка

Как оказалось, дед Буквоед — лакомка. Больше всего он любит мороженое.

Где цитата зарыта?

Вот какая цитата из басни Крылова у вас должна получиться: «А воз и ныне там».

Осторожно!
Играем со спичками!
Три спички. А ну-ка!

Так вы уложили на столе спички?

Кто-то из енота

Все догадались, как переложить спички в слове ЕНОТ, чтобы получилось слово ОСЕЛ?

Расставьте правильно

Сначала Боря взял третий и четвертый тома и поставил их между вторым и седьмым, потом пятый и девятый — между четвертым и седьмым. И, наконец, шестой и девятый поставил так: шестой после пятого, а девятый после восьмого.

Часы деда Буквоеда

На этот раз буквы так сложились в слова:
а, ар, рак, арка, барак, батрак, акробат.

Из записной книжки Смехотрона

Сегодня в гостях у Смехотрона писатель-сатирик и переводчик Наум Лабковский. Скоро выходит его новая книжка — «Микроюморески со всего света». В ней собрано и переведено больше тысячи веселых историй и анекдотов. А как собиралась эта своеобразная коллекция, расскажет сам автор.

Все началось с марок

Когда мне было столько же лет, сколько тебе сейчас, я собирал марки: покупал их, менялся с товарищами, а потом так увлекся этим, что каждый день поджидал во дворе почтальона, ходил за ним, канючил, выклянчивал разрешения отклеивать с конвертов интересные марки.

Однажды соседу прислали письмо откуда-то из-за границы. На нем была прекрасная марка. Такой я еще никогда не видел. Я вывернул карманы, отдал почтальону свой любимый перочинный ножик и получил-таки разрешение отклеить марку. Конечно, я очень обрадовался. Но радоваться было рано. Друг моего соседа, видно, по рассеянности забыл написать обратный адрес, и сосед решил определить страну, откуда пришло письмо, по марке. Прибежал почтальон, стал требовать марку обратно. Я чуть не плакал. Ведь в тот же день я обменял ее на еще более редкую.

Потом я собирал спичечные коробки, этикетки отелей.

И до сих пор я не могу избавиться от страсти что-нибудь собирать. А несколько лет назад я начал коллекционировать смешные истории — услышанные, прочитанные в разных иностранных журналах. И вот как-то однажды, просматривая свою коллекцию, я понял, что из нее может получиться книжка. Я выбрал из нее несколько юморесок. Может быть, они придутся по вкусу и вам.

ЗНАМЕНИТЫЕ ЛЮДИ

Диета Марка Твена

Марк Твен был болен. Врач прописал ему строгую диету.

— Стакан молока и сухарики. Это все, что вам разрешается съесть за день.

— Но, милый доктор, почему так мало? — пытался сопротивляться писатель.

— Больше нельзя. Вы на диете.

— Гм...—проворчал Твен.—В таком случае прошу дать мне почтовую марку. Я хочу немного почитать перед сном.

Ответ Эйнштейна

Профессора Эйнштейна после его доклада на научной конференции спросили, какой момент для него сегодня был самый трудный.

— Самая большая трудность заключалась в том,— ответил Эйнштейн,— чтобы разбудить аудиторию, когда закончил вступительную речь джентльмен, который представлял меня публике.

Уроки Гуно

Великий композитор Шарль Гуно поучал молодого музыканта, любившего говорить о себе:

— Чем глубже вы проникнете в настоящее искусство, тем больше вы начнете ценить старых мастеров. Когда я был в вашем возрасте, я всегда говорил: «Я». В двадцать четыре года я уже говорил: «Я и Моцарт». В сорок лет—«Моцарт и я». А теперь я говорю: «Моцарт».

РЕПЛИКИ

Полезные подарки

У Джона день рождения, и товарищ спрашивает его:

— Ну, что тебе подарили?

— То же, что каждый год: футбольный мяч и рогатку.

— Как? Каждый год ты получаешь по футбольному мячу и по рогатке? Кто же тебе их дарит?

— Отец.

— А кто твой отец?

— Стекольщик.

Смена профессии

На улице встретились два цирковых артиста.

— Что случилось с твоим другом-чревовещателем? Он больше не выступает в цирке?

— Нет, он перешел работать в зоомагазин.

— Что же он там делает?

— Продает говорящих попугаев.

Где чай?

— Ясь! Куда задевался чай? Не могу его нигде найти.

— Ты никогда ничего не можешь найти! Чай в аптечке, в коробке из-под какао, на которой написано: «Соль».

Последний ученик

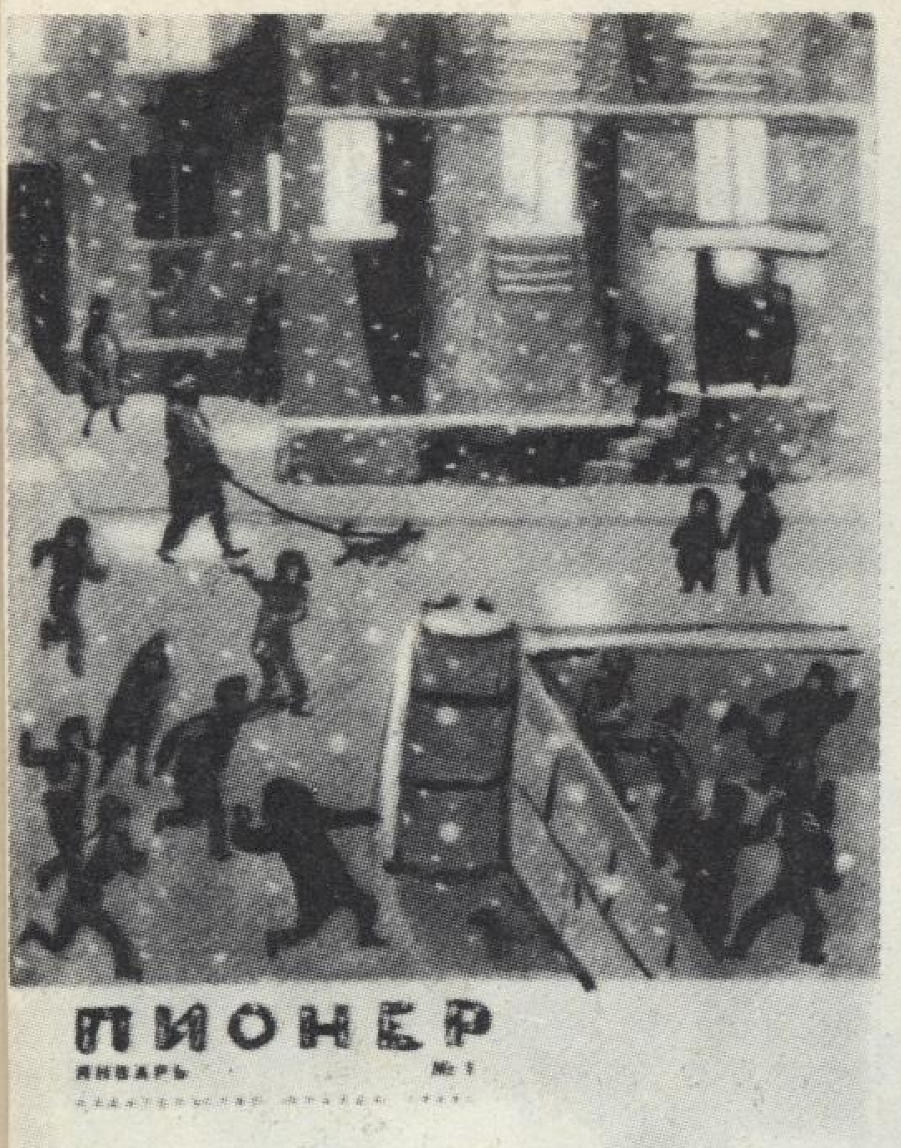
— Как тебе не стыдно, Ясь! Ты стал последним учеником в школе!

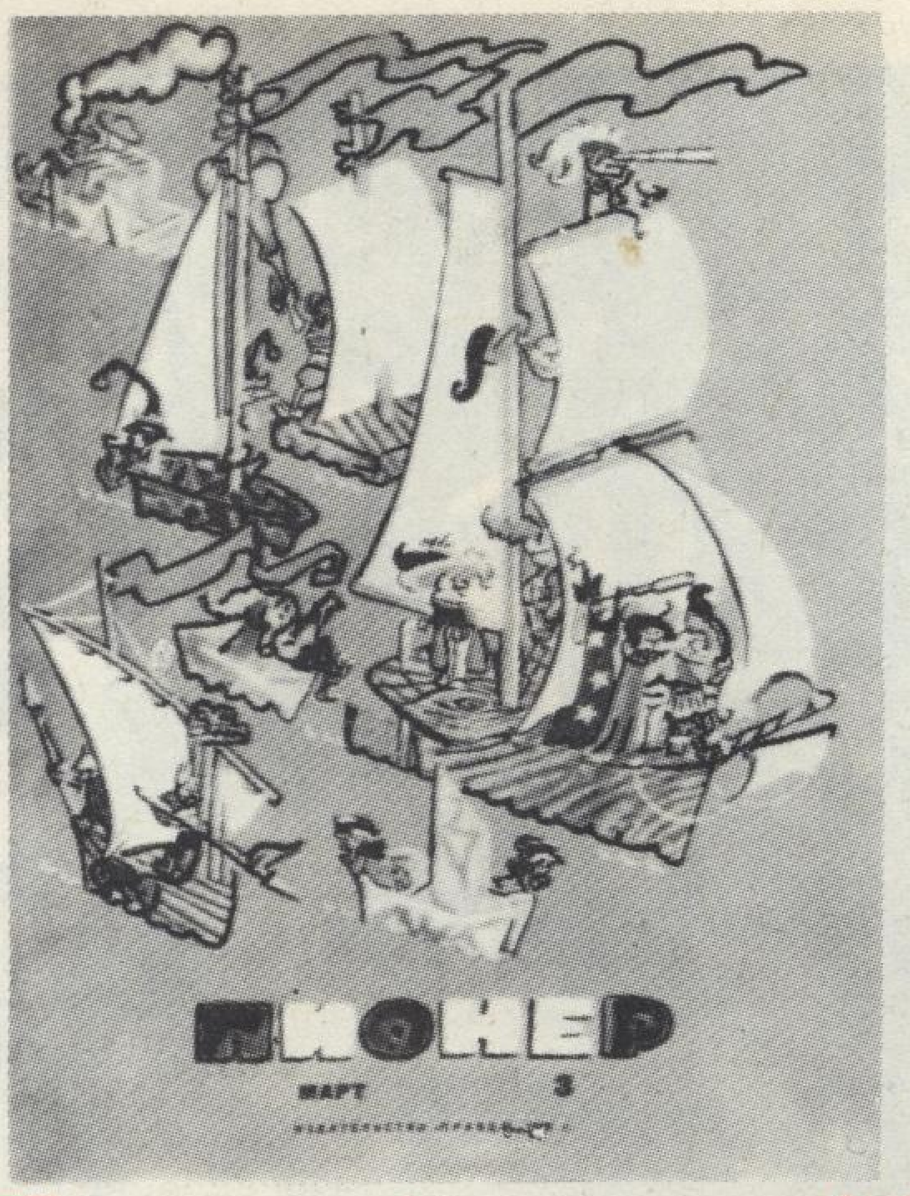
— А при чем тут я? Разве я виноват, что «последнего» вчера перевели в другую школу?

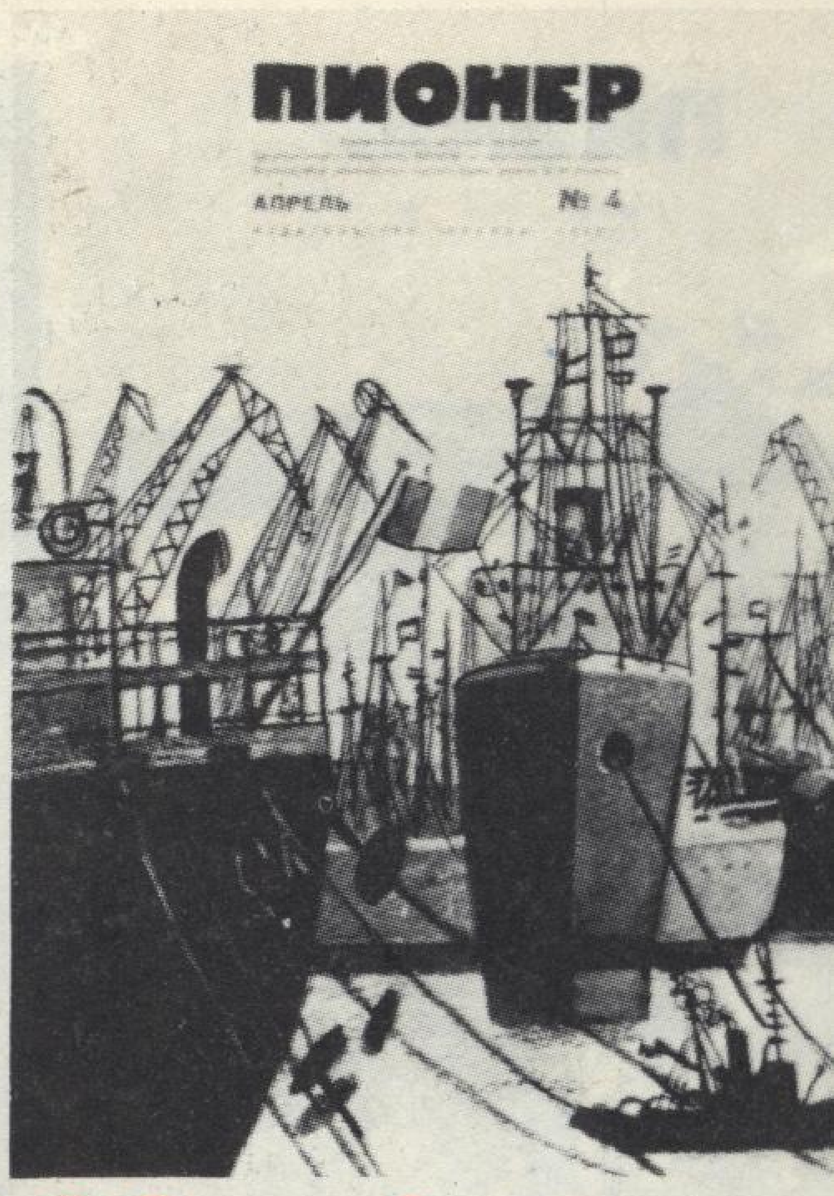
Без боли

— Ясь! Не играй молотком. Ударишь по пальцу, будет больно.

— Не будет больно! Гвоздь держит Аня.







Содержание журнала «Пионер» за 1968 год

ПОВЕСТИ

Огненный след жизни.— Л. Воронкова.— №№ 1—3.
Мальчишка с разбитой коленкой. Главы из повести.— А. Кардашова.— №№ 3,4.
Гости с Миона. Фантастический роман.— П. Стыпов. Перевела с болгарского Р. Андреева.— №№ 3—7.
Флаг рыбацкой республики.— Э. Корпачев.— № 5.
Яшкина Одиссея. Главы из повести.— М. Колосов.— №№ 5,6.
Последний парад.— В. Железников.— №№ 7,8.
Тень каравеллы.— В. Крапивин.— №№ 9,10.
Вперед, вперед, и не сдавайся! Повествование, основанное на дневниках и письмах Ирины Лапиной.— Б. Медовой, Т. Яковлев.— №№ 10,11.
Декабристы. Главы из повести.— С. Алексеев.— №№ 11,12.
Музыка.— А. Лиханов.— № 12.

РАССКАЗЫ

Портупей-прапорщик.— М. Бондарюк.— № 1.
Лошадиная поляна.— В. Бахревский.— № 1.
Старый испанец.— В. Злотников.— № 1.
Двадцать лет под кроватью.— В. Драгунский.— № 1.
Пифагоровы штаны. Фантастика.— В. Слукин, Е. Карташев.— № 1.
Последний лист.— А. Бек.— № 2.
Команда.— В. Голявкин.— № 2.
Ангелы неба. Фантастика.— В. Фирсов.— № 2.
Стрелок.— Ю. Хазанов.— № 3.
Минутное дело.— Б. Годунцов.— № 3.
На лодочной станции.— О. Кузнецов.— № 4.
Рыба большая, как лошадь.— С. Вольф.— № 4.
Тринадцать.— Ю. Яковлев.— № 4.
Фантомас.— В. Драгунский.—№ 5.
Наш обожаемый Кузя.— Б. Медовой.— № 6.
Зависть.— Л. Климович.— № 6.
Старик и внучка — русалка без хвоста.— О. Тихомиров.— № 7.
Деловой мужик.— А. Маркуша.— № 8.
Касторка.— Ю. Сотник.— № 8.
Вопросы.— Л. Сергеев.— № 9.
Сухие бананы.— И. Андреева.— № 9.
Заброшенный колодец.— Э. Корпачев.— № 10.
Прозвище.— Г. Голлендер.— № 11.
Настоящие мужчины.— М. Давыдов. Перевел с лакского Ц. Голодный.— № 11.
Заколдованный.— В. Панков.— № 11.
Вангур.— Н. Аргунова.— № 12.
Стожок. Последний лист.— Ю. Коваль.— № 12.
Покупайте мороженое! — Ю. Хазанов.— № 12.

СКАЗКИ

Ожидание.— С. Георгиевская.— № 2.
Страшный зверь из далекой страны. Кролик Ки-Ку. Необыкновенная история.— С. Козлов.— № 2.
Сказка.— Антон Загогулин.— № 3.
Брат Ходжи Насреддина, или 15 историй из бесконечной жизни Дахо.— Перевели с персидского Ч. Байбурди и Ю. Борщевский.— № 4.
Ганс Рекле и черт.— В. и И. Корн. Перевел с немецкого В. Розанов.— № 5.
Сказка о сказке. Коршун и курица. Как кошка искала друга. Заяц и мангуста.— А. Гарф.— № 5.
Мальчик и три ключика.— А. Шаров.— № 6.
Я сам. Шотландская сказка. **Мудрая Унах.** Ирландская сказка.— Пересказала Н. Шерешевская.— № 7.
Кэдуладер и его козы. Валлийская сказка. **Малышка Том и великан Денбрас.** Английская сказка. Пересказала Н. Шерешевская.— № 8.

ТЕАТР «ФОНАРИК»
(Пьесы)

Один за всех.— Вл. Панков.— № 6.
«Великаны».— Г. Алексеев.— № 9.
Экзамен на рыцаря, или рыцарь на экзамене.— В. Медведев.— № 11.
Только одно представление! — Н. Доброхотова.— № 12.

СТИХИ

Ты помнишь? В нашей бухте сонной... Сны. Фабрика. Россия. Опять над полем Куликовым...— А. Блок.— № 1.
Фонарь.— Е. Рейн.— № 1.
Баллада.— И. Бабаев. Перевел с балкарского Г. Семенов.— № 1.
Человечек.— С. Вольф.— № 1.
Когда подрастают ребята.— В. Орлов.— № 1.
Поросята Хрюк и Хряк.— Ю. Мориц.— № 1.
Мы говорим.— С. Федоров.— № 2.
Ступая очень осторожно...— К. Ваншенкин.— № 2.
Просто так.— В. Караваев.— № 2.
Птицы. Ключи. Балконы.— Д. Лукич. Перевел с сербскохорватского Л. Яхнин.— № 2.
Почему сегодня дождь. Цыплята. Во сне. Правильный ответ.— О. Дриз. Перевел с еврейского С. Циферов.— № 2.
О Пушкине. Песня о рубашке. Птицелов. Читатель в моем представлении.— Э. Багрицкий.— № 3.
Маркиз Филимон.— Ю. Смирнов.— № 3.
Рисунок.— Ю. Коваль.— № 3.
Бабочка над снегом.— И. Заграевская.— № 4.
Подснежник.— Вл. Луговой.— № 4.
Судак. Утюг. Птенцы.— Р. Сеф.— № 4.
Смуглый отрок бродил по аллеям... Щели в саду вырыты... Летний сад. Муза. Поэт.— А. Ахматова.— № 4.
Стихи другу детства. С девушкой у Подлешанского ручья.— Ф. Грубин. Перевел с чешского О. Чухонцев.— № 4.
Трамвай. Мой замечательный нос. Зимой холодно платкам... Листок из тетради. Жук.— Э. Мошковская.— № 5.
Санглбанглтинглтаг. Лев. Если семь веселых ребят. Темнота.— Д. Радович. Перевела с сербскохорватского Т. Макарова.— № 5.
Язык птиц.— Е. Винокуров.— № 5.
Какой я счастливый! — Л. Николаенко.— № 5.
Король Джон и Дед Мороз.— А. Милн. Перевела с английского Н. Воронель.— № 5.
Возвращение.— В. Орлов.— № 6.
Беседа.— В. Викторов.— № 6.
Король Бим Бом. Зеленая гора.— А. Крестинский.— № 6.
Мы как-то куда-то зачем-то пошли...— В. Караваев.— № 6.
Пятерка.— Р. Сеф.— № 6.
На отмели. Обложной дождь.— Т. Белозеров.— № 7.
Чердак. Лопух.— Н. Юркова.— № 7.
Город бегемотов.— Э. Успенский.— № 7.
Вот какие пары.— С. Погореловский.— № 7.
Водопад. Щит Ахилла.— А. Кушнер.— № 8.
Листья странствуют. Вот что я знаю.— И. Цекович. Перевел с сербскохорватского Б. Корнилов.— № 8.
Жестокая битва моряков со спрутом колоссальных размеров.— П. Неруда. Перевел с испанского П. Грушко.— № 8.
Черепаха.— Ю. Мориц.— № 8.
Ласточки.— Р. Сеф.— № 8.
Про овечку и человечка.— Г. Сапгир.— № 8.
Ненавижу я щеколды и замки.— Л. Николаенко.— № 9.
Листья.— Л. Яхнин.— № 9.
Семь удивительных чудес.— М. Карем. Перевела с французского Р. Красильщикова.— № 9.
Пляска на реке.— Т. Белозеров.— № 9.
Про одного моряка.— А. Милн. Перевела с английского Н. Воронель.— № 9.
Если двери на запоре... Жил барабан... Почему не растет деревце... Если только захочу... Клоун. Прогульщик.— Э. Мошковская.— № 10.
Стихи из записной книжки.— В. Берестов.— № 11.
Превращения солнца.— М. Чаклайс. Перевел с латышского Г. Семенов.— № 11.
Фуникулер.— Р. Зека. Перевел с азербайджанского А. Халдеев.— № 11.
Тучкины штучки. Стихи о разнице вкусов. Взятие Зимнего (из поэмы «Хорошо!»). — В. Маяковский. — № 11.
Свэгмен. В школу.— К. Деннис. Перевела с английского Г. Усова.— № 12.

Пять ночей и дней. Трамвай идет на фронт. Сеттер Джек. — В. Инбер. — № 12.
Старый вагон. На перроне. Как же траве достается. Лист бумаги. — В. Викторов. — № 12.

ПЕСНИ

Песня о маленьком трубаче. — Слова С. Крылова. Мелодия С. Никитина. Музыкальная обработка В. Сережникова. — № 2.
Впередсмотрящий. — Слова Э. Мошковской. Музыка И. Егикова. — № 3.
Хорошо идти в строю! — Слова Н. Глазкова. Музыка В. Боганова. — № 6.
София — синие очи. — Слова Р. Василева. Музыка П. Ступела. — № 7.

ПУБЛИЦИСТИКА

Непобедимая и легендарная. — В. Александров. — № 2.
Письма Яши Гордиенко. — Г. Карев. — № 2.
Боевые награды Родины. — И. Головенко. — № 2.
Не пойду! — В. Павлов. — № 2.
Эшелон из Варшавы. — И. Черный. — № 2.
Конкурс «Под Красной звездой». — №№ 2, 5, 9.
На трибуне — Ленин. — А. Дорохов. — № 4.
Течет вода по городу. — В. Моев. — № 4.
Девятый Всемирный. — №№ 4, 5.
Беспартийных нет! — Г. Щедрин. — № 5.
Жилет. — М. Каменская. — № 5.
Мы открываем Маркса... — Н. Григорьева. — № 5.
Защитники «Пасти дракона». — А. Любушкин. — № 6.
София — город Фестиваля. — № 7.
Девиз — солидарность. — А. Крушинский. — № 7.
Летите, журавлики. — И. Кожевникова. — № 7.
Молочные реки в стеклянных берегах. — Е. Рубцова. — № 7.
Лавка «Сан-Симон» 144 вида бакалейных товаров. — М. Владимиров. — № 8.
Оружие на двух колесах. — А. Сербин. — № 8.
Будьте готовы! — И. Овчинникова. — № 9.
О чем поведали значки. — В. Павлов. — №№ 9, 11.
Рассказ верхолаза Ивана Тимофеевича Субботина о внутреннем напряжении. — Ю. Качаев. — № 10.
В морском дозоре. — Б. Холопов. — № 10.
А я продаю игрушки... — С. Федоров. — № 10.
Путешествие Левы Ермолаева. — В. Аксенов. — № 10.
Умелые руки, верный глаз, рабочая сметка. — А. Некрасов. — № 10.
Встречи, которых не забыть. — Р. Евгеньева. — № 11.
Али. — Фотоистория. — № 11.
На том стою и не могу иначе. — Р. Орлова. — № 11.
Дома Ташкента. — Н. Юркова. — № 12.

КОМСОМОЛЬСКИЕ СТРАНИЦЫ. — №№ 2, 3, 4, 6, 8, 9.

КРУГОСВЕТКА. — №№ 4, 8, 12.

ШКОЛЬНАЯ И ПИОНЕРСКАЯ ЖИЗНЬ

Веселая игра Там-Там. — №№ 1, 7.
По следам операции «Салют». — № 2.
Хороший месяц май! — № 5.
Мы играем в куклы. — № 5.
Бриз, приз и что из этого вышло. — А. Левин. — № 6.
По пути дружины князя Игоря. — № 6.
Волк, Дозор и Бомми едут на границу. — Л. Шерешевская. — № 6.
Они отправляются в путь. — Л. Симонова. — № 7.
Шарканское лесничество. — № 8.
Дорога в небо. — М. Лебединский. — № 8.

Надо посоветоваться

Ньютон позавидовал бы тебе. — И. Кикоин. — № 3.
Я с тобою не вожусь... — Л. Матвеева. — № 4.
Моя дорога. — Г. Айвазян. — № 5.

АГЕНТСТВО ННН. — №№ 1, 5.

ЭКСПЕДИЦИЯ «ЗДРАВСТВУЙ». — №№ 9, 10, 11, 12.
ХРАБРЫЕ ПОРТНЯЖКИ. — №№ 1, 2.
ПИОНЕРСКИЙ ГЛОБУС. — №№ 1, 6, 11.

Рисуют и пишут наши читатели

КОРАБЛИК. — №№ 1, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11.
А у нас... А у вас. — №№ 3, 12.
Приглашаем на выставку. — № 3.
Рисуют дети Вьетнама. — А. Сербин. — № 7.
У каждого свои мысли. — Фото И. Гаврилова, Ж. Аркрайт, С. Мортена. — № 12.

СПОРТ

Четыре совета Алевтины Колчиной. — № 1.
Человек на крутизне. — В. Преображенский, А. Майоров. — № 2.
Быстрее! — М. Исакова. — № 3.
И выше!.. — А. Алачачян. — № 3.
Летние игры. — А. Розенталь, Ф. Шефтель. — № 5.
Мы снова отправляемся в путь. — Д. Дар. — № 8.
О Череповиче и не только о нем. — С. Токарев. — № 8.
Человек с железным оленем. — В. Кононенко. — № 8.
Мотай на спицы. — № 8.
И в дождь, и в холод, и в жару. — С. Вольф. — № 9.
Санные затеи. — С. Глязер. — № 12.

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ. — М. Юдович. — №№ 1, 2, 4, 6.

НАУКА И ТЕХНИКА

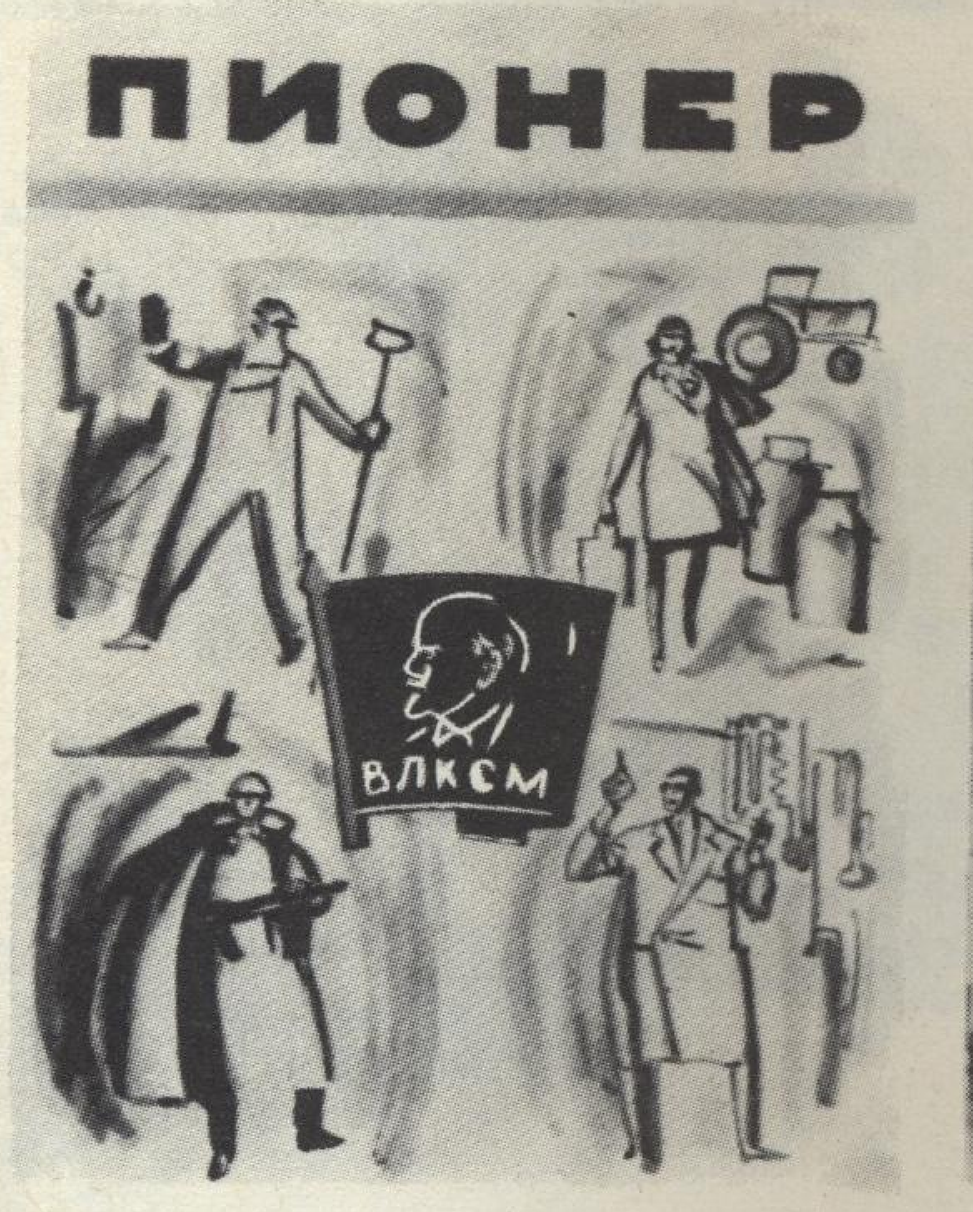
Отовсюду и обо всем. — № 1.
Морские ворота. — А. Некрасов. — № 4.
Рядом с машиной. — С. Федоров. — № 6.
Дом под водой. — С. Сахарнов. — № 7.
Историческая жизнь велосипеда, рассказанная наикратчайшим образом. — С. Артамонов. — № 8.
Челны, долбленки, оморочки. — Ф. Штильмарк. — № 9.
Разные разности про странные странности. — А. Шаров. — № 10.
Радиосигналы из космоса. — Ф. Зигель. — № 11.
Во льдах Иныльчека. — А. Яблоков. — № 12.

Научный телеграф

Остров — нелюдим и невидимка. — Вс. Иванов; **Шофер, поверни выключатель!** — О. Либкин; **Как моют руки.** — Б. Володин; **Бобры-дальневосточники.** — Р. Тихомиров. — № 2.
О чем свистят дельфины. — Ю. Баевский; **Трагедия в Андах.** — Ю. Котляр; **Новости Сатурна.** — Е. Рубцова. — № 4.
Ученые знают о ней понаслышке. — И. Канавец; **Хищные птицы под охраной закона.** — Ф. Тихомиров; **Клей, непохожий на другие.** — О. Либкин. — № 6.
Музей за семью печатями. — Е. Мар; **На дне морском.** — О. Либкин; **Красная книга.** — В. Близнецова. — № 8.

Крупным планом

Мастера навигации. — П. Хафслунд. Перевел Ю. Баевский. — № 1.
Гималайский медведь. — Ф. Штильмарк. — № 2.
Серый дракон. — Н. Сладков. — № 4.
Зеленые черепахи — обитатели океана. — А. Карр. — № 5.
Портрет Павло. — Дж. Даррелл. Перевел с английского А. Коркин. — № 6.
Ань-Ань и Чи-Чи. — И. Сосновский. — № 7.



География поэтическая

Поющий бархан.— Н. Сладков.— № 9.
Таинственное озеро Городно.— Н. Сладков.— № 11.
В избушке на Вишере.— Ю. Коваль.— № 12.

Только для мальчишек

Будь осторожен, сапер!— Н. Васильев.— № 1.
Про посошных людей, редуты и «дорогу жизни».— № 1.
С воздуха — в бой! — О. Назаров, А. Хоробрых.— № 3.
Солдатские часы.— Рассказ Б. Никольского.— № 9.

ВСТРЕЧИ С ТРЕМЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ. — №№ 1, 3, 5, 9, 10, 11, 12.

ИСКУССТВО

Секреты пяти линеек.— Л. Бернстайн. Пересказал С. Соловейчик. №№ 1, 7.
Служили два товарища.— Н. Колесникова.— № 1.
Как оживить рисунок.— В. Курчевский.— № 1.
Премия «Черный диск».—№№ 3, 11.
Что хотел сказать художник? — В. Пличе.— № 3.
Хина Мацури — праздник кукол.— В. Пличе.— № 4.
Книжные художники.— И. Уварова.— № 7.
Клад в горшке.— И. Уварова.— № 8.
По ту сторону занавеса.— А. Дорохов.— № 9.
Тайна племени «наска».—И. Уварова.— № 9.
Мастера радости.— В. Пличе.— № 9.
Забавные игрушки из овощей.— № 9.
Орленок.— № 10.
Лето наших открытий.— В. Константинов.— № 10.
Фарфоровые легенды.— И. Уварова.— № 12.

РАССКАЗЫ О ПИСАТЕЛЯХ

И вечный бой! (о стихах А. Блока).— С. Артамонов.— № 1.
Эдуард Багрицкий.— С. Артамонов.— № 3.
Читаем Горького! — № 3.
Письма к сыну.— № 3.
Из воспоминаний художницы В. Ходасевич.— № 3.
Таинственный источник (о стихах А. Ахматовой).— Ю. Новикова.— № 4.
Дом на берегу океана (о стихах П. Неруды).— М. Алигер.— № 8.
Дорогой Леня Пантелеев (к 60-летию Л. Пантелеева).— № 8.
Мальчикам иных веков.— С. Артамонов, Ф. Светов.— № 10.
Нестихающий стих (о стихах В. Маяковского).— Л. Кассиль.— № 11.
История о поэте и абрикосовой косточке (о стихах В. Инбер).— И. Андреева.— № 12.
К шестидесятилетию Н. Носова.— № 12.

ЧТО НАМ ЧИТАТЬ?

Когда дедушки были мальчишками (о книге Л. Радищева «Всегда на марше»).— А. Дорохов; **Незнакомые знакомцы** (о книге «Сказки народов Азии»).— Ю. Новикова; **Из любимой папки профессора Коллекциани-Собирайлова.**— № 2.
И пускай летит в комнату снег... (о книге В. Орджоникидзе **«Города нашего детства»**).— М. Коршунов; **Сказки старого друга** (о книге Д. Родари «По телефону»).— С. Сивоконь; **Любимая папка профессора Коллекциани-Собирайлова.**— № 4.
«Это молодость наша проходит, подняв паруса!» (о книге Е. Драбкиной «Баллада о большевистском подполье»).— Л. Разгон; **Любимая папка Коллекциани-Собирайлова.**— № 6.
Повесть о первом чекисте (о книге Ю. Дмитриева «Первый чекист»). – А. Алексеев; **Распечатанная красота** (о книге О. Чайковской «Против неба — на земле»).— С. Соловьев; **Любимая папка Коллекциани-Собирайлова.**— № 9.
Книга моего детства (о книге Б. Шатилова «В лагере»).— И. Андреева; **Бежин луг.**— В. Песков.— № 11.
Хватит меди на памятники! (о книге Р. Погодина «Шаг с крыши»).— И. Андреева; **Красивая и веселая она** (о книге А. Крестинского «Солнце на гвозде»).— С. Артамонов.— № 12.

ЮМОР

Ответы Эзопа.— № 2.
Апрельский листок.— Антон Загогулин.— № 4.
Футбол! Футбол!— Ю. Черепанов.— № 5.
Майский листок.— Антон Загогулин.— № 5.
Июньский листок.— Антон Загогулин.— № 6.
Рыбка. Из сказок на английский манер.— В. Левин.— № 7.
Лев.— Э. Ланкастер. Перевел с английского Ф. Шефтель.— № 8.
Августовский листок.— Антон Загогулин.— № 8.
Сентябрьский листок.— Антон Загогулин.— № 9.
Клуб «Под веселым котом».—№ 11.
Ноябрьский листок.— Антон Загогулин.— № 11.
Забавные случаи.— №№ 6, 9, 11.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ СМЕХОТРОНА.— №№ 1, 3, 4, 6, 8, 9, 12.

УМА ПАЛАТА.— №№ 1—12.

Веселые рассказы в картинках.

Как Пиф встречал Новый год.— № 1.
Всегда находчив, смел, весел! Кто? Конечно, Пиф! — № 1.
Удивительные приключения Тимы Петухова.— Ю. Постников, Е. Ведерников.—№№ 2, 6.
Приключения утенка Дональд-Дака.— У. Дисней.— № 3.
Мышонок, знаменитый на весь мир.— Д. Оленина.— № 3.
SOS.— К. Франт.— № 5.

Анкета-68

У нас есть традиция: каждому нашему читателю вместе с последним номером года мы посылаем анкету—несколько вопросов и надеемся, ты скоро нам ответишь.

Собрав все ответы, мы увидим, какая повесть и какой рассказ, какие стихи и какие рисунки больше всего ребятам понравились, крепко пожмем руки их авторам и попросим их писать и рисовать для «ПИОНЕРА» и в будущем году.

Итак, взгляни еще раз на содержание «ПИОНЕРА» за весь год, все взвесь и начинай отвечать.

1. Какая повесть тебе понравилась больше других?

2. Какой рассказ?

3. Какие стихи и какая сказка?

4. Какой очерк или статья?

5. Какая обложка тебе показалась лучше других, иллюстрации какого художника ты больше всего любишь?

6. Что тебе не понравилось в «ПИОНЕРЕ»-68?

СОДЕРЖАНИЕ

Ключ к номеру 1

Музыка.— Повесть А. Лиханова. Рисунки В. Перцова 2

Радиостанция «Здравствуй!» 17

Декабристы. Главы из повести. Окончание.— С. Алексеев. Рисунки П. Пророкова . . 18

Н. Н. Носов. К шестидесятилетию 23

Вангур.— Рассказ Н. Аргуновой. Рисунки П. Багина. Фото М. Кожухова 24

Старый вагон. На перроне. Как же траве достается! Лист бумаги.— Стихи В. Викторова. 31

Дома Ташкента.— Рисунки М. Скобелева. Текст Н. Юрковой 32

Фонарик.
Только одно представление!— Н. Доброхотова. Рисунки автора 34

Стожок. Последний лист.— Рассказы Ю. Коваля. Рисунки П. Багина 39

А у нас... А у вас? Рисунки Э. Булатова и О. Васильева. 42

Свэгмен. В школу.— Стихи К. Дж. Денниса. Перевела с английского Г. Усова. Рисунки Э. Булатова и О. Васильева . . 44

Во льдах Иныльчека.— А. Яблоков. Фото автора. Рисунки Н. Доброхотовой 46

Кругосветка 52

Фарфоровые легенды.— И. Уварова. Рисунки Н. Доброхотовой 54

История о поэте и абрикосовой косточке.— И. Андреева 59

Пять ночей и дней. Трамвай идет на фронт. Поздно ночью... Сеттер Джек. — Стихи В. Инбер. Рисунки Е. Медведева . . . 60

Покупайте мороженое! — Рассказ Ю. Хазанова. Рисунки Е. Ведерникова 63

Встреча с Тремя Неизвестными.— Рисунки Б. Кыштымова 68

У каждого свои мысли.— Фото И. Гаврилова, Ж. Аркрайт, С. Мортена 70

Что нам читать? 72

Ума палата.— Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки В. Стацинского 74

Из записной книжки Смехотрона 76

Содержание за год 77

Санные затеи.— С. Глязер. Рисунок А. Борисова 80

На обложке:

Театр на столе. Рисунок Н. Доброхотовой.

Главный редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Художественный редактор **С. Ю. Сахарова.**

Редакционная коллегия:

Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев** (заместитель главного редактора), **А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.
Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 00199. Подписано к печати 25/X 1968 г. Формат бумаги 60×84 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 913 000 экз. Изд. 2051. Заказ № 3093.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Спрашивается, зачем выкидывать сломанные лыжи? Незачем. Человек, у которого руки умеют, как надо, обходиться с молотком и с пилой, такой человек из сломанных лыж возьмет и смастерит санки, вот такие, как у нас нарисованы, или даже еще получше. Что дальше? «Вот свернулись санки, и я на бок хлоп! Кубарем качуся под гору, в сугроб». Хорошо?

Да уж, конечно, неплохо и смешно, особенно если не я «кубарем», а кто-то другой, а на него сверху еще один и еще, и вот вам куча мала. Но можно и кое-что иное выдумать — соревнования на самодельных санях, кто дальше всех проедет с горки или кто всех быстрее. Если же нету горок в ваших местах, надо их сделать. Это просто, был бы лишь снег. Накатали снежных комьев в оттепель, взгромоздили их один на другой, притоптали поплотней, а на ночь, к морозу, еще и водой полили — вот наутро и горка готова ледяная!

Если хотите знать, так на санках у нас в России катаются с незапамятных времен, то есть с тех времен, которые никому не запомнились, и до наших дней, до этой самой зимы, которая сейчас идет. Так что, съезжая с горы, мы с вами совершаем исторический поступок. Однако шутки в сторону, зима-то у нас идет, а сани не готовы, только нарисованы на обложке. И даром, напрасно лежит нетронутый снег на буграх, на горках, на склонах оврагов, да и мало ли еще с другими названиями возвышенностей, откуда можно отлично прокатиться и сидя, и лежа, и кубарем, как было выше сказано.

Одно у саней неудобство: «...люби и саночки возить»,— с этим ни один изобретатель покуда не сумел справиться. Впрочем, попробуйте, а выйдет что-нибудь, обязательно нам напишите, в «Пионер».

С. ГЛЯЗЕР,
мастер спорта

САННЫЕ ЗАТЕИ
скакунок
самолетик
ПОЛЕТ
ракета
А.Б. 1968г.

Цена 25 коп.
Индекс 70694.